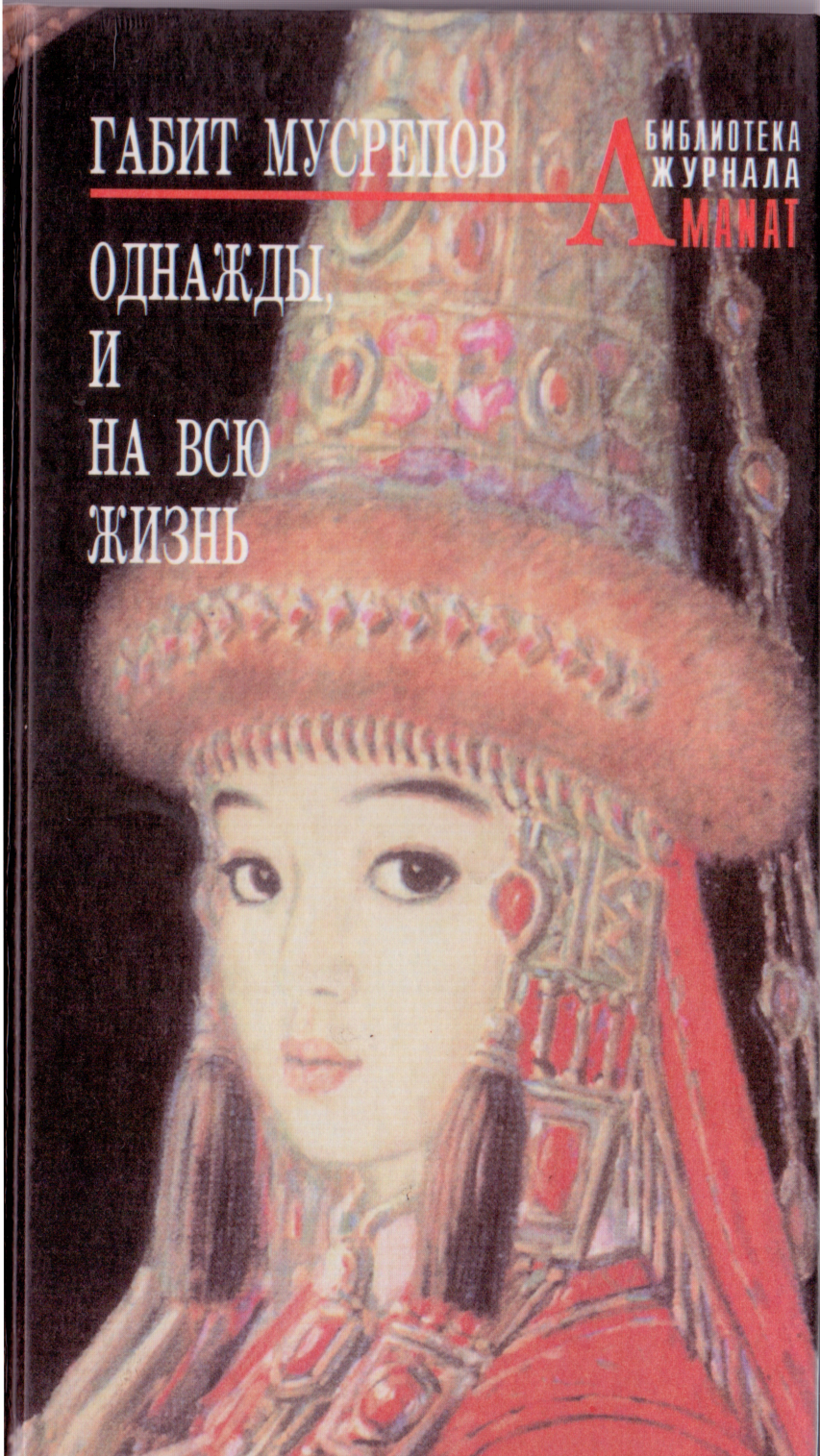

ГАБИТ МУСРЕПОВ

БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
А МАНАТ

ОДНАЖДЫ,
И
НА ВСЮ
ЖИЗНЬ

**Редакционный Совет Библиотеки
журнала “AMANAT”**

Роллан Сейсенбаев
(Казахстан) –
Главный редактор –
Председатель Совета

Абиш Кекильбаев
(Казахстан)
Алтынбек Сарсенбаев
(Казахстан)
Анатолий Ким
(Россия)
Аятолла Хьюбш
(Германия)
Валентин Распутин
(Россия)
Имангали Тасмаганбетов
(Казахстан)
Клара Серикбаева
(Казахстан)
Кэндзабуро Оэ
(Япония)
Леон Робель
(Франция)
Мырзатай Жолдасбеков
(Казахстан)
Мурат Ауэзов
(Казахстан)
Мухтар Кул-Мухамет
(Казахстан)
Олжас Сулейменов
(Казахстан)
Осман Тюркай
(Турция)
Пентти Холоппа
(Финляндия)
Хазрат Мирза Тахир Ахмад
(Великобритания)
Чингиз Айтматов
(Киргизия)

ҒАБИТ
МУСРЕПОВ

КЕЗДЕСПЕЙ
КЕТКЕН
БІР
БЕЙНЕ

ГАБИТ
МУСРЕПОВ

ОДНАЖДЫ –
И
НА
ВСЮ
ЖИЗНЬ

Читальный

014791 1

• Международный клуб Абая •
Семей • 2002

Литература, искусство, история, философия,
образование и религия народов мира

ББК 84 Каз. 7-44
М 11

Проза XX века

Перевод с казахского

Идея проекта, подборка произведений,
общий дизайн Роллана Сейсенбаева

На обложке работа художника
Агимсала Дузелханова

Дизайн Рустема Еспаева

Текст печатается по изданию:
Однажды – и на всю жизнь. Избранные повести
и рассказы.
Алма-Ата, издательство “Жазушы”. 1968

Габит Мусрепов.
Однажды – и на всю жизнь. Избранные повести
и рассказы.
 2002 г. 256 стр.

М $\frac{4702250201}{00(05-02)}$

ISBN 9965-611-09-2

Адамзат баласының алдында үш айғақты зор міндет тұр: бірі — б е й б і т ш і л і к т і, екіншісі — р у х а н и я т т ы, үшіншісі — т а б и ғ а т т ы қорғау һәм сақтап қалу. Бұлардың қай-қайсысы да біздің тіршілігіміздің басты бағдары. Бір-бірін толықтыратын ұғымдар. Осы үш бастауға Қазақстан-ның ғана емес, бүкіл Әлемнің болашағы байлаулы.

Бола ма, жоқ па деген Адамзат тіршілігіне бағытталған Гамлет күмәні: егер біз оған мән беріп, құлақ аспасақ адамзат алдында мәңгі шешілмес сұрақ болып қалатыны сөзсіз. Техникалық даму әлемде құлашын кеңге жайды, осыған орай адам да табиғатты құл қылуға барын салуда. Ұлы бабаларымыз қолдан соққан әлемдік мәдениет пен ойдың көзсіз мұхитын меңгеруде біздер олқы түсіп жатырмыз.

Өкінішке орай, әлем халықтары бастарына төнген қатерді аңғаруда мешеулік танытуда.

Интеллектуалдық және идеологиялық көзсіздік қоғамда болып жатқан ақиқаттан алыстатып, адамды апат жолына — моральдық, адамгершілік, рухани дағдарысқа белшесінен батырды.

Үшінші мыңжылдық біздің ортақ үйіміз — ЖЕР — БЕСІГІМІЗДЕ төтенше өзгертулер енгізуді талап етеді.

Өзінің биік, таза, рухани қасиетімен Кітап — мәдениет пен руханиятты қорғауда теңдесі жоқ қару болып табылады.

Кітап — адамзат баласына ағарту һәм білім сыйлай береді.

Кітап беттерінде адамзат тіршілігінің сан қилы құпия сырлары сақталған.

Кітап — уақыт пен кеңістіктің тынысына толы адамзат ойының жемісі.

Адамзат кітапқа өзінің қасиетті сезімі мен жан жылуын сеніп тапсырған.

Кітап біздің алға жылжуымызда, катаклизмдардан

арылуымызда, адамгершіліктің биік шыңына көтерілуде өлшеусіз ақыл қосады.

Кітап — ең сабырлы ұстаз.

Тек кітап қана қайырымдылық пен айуандықтың, ақиқат пен жалғанның ара жігін айнытпай танып білуге үйретеді.

Халықаралық Абай клубының «АМАНАТ» журналы жанынан шығып жатқан 200 томдық Кітапхана Қазақстанның тәуелсіздігінің 10 жылдық торқалы тойына лайық тарту.

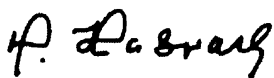
Отанымыздың болашағы — жастарға аманат қылып — Кітап қалдырамыз.

Мен Абай клубының адамгерлік әрекетін қолдаймын. Қазақтың көрнекті жазушысы Роллан Сейсенбаевтың «АМАНАТ» журналы мен 200 томдық Кітапхана шығарудағы ұлағатты бастамасына шын жүрегіммен қуанатынымды білдіргім келеді. Отанымыздың рухы мен мәдениеті үшін барын салған жазушыны Қазақстанның ұлтжанды, нағыз патриоттары қолдайтынына сенімім зор.

Жаңа басылымға ойшыл да, рахымды оқырман тілеймін.

«АМАНАТ» журналының 200 томдық Кітапханасы — Әлем халықтары әдебиетінің, өнерінің, тарихының, философиясының алғашқы томдары — дүниеге келуі тілге тиек етер, шын қуанар, үміт артар үлкен әлеуметтік құбылыс.

Кітапты аялайық, құрметтейік, кітапқа адал болайық!

Нұрсұлтан Назарбаев
Қазақстан Республикасының Президенті.

14 наурыз, 2001 жыл
Астана

КНИГА — САМЫЙ ТЕРПЕЛИВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Перед человечеством сегодня стоят три глобальные задачи: это — защита м и р а, защита д у х о в н о с т и и защита п р и р о д ы. Все они — главные условия нашего дальнейшего существования. Каждая из них не полна одна без другой. От этих трех начал зависит обеспечение грядущего не только Казахстана, но и всего мира.

Гамлетовский вопрос: быть или не быть относительно к завтрашнему человечеству будет стоять перед нами вечно, если мы не прислушаемся к голосу благоразумия.

Техническое развитие в мире шагнуло далеко вперед, благодаря чему человек стал расточителен в использовании природных ресурсов, созидательная энергия человека растрачивается попусту, и он утрачивает способность содержать богатейший океан культуры и мысли, накопленный предыдущими поколениями.

К сожалению, мы далеко не в полной мере осознаем это. Интеллектуальный и идеологический вакуум уводит людей в сторону от восприятия реальности, низвергает его в пучину разложения — морального, нравственного, духовного.

Третье тысячелетие требует от нас утверждения гармонии в нашем общем доме — ЗЕМЛЯ.

Книга — в своем первоизданном высоком и единственном, священном и одухотворенном значении — является всесильным оружием человека в защите культуры и духовности.

Книга несет человечеству знания и просвещенность.

Книга хранит в себе тайны бытия рода человеческого.

Книга — плод человеческой мысли, наделенный дыханием времени и пространства.

Книге человечество доверило свои священные прозрения, открытия души. Только книга может научить как двигаться вперед, как избежать катаклизмов и как взбираться на вершины человечности.

Книга — самый терпеливый учитель.

И только книга может научить нас безошибочно распознавать добро и зло, истину и ложь.

Для человека мыслящего нет ничего дороже книги!

200-томная Библиотека журнала «АМАНАТ» Международного клуба Абая посвящена 10-летию независимого Казахстана.

Мы оставляем будущему своей страны — молодежи единственное и наиболее полное завещание — Книгу.

Поддерживаю благородный поступок Клуба Абая.

Я искренне рад начинанию видного писателя Роллана Сейсенбаева в создании журнала «АМАНАТ» и 200-томной библиотеки журнала.

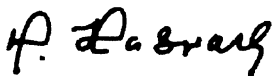
Уверен, что истинные патриоты страны поддержат и помогут его стремлениям служить культуре и духовности Отчизны.

Желаю новому изданию внимательного и благодарного читателя.

Поздравляю казахстанцев с выходом первых томов библиотеки журнала «АМАНАТ» — литература, искусство, история и философия народов мира.

Любите, берегите и будьте преданы книге.

Нурсултан Назарбаев
Президент Республики Казахстан

14 марта, 2001 г.
Астана

ИЗ СОЗВЕЗДИЯ ТАЛАНТОВ

Издаваемый Международным клубом Абая однотомник Габита Мусрепова «Однажды — и на всю жизнь» — достойный подарок к 100-летию великого писателя. У нас, жителей области, расположенной на крайнем севере Сары Арки, особый повод радоваться данному событию.

Наш щедрый и гостеприимный край является родиной классиков казахской литературы — Сабита Муқанова, Габита Мусрепова, Ивана Шухова, Магжана Жумабаева. Истоки же их творчества в бесценных творениях, ярком созвездии имен их предшественников, гордости казахского народа — Тлеуке Кулепина, известного под именем Шал-акына, Кожабегена-жырау, Акана-сэре, Сегиз-сэре, Укили Ыбырай и других.

Особое место в этом созвездии принадлежит Габиту Махмудовичу Мусрепову — казахскому писателю, Герою Социалистического труда, академику, государственному и общественному деятелю, 100-летие которого по решению ЮНЕСКО широко отмечается общественностью не только Казахстана, но и стран ближнего и дальнего зарубежья.

В годы ожесточенной борьбы идеологий, когда не было никаких середин, он сумел сохранить позицию Человека, Гражданина и Писателя.

Вот почему каждое переиздание его произведений воспринимается как соприкосновение с личностью и судьбой человека, «однажды и на всю жизнь» посветившего себя служению народу, процветанию его языка и литературы.

Габит Мусрепов был необыкновенный человек!

Он сумел сохранить до старости свободу духа и, пожалуй, единственный из своего поколения не был сбит с толку, не изменил ни самому себе, ни мудрости своего народа!

Габит Махмудович не был горделивым человеком, он был подчеркнуто строг и требователен прежде всего по отношению к себе, своему творчеству.

Приезжая в родные места уже признанным писателем, Габит всегда возвращался к истокам своей жизни. Только

ОДНАЖДЫ –
И
НА
ВСЮ
ЖИЗНЬ

I

ве недели Еркебулан почти не слезал с седла. Он проводил в аулах собрания — беспокойные, с самыми неожиданными поворотами и всплесками настроений, порою бестолково-крикливые... По решению уездного ревкома на местах создавались совдепы.

Молодой поэт, которому недавно исполнилось двадцать четыре, во время этой поездки с удивлением обнаруживал, как вознесла его людская молва.

— О-о, Еркебулан!..— говорили про него.— Двадцать два было парню,— ему бы за девушками бегать да по тоям ездить. А он? Он уже был среди тех, кто замахнулся на самого царя! Теперь рядом сверкают шашки Колчака, пули свистят, а Еркебулан не побоялся встать под красное знамя. У него сердце батыра. А какой поэт!..— И на память приводили его стихи.

Молодой поэт действительно находился в самой гуще событий, и его имя не зря связывалось со всем, что происходило в степи. А

возвышенные сравнения в его стихах простодушный народ воспринимал в прямом смысле. Буря — значит буря самая настоящая. Охваченная пожаром степь. Сильные и гордые орлы, устремившиеся к вершинам. От взмахов орлиных могучих крыльев и поднялась эта буря.

Он так тогда чувствовал и так писал об этом.

Днем Еркебулан провел собрание в волостном центре. Подходящего помещения там не было, и толпа расположилась у подножия невысокого холма.

Казалось бы, ежедневные выступления должны были пригупить у него способность зажигаться, и слова от частого употребления могли потерять силу и необычность. Но стоило ему увидеть собравшихся людей, заметить ожидание в их настороженных глазах, и он забывал про усталость, про то, что выступал только вчера и что завтра ему снова выступать...

Еркебулан говорил о свободе, которая, размахивая красным флагом, пришла в степь к казахам. Одни приветствуют ее, другие — шарахаются в сторону, третьи притаились и ждут... Чего ждут? Кто-то толкует о верности законам отцов, о покорности. А кто видел покорного муллу или покорного бая? Нет, им не для себя нужна покорность! Но так больше не будет, говорят большевики. Нет больше унижения, нет неравенства. Надо покончить с горькой несправедливостью судьбы. Но право на счастье придется еще отвоевывать.

Время от времени до него доносились возгласы:

— Верно говорит, а? Откуда только слова берет?

— Ну, джигит! Пожалуй, поручу я детей и жену аллаху, а сам подамся к нему в товарищи, если возьмет.

— Дай бог увидеть своими глазами хотя бы половину того, что он обещает!

Это шумели кедеи¹, по вековой привычке устроившиеся сзади. Им явно нравился ладный джигит. Обычная черная рубашка со стоячим воротником, черные суконные брюки, заправленные в остроносые сапоги, и тонкий кав-

¹ Кедеи - бедняки.

казский ремень с серебряной отделкой — все это удивительно ему шло. Им нравилось, как он откидывает назад густые черные волосы. И его речь, в которой была уверенность, вселяла в них надежды.

Собрание уже близилось к концу, и на этот раз Еркебулану казалось, что все сойдет благополучно. Но тут выяснилось, что на груди — под чапанами и покоробленными шубами сидевших лежали не только тымаки-ушанки. Кое-кто и камень припрятал за пазухой.

Качнулся передний ряд, оттуда посыпалось:

— Эй вы, рвань! Тихо! Раскудахтались!

— Хватит болтать, голодранцы несчастные!

Задние опешили. Нет, они не испугались. Просто не нашлись сразу, что ответить. Слово-то привычное, хорошо знакомое. Но странно было услышать его опять, в то время, когда наступила свобода, наступило равенство, как говорил этот приехавший из города джигит. Еркебулан тоже замолк. «Голодранцы несчастные» — кто бы мог это выкрикнуть?

Он оглядел первые ряды и ни на ком не сумел остановить взгляд. Но тут невзрачный серолицый человек с немигающими, точно у змеи, глазками крикнул:

— Помолчите, вы! Помолчите там! Дайте послушать приезжего человека. Я спросить хочу. Можно спросить?

Это он...

— Спрашивайте, — ответил Еркебулан, сразу готовившись к какому-нибудь подвоху.

— Вот не могу я понять... — начал тот грустно, как бы печалься о собственной непонятливости. — Классовая борьба — это как? Аргын-кипчак схлестнется с керей-уаком, а потом в их драку влезет и конрат-найман?¹ И все они должны будут колотить друг друга? Я правильно понимаю?

«А может, обычный аульный дурак-краснобай?» —

_____ 049791

¹ Аргын-кипчак, керей-уак, конрат-найман — названия казахских родов.

подумал Еркебулан и, усмехнувшись, поинтересовался:

— Вы в самом деле не поняли? Или просто так, язык захотелось почесать?

— Нет, нет! Как можно! Я хочу знать...

Но к этому времени задние ряды уже пришли в себя.

— Как же! Узнать он хочет!

— Знает он все, этот Бериш, только прикидывается дураком!

— Не отвечай, парень, не отвечай ему! Мы знаем, кто направляет этого пса!

Еркебулан поднял руку, чтобы успокоить толпу, и снова заговорил о классовой борьбе. Нет, речь идет не о родовой вражде. Пусть аргын-кипчаки и конрат-найманы живут в мире между собой. Им нечего делить. А враг у всех один.

Он посмотрел на сидящих в первом ряду. Они сидели багроволицые от постоянного обжорства, жирные, как осенние дрофы. И одеждой они не могли сравниться с теми: все в добротных плюшевых камзолах и мерлушковых, низко надвинутых на лоб шапках. Глаза их шныряли, будто мышата бегали взад-вперед.

Передние перекидывались вроде бы ничего не значащими словечками. Рукоятками камчей, обмотанными медной проволокой, они то и дело толкали Бериша: «А ну, ужаль!.. А ну, еще подкуси».

Вы всё слышали, сыны степей! — сказал Еркебулан. — Смотрите сами... Вам жить на этой земле. Вам и решать. Многие, наверное, видели от-арбу¹. Можно ли остановить паровоз, когда он мчится, развевая длинную черно-бурую гриву? Вот так и новое время — оно сметет тех, кто попробует его задержать.

Он замолчал, и сразу взорвались насмешливые возгласы:

— А, хитрозадый Бериш, что же ты замолк? Язык свой поганый проглотил?

— У, лиса! Заткнулся?

¹ От-арба — дословно: огненная повозка, поезд.

— Спина у тебя не чешется, Бериш? Истолкали ведь всего...

Но Бериш, как будто и не к нему относились все эти колючие слова, опять поднял руку:

— Слушать тебя, джигит, — что хороший кумыс пить и жаркий летний день. Красиво говоришь... И про красный флаг, и про от-арбу. Но я человек простой, неученый. Ты объясни мне. Ты пастбища отдашь бедняку. Скот — тоже ему. Власть теперь опять же в его руках, и патруженных, мозолистых, как ты сказал. Но смотри сам! В конце концов твой бедняк разбогатеет и сам — баям станет. Тогда как? У него будете все отбирать и раздавать бывшим баям?

Еркебулан не сразу нашелся, что же ответить. Ловко ты, Бериш, поворачиваешь! В груди похолодело от злости, и он уже знал, что вот сейчас наповал сразит ответным словом наглого байского прихвостня. Так бывало — и не раз.

Но он ничего не успел сказать. Задние ряды взметнулись и смешались с передними, и толстобрюхие стали отступать, огибая холм. Между ними вертелся тощий Бериш, увертываясь от десятков рук, тянувшихся к нему. Кто-то крыл матом чью-то рваную ушанку, кто-то — чей-то приплюснутый нос, кто-то — чей-то палец, высунувшийся из рваного сапога...

Бериша все же схватили, швырнули на землю, и от нескольких хороших пинков он откатился в сторону. Плюшевые камзолы сбились в кучку и, отступая, затравленно шипели: «Эй, эй ты! Потише!.. Потише». Ни гордой осанки, ни грозного вида, ни самоуверенной ухмылки — ничего не осталось. И плетеную камчу никто из них не решился пустить в ход.

Они отступили и скрылись за холмом.

Еркебулан стоял немного поодаль. К нему подходил высокий плечистый старик. Два молодых джигита хотели взять его под руки, но он недовольно повел бородой и отстранил их:

— Да вы что, дети мои? Думаете, я без вашей помощи уже и не взойду на бугор?..

Возле Еркебулана старик остановился. И толпа, следовавшая за ним, замерла. Вот так — разойдется народ, что река в половодье, а схлынет — как маленький ручеек.

— Нам передавали твои слова, сынок: «Наступает твой день, народ! Выходи встречать зарю новой жизни». Мы слышали о тебе и вот собрались послушать умное слово. И не ошиблись в надеждах. Верно я говорю? — Он повернулся к своим: — Такой может сам обмануться, но другого не обманет.

Еркебулан почтительно слушал старика. Еркебулану не приходило в голову объяснять такой исход собрания заиглятельностью своих речей. Нет, это время, время все расставляет по своим местам.

— Спасибо на добром слове, отец. Я рад, что мои слова коснулись вашего сердца — скромно, как подобает младшему рядом со старым, умудренным жизнью человеком, ответил Еркебулан. — Я только сказал, а решать всем вам...

...Об этом собрании, о стычке между «плюшевыми камзолами» и «рваными шубами» Еркебулан продолжал думать, подъезжая верхом к маленькому аулу на берегу озера Кзыл-Мола. Он вспоминал и то, как откровенно неприязненно сказал ему волостной управитель Мырзакельды: «Выходит так, товарищ полномошын¹, перессорил у нас людей, сорвал собрание, взбаламутил народ? Да? Смотри, чтоб потом не пожалел». Больше ничего не надо было от него слышать, чтобы определить, чью сторону он держит, кому тут он друг и кому — враг. Еркебулан резко сказал волостному: «Не забудь, что ты должен дать мне лошадей ехать дальше».

Солнце уже садилось, когда Еркебулан вместе с неразговорчивым провожатым добрался до Кзыл-Молы и спешился возле небольшой белой отау².

¹ Полномошын — искаженное: уполномоченный.

² Отау — юрта молодоженов.

II

Хозяин вышел ему навстречу. Он производил странное впечатление. Один его глаз недоверчиво ощупывал гостя, а другой смотрел куда-то в сторону, и нельзя было понять, кому он подмигивает, а кому плутовато-манскивает улыбаются. Иногда казалось, что он пересчитывает появившиеся на небе звезды.

— А лошади где? — спросил Еркебулан поздоровавшись. — Волостной говорил, что мне тут дадут коня до города.

Теперь на Еркебулана смотрел подобострастный глаз хозяина:

— Куда торопиться? Ведь поздно уже. Мы не знали, мы отпустили коней в табун. Заночуйте у нас. До нашего города пятьдесят всего верст. Завтра мигом доставим.

— А ты кто? Заместитель аульного старшины?

— Да, заместитель. Только решил отказаться. — Другой глаз уперся в Еркебулана. — Выгоды никакой, а хлопот много. Того встретить, того проводи. Пойду в каператып¹.

Откинулся войлочный полог, и молодая стройная женщина появилась перед Еркебуланом. Ай да косоглазый! Какую жену отхватил себе! Как он ее усмотрел?

Женщина, продолжая поддерживать полог, другой рукой сделала приглашающий знак.

Еркебулан вошел.

В юрте супружескую кровать закрывал старый выцветший занавес из пестрого шелка. Подстилка, одеяла, подушки, крытые самым дешевым полосатым ситцем, — все говорило о том, что хозяева очень далеки от достатка.

Хозяйка указала ему почетное место у очага.

— Можно? — спросил Еркебулан, показывая на домбру. Домбра лежала на пестро раскрашенном сундуке.

¹ Каператып — искаженное: кооператив.

— Конечно, — ответила она, не сумев скрыть своей радости.

А хозяин по-прежнему сумрачно молчал. Его явно что-то тревожило, он места себе не находил. «А мы вот откочевать собрались», — виновато промямлил он и вышел из юрты, но тут же вернулся и стал объяснять, что его старик отец уехал к волостному и почему-то задерживается.

Еркебулан снова остался один в юрте с домброй в руках. Он не любил хлестать по струнам. Он едва касался их пальцами, и от этих незаметных прикосновений рождалась легкая, ускользающая мелодия. Вот пробирается по степи спокойный ручей. А это — ветер заглянул по дороге в шумную и беззаботную тополиную рощу...

Молодая женщина тихо, чтобы не мешать ему, откинула полог и впустила парня с охапкой дров. Затеплился огонь в очаге, и когда он разгорелся, в юрте сразу стало просторней и веселей. Справа висело на стене выложенное серебром дорогое седло, а рядом с ним — изящная камча с ручкой, туго обмотанной проволокой. Медь и серебро тускло поблескивали, и казалось, о чем-то перемигиваются между собой в свете пламени.

За дастарханом стало уютно. Молодая хозяйка наливала густой пахучий чай с подогретыми сливками. Она явно старалась выказать незнакомому гостю свое уважение. Возможно, хотела сгладить впечатление от сумрачного молчания мужа?

— В неудачное время вы нас посетили, акын-кайным¹... Соседние аулы откочевали на джайляу. Одни мы тут торчим. Нет ни джигитов, ни девушек. Нет для вас достойных слушателей. Безрадостный вечер с унылыми супругами — вот что ждет вас сегодня.

— Почему вы думаете, что безрадостный? Что может быть дороже искренней доброты и сердечного внима-

¹Акын — поэт; кайным — ласковое обращение к младшему по возрасту.

ния? — вежливо ответил Еркебулан и взглянул было на хозяйку, но тут же почувствовал, что косою хозяин одним глазом нацелился на него, а другим — на жену. Еркебулан чуть рот не разинул от удивления. Ну и ну! А может, просто ревнует? Знает же, наверное, себе цену и ей, такой красавице?

Юноша, сидевший на корточках у стены, заметил изумление на лице гостя и не удержался, прыснул. Женщина догадалась, что его рассмешило. Она сказала словно невзначай:

— Кайсар, чего ты? Ты не можешь, как человек, не шпырять глазами вкривь и вкось?

Муж пропустил мимо ушей обидный намек.

— Послушай, неужели тут нигде нет поблизости коня, хоть какого-нибудь? — обратилась она к нему. — Послали бы Кайсара в аул Бузау-ата. Позвали бы молодежь к нам... А?

— Нет, — коротко ответил косоглазый.

— Зачем конь? Я и так могу сбежать, мигом всех соберу. Им только скажи, что у нас в гостях акын!

Юноша чуть привстал. На нем был светлый из овечьей шерсти чапан, слабо затянутый в поясе, из-под чанана проглядывала голая грудь. Оспинки на лбу и на щеках не портили его лица, оно было открытым, доброжелательным. Видно, легкий, исполнительный парень этот Кайсар.

Но в ответ и на его предложение сбежать хозяин снова отрубил:

— Нет...

— Да почему это нет?! — возмутилась она. — Или мы людей боимся? Или каждый день к нам приезжает акын, которого могли бы послушать наши соседи? Им же такая ночь на всю жизнь запомнится. А ты одно знаешь: нет, нет, нет...

Хозяин не посчитал нужным объяснить ей свое несогласие. Видно, он привык к ее постоянному неодобрению и перестал обращать внимание на просьбы жены.

Еркебулан пожалел, что не проявил твердости и не

заставил сегодня же дать ему коня, чтобы ехать в город. Семейные ссоры — пусть лучше ссорятся без посторонних.

Снаружи послышался торопливый перебор конских копыт.

— Ты что задергался? — резко спросила у мужа женщина. — Это к нам? Ты ждешь кого-нибудь?

Он не ответил, продолжая настороженно смотреть на дверь.

Кони приблизились, остановились возле отау. Было слышно, как спешиваются всадники. Двое из них показались в дверях. Легко одеты, не похоже, чтобы собирались в дальнюю дорогу. Гости или преследователи? Снаружи, на слух, тоже остались двое-трое. Еркебулан вспомнил слова волостного Мырзакельды: «Смотри, чтоб потом не пожалел...»

— Добрый вам вечер, — сказал один из вошедших.

— Проходите, проходите... — С ними хозяин разговаривал совсем другим тоном.

— Как здоровье, Акбала? Все ли благополучно в доме, Отарбай?

Только теперь Еркебулан узнал их имена. Конечно, такая милая приветливая женщина должна быть Акбалой. Странно было бы назвать ее иначе. Не дай бог — как-нибудь Ултуган или Даметкен¹...

Вошедшие разговаривали с хозяевами как с давними знакомыми. При этом они с любопытством поглядывали на Еркебулана.

— Э, а куда вы путь держите? — спросил хозяин.

— Да так, потерю ищем, — загадочно ответил один из них.

— Присаживайтесь, — пригласила хозяйка.

Едва они сели за дастархан, как снаружи вдруг кто-то рявкнул:

— Отарбай!

¹ Женские имена: Акбала — светлый, чистый (буквально — белый ребенок); Ултуган — родившая сына; Даметкен — обманувшая надежды.

Хозяин чуть втянул голову в плечи и не сразу решил-ся подняться и выйти.

— Эй, Отарбай! Сколько тебя звать! Он уже направ-лялся к двери с каким-то виноватым видом. Акбала успела бросить ему вслед:

— Смотри, не вздумай привести сюда...

Джигиты снова покосились на Еркебулана и поэтому не заметили короткого требовательного взгляда, который Ак-бала бросила Кайсару. Тот понял ее и тут же вышел. Один из джигитов вел себя спокойно, а другой делал вид, будто ничто, кроме чая, его не занимает. Еркебулан догадался, что хозяин вовсе не из ревности не находил себе места после его приезда.

В юрте наступило молчание, а снаружи наставительно гудел сильный бас. Слов разобрать было нельзя, но говорив-ший что-то требовал, к чему-то принуждал. Заискиваю-щий тенорок хозяина поначалу возражал ему, жалобно и робко. Потом совсем умолк, заглушенный потоком баса.

Видно, предупреждение Акбалы не подействовало. Сле-дом за Отарбаем в юрту вошли двое. Первым — верзи-ла в сатиновом камзоле, перепоясанном красным кушаком. Глядел он мрачно, на лице выдавалась верхняя — заячья губа. Он держался как предводитель. Его спутник был тенью возле него. Верзила стал у двери и окинул собрав-шихся недобрый взглядом. Спутник тоже провел глазами по всем.

— Здорово, эй, баба! — сказал верзила, и его спутник пошевелил губами, словно повторяя сказанное.

Акбала, не поднимаясь от дастархана, ответила:

— Разве от тебя человеческое слово услышишь?

— Хо! А кто ты такая, если не баба? Или забыла, как тебя в голодный год продали за одну паршивую корову, за полмешка зерна? Забыла?

— Нет, не забыла. Но вот тебе, тебе проглотить меня все же не удалось. Рот-то дырявым оказался.

Женщина всегда остается женщиной... Акбала уда-рила в самое больное место, намекнув на его заячью

губу. Верзила даже не нашелся, что ответить. Только шумнее засопел.

— Вот злюка! — Это у него прозвучало немного мягче, словно он предлагал заключить перемирие. — Я, что ли, виноват?.. На своего отца пеняй, чтоб ему в могиле тошно было. Это же он тогда сосватал тебя Отарбау, а потом жалел, что продешевил.

— Чем болтать попусту про чужие могилы, ты бы лучше искал, где валяется твой отец-поштабай!¹

Нет, не такая была Акбала, чтобы оставить без отпора малейшую обиду. А что может быть оскорбительнее, чем сказать, что ты не знаешь, где похоронен твой отец.

Верзила побагровел, рука его крепче сжала толстую восьмижильную камчу. Еркебулан был готов вступить за молодую женщину, если это понадобится, хоть и не понял, при чем тут ненавистный всему народу поштабай, обидчик знаменитого певца и поэта Биржана.

Отарбай оказался между двух огней. Ему и жену было не под силу усмирить, и перед верзилой он хотел выглядеть хозяином в своем доме.

— Проходи, Токе... Проходи, что ты встал! Присаживайся... Чай вот пей...

— Что я, нищий из Кара-Уткеля², по-твоему? — оборвал его Токе. — Чай буду лакать! Кумыс подай.

Он тяжело опустился на корточки возле очага, бросил перед собой тугую камчу и в первый раз за все это время взглянул на Еркебулана. Глаза его были в красных прожилках. Не знающие жалости глаза. На подбородке — ни волоска, зато запястье, кисть и толстые короткие пальцы были покрыты черной шерстью, как мохнатые лапки тарантула. Да и сам он показался Еркебулану похожим на этого паука.

Акбала молча убрала дастархан и вынесла самовар. Вскоре в юрту заглянул Кайсар и обратился к Отарбау:

¹ Поштабай — посыльный.

² Кара-Уткель — казахское название Акмолинска (ныне Целиноград).

— Вас бабушка зовет.

Как только Отарбай вышел, Токе взял свою камчу и, слегка помахивая ею, сказал:

— Не будь дохляка этого, Отарбая, я стегнул бы разок наглуую бабу по пухлым ляжкам...

— Ой-бай, Токе-ау¹, — не удержался один из его спутников. — Что останется от самой пухлой бабы, если вы разок приложите к ней? Мокрое место останется.

— А правду говорят, что именно этой камчой ваш отец хлестнул в давние времена самого Биржана?

Токе самодовольно усмехнулся и опять посмотрел на Еркебулана.

— Нет, не врут люди, — ответил он спросившему. — Эту камчу я принял из рук отца. А Биржан после того раза так и не оправился. В конце жизни, я слышал, спятил с ума от тоски.

Историческая плеть вызвала к себе живой интерес.

— Я слышал, в самый кончик вплетен свинец. Верно? — спросил другой спутник.

— А как ты думал? Свинца тут на целый вершок. Чуть задень матерого волка, — и свободно череп раскроит пополам.

— А за что же ваш отец ударил Биржана, не знаете?

— Э, Биржан-сал! Биржан-сал!.. Ты что, не видал их, этих салов и сэрэ?² Все они хамье и горлопаны. Сам из нищего рода, а разоденется, нос задерет и ставит себя вровень с почтенными. А все потому, что на домбре умеет бренчать и сочиняет дурацкие песни. Заступился, что ли, Биржан за кого-то, справедливость свою хотел показать... Одним словом — получил, что заслужил. Толстый чапан из верблюжьей шерсти — как ножом разрезало, кровь хлынула. А конь у него был белый — весь круп коня красным стал. Спутники Токе удивленно зацокали:

¹ Ау — прибавка к слову, к имени, выражающая удивление, испуг.

² Сал, сэрэ — поэты и композиторы, которые сами были исполнителями своих песен.

— Вот это да! — И как он только выжил?

— Туу, господи... Отец же легонько к нему прикоснулся, просто так, поучить.

Каждое слово из этого разговора острым ножом вонзалось в грудь Еркебулана. Так вот кто этот верзила с заячьей губой!.. Сын мерзавца-поштабая, который осмелился поднять руку на всеобщего любимца, мудрого и проникновенного поэта, чьи стихи с завистью твердил Еркебулан.

Эта история давно уже стала легендой — из тех, что передаются в степи от аула к аулу. По-разному рассказывали, как «поштабай» — посыльный волостного управителя Азнабая — поднял руку на певца. Но мог ли Еркебулан предполагать, что он когда-нибудь воочию увидит эту камчу в руках сына того самого поштабая!

Сперва Еркебулан не придавал значения такому разговору, но потом подумал: а не нарочно ли они вспомнили историю Биржан-сала именно при нем? Знают, что и он — поэт? А если знают, то хотят застрашать, припугнуть... Но не те времена. Биржан не мог постоять за себя, потому что против него был сам волостной. В песне он излил свой гнев, свое негодование.

Еркебулан достал записную книжку.

Токе повернулся к поэту.

— Ты что там, парень? Пишешь?

— Пишу.

— А что пишешь?

— Твой рассказ о Биржане записываю.

— А... А зачем? Кто Биржан тебе?

— Можешь считать, что отец.

— А ты слышал, как мой отец полоснул твоего Биржана по спине? Слышал?

— Ну, слышал.

— Так вот... Ты тоже надежду не теряй.

Он отрывисто захохотал и похлопал себя по голенищам тупоносых, как морда теленка, сапог. Голенища были густо смазаны жиром — Токе имел привычку вытирать о них руки после бесбармака.

Хоть сказано было достаточно прямо, но Еркебулан все же не принял слова Токе за действительную угрозу. Скорее неуклюжая шутка самодура, который и сегодня считает себя всемогущим в степи, потому что у него зычный голос, огромные волосатые кулаки и витая восьмижильная камча со свинцом.

— Тебе надо было бы знать, — сказал, улыбаясь, Еркебулан, — что на свете есть сила покрепче твоей камчи. Или ты не слышал, как до сих пор поют в народе песню Биржан-сала, где на всеобщий позор выставлен твой отец?..

— Что? Что ты сказал? — угрожающе приподнялся со своего места Токе.

Но тут откинулся полог, и в юрте появились Отарбай и Кайсар. Они осторожно внесли тегене — большую деревянную чашу с пенистым кумысом. Следом за ними вошла Акбала. Лицо у нее было бледное. Что лицо, что жаулык¹ — одного цвета. Встревоженными глазами она посмотрела на Еркебулана, и тот понял — Акбала дает знать, что над ним нависла опасность, и еще — что он может рассчитывать на ее помощь.

— Ну, что возишься! — накинулся теперь Токе на хозяина. — Узнаем мы сегодня вкус твоего кумыса или нет?

— Сейчас, батыр-еке.. Вот, уже наливаю, Токе. Вот, минуты не пройдет...

Лицо у Отарбая было сморщенное, несчастное. Еще недавно, хоть и хлипкий, он был похож на мужчину и даже пытался важность сохранить. А теперь — дрожал, как коза под проливным дождем. Видно, крепко попало ему от жены. Но еще больше, чем ее, он боялся Токе.

Акбала, не говоря ни слова, отгеснила мужа, выбрала пиалу поярче, поновее. Верзила к этому времени уже успел выпить чашу, поданную ему хозяином, и снова протянул ее. Но Акбала заставила его подождать.

¹ Жаулык — белый платок на голове замужней женщины.

— Кайсар, поддай гостю,— сказала она, не объясняя парню, кого она подразумевает под этим словом.

Приняв пиалу из рук Кайсара, Еркебулан почувствовал, что под самым дном ее лежала записка. В это время в юрте все наблюдали, как перенесет новое оскорбление Токе, и Еркебулан незаметно вложил листок в записную книжку и быстро скользнул по нему глазами.

Акбала, словно ничего не случилось, помешивала кумыс. Гости осушали пиалу за пиалой. В юрте стало тихо. Все настороженно следили друг за другом, и разговор не клеился.

Ловя на себе взгляды Акбалы, Еркебулан понимал ее недоумение. Она заметила, что записку он прочел. Почему же он так беспечен? Почему время от времени улыбка проскальзывает у него по губам, а высокий чистый лоб не трогает ни одна морщина?

Ее взгляды становились все отчаяннее: она умоляла, требовала, чтобы он не сидел так, словно в кругу друзей, а что-то предпринял бы для своего спасения.

Возле юрты, брэнча, остановился чей-то тарангас. Глаза Акбалы потухли, стали безнадежными. «Ах, опоздал, опоздал!» — говорили они Еркебулану. Неужели опоздал?..

— Слушай, парень, проводи-ка меня во двор,— спокойно сказал Еркебулан, поднимаясь.

— Пойдемте, акын-ага, — вскочил Кайсар и откинул полог.

Еркебулан медленно прошел мимо Акбалы, простился с ней благодарным взглядом и направился было к двери, но тут возле него вырос Токе.

— Куда поперся?

— А ты не слышал? Я же сказал — во двор надо.

— Сиди! Никуда не пойдешь.

— Это я уж сам знаю — пойду или не пойду.

— У-у!.. Твоего отца, Биржана твоего!..

Камча взвилась. Но Еркебулан ждал этого. Короткий, почти незаметный удар угодил верзиле точно в висок, и Токе рухнул, как подкошенный. Левая нога

попала в огонь, пламя лизнуло засаленную кожу сапога, и по юрте разнеслась липкая вонь.

Никто не успел понять, что же, собственно, произошло, когда вошел Фарид, сын известного в Кара-Утке купца-татарина. Неизменная черная тюбетейка на голове, на груди — от кармана к карману — серебряная цепочка часов. Таким привык его видеть Еркебулан в городе, таким увидел и здесь. Понятно, что он — с ними. Фарид протянул руку Еркебулану, а он — шагнул во двор.

Кайсар тянул его за руку. Еркебулан на мгновение остановился, чтобы глаза привыкли к темноте. В это время открылась дверь стоявшей напротив большой юрты и, освещенная изнутри, появилась молоденькая девушка в черной плюшевой безрукавке на ярко-желтом, в оборках, платье. Свет лишь на мгновение озарил девушку, и она сразу же скрылась. Она словно пришла из песен акынов — тонкобровая и трепетная, нежная, как серна, гордая и покорная. Извечная мечта джигита... Еркебулан успел заметить все это. Но она показалась ему не совсем реальной девушкой, к которой можно подойти, заговорить... Это была сама красота. Раньше он часто старался представить себе, как она может выглядеть. Теперь он это знал.

А Кайсар все тянул его к лошадям, стоявшим на привязи за юртой.

— Идемте, ага! Скорей, ага! Они убить вас хотят. Садитесь вот на этого. Это гнедой, сейчас не видно, со звездочкой на лбу. Это конь Токе, того верзилы. Не конь, а ветер. А я — на белом... Тоже славный конь. Давайте, ага, скорей!

Еркебулану казалось, что прошла вечность с тех пор, как он увидел девушку. Он очнулся только когда из юрты донеслись испуганные возгласы:

— Убил?.. Токе, эй, Токе, очнись!

— Воды, скорее...

— А где тот, где Еркебулан? — спросил приехавший татарин, сын купца.

Еркебулан легко вскочил в седло. Да, скорей. Он готов был мчаться на край света. Чтобы не запалить лошадей, всадники вначале пустили их рысью, а потом уже — вскачь. Следом за ними неслись выкрики:

— За ними! За ними!

— Далеко не уйдут!

Могли и догнать. Но Еркебулан был твердо уверен, что ничего с ним не случится. Его охраняет сама красота.

III

Эти угрозы, проклятия, выкрики еще долго стояли в ушах девушки. «О алла, неужели догонят?» — твердила она. Но нет, — такой красавец, мужественный такой джигит. Куда им!

В большой юрте Аклима прилегла рядом с матерью, но уснуть не могла. Она то улыбалась в темноте самой себе, то снова ее охватывал страх, и она зябко ежилась под одеялом. Сердце начинало стучать так громко, что Аклима боялась — мать проснется. Она еще не понимала, почему, но чувствовала: минувший день и минувший вечер сделали ее старше на целую жизнь.

Вчера, в полдень это было, она вместе с Кайсаром поехала на озеро за водой. Как ездила много раз... В старую скрипучую арбу с бочкой впрягли худющего — все ребра на виду — атана¹. Со стороны аула берег озера был крутой. Кайсар таскал воду двумя ведрами, а Аклима, стоя на арбе, наполняла бочку. Им было весело, и они устроили себе забаву: Кайсар подавал ведро так, чтобы облить ее. Аклима в долгу не оставалась и сверху тоже плескала на Кайсара. Под прилегшим в оглоблях верблюдом образовалась лужа, вода пробила себе канавку и стекла в сторону. Старый атан неодобрительно покачивал головой и сердито рывкал, когда вода проливалась ему на круп.

¹ Атан — кастрированный верблюд.

Кайсар, голый по пояс, закатав до самых бедер штанины, готов был до вечера таскать воду. Аклима уже вся промокла. Пестрое ситцевое платье прилипло к тугому девичьему телу, плотно облекая бедра, живот, грудь. Но, пожалуй, ни она, ни Кайсар не думали о том, что такие шалости обычно добром не кончаются. Может быть, они этого просто еще не знали.

Аклима выплеснула на голову Кайсару добрые полведра и спрыгнула с арбы.

— Сам носи, сам и выливай! А я пойду, платье высушу.

Аклима ушла. Кайсар, заглянув в бочку, обнаружил, что она залита лишь наполовину. Продолжая таскать ведра, Кайсар нет-нет — оглядывался — куда же девалась Аклима. С арбы он вскоре увидел девушку, отплавившую довольно далеко от берега. Над гладью озера мелькали ее белые руки, на солнце светилась спина.

Кайсар спрыгнул, бросил ведра и пошел туда, к ней. Он не понимал толком и сам — зачем. Просто хотелось подразнить ее, испугать. Он сбежал по обрыву вниз. Аклима как раз выходила из воды. Первый раз в жизни юноша увидел обнаженное женское тело. Густые распущенные волосы прикрывали левую грудь. На животе, на бедрах, на сильных и стройных ногах, словно осколки драгоценного камня, блестели капли воды.

Кайсар застыл. Он тяжело дышал и никак не мог отдышаться, хотел и никак не мог проглотить сухой комок в горле. Аклима ойкнула, схватила сушившееся на траве платье и, присев, прикрылась им.

— У-у, бесстыжий! Уходи сейчас же!

Юноша очнулся. Он быстро закивал головой и уверенно пошел прочь.

Они выросли в одном ауле. Вместе играли. Как все дети, ссорились, дрались, мирились. И как-то не думали о том, что один из них — мальчик, другая — девочка. Последние пять лет они не виделись, Кайсар нанимался куда-то на сторону. А теперь вновь встретились в доме Отарбая.

Еще днем, едва выехав из аула, они во весь голос затянули песню. В тот момент они были еще детьми. Детьми они были и тогда, когда обливали друг друга из ведра, и старый атан укоризненно качал головой, наблюдая за их возней. И вот теперь это детство оборвалось разом. Мальчик и девочка куда-то убежали, чтобы никогда больше не вернуться. Была девушка. Был молодой джигит.

На обратном пути оба надулись, пораженные внезапной переменой, умолкли и на арбе сидели, отвернувшись друг от друга. Кайсару все происшедшее казалось такой глубокой тайной, что он не позволял самому себе смотреть на Аклиму. Но сколько он ни мотал головой, отгоняя это видение, все равно — она стояла перед ним, вся обнаженная, залитая солнцем.

Акбала была возле юрты, когда они вернулись с озера. Она только взглянула на Кайсара, на Аклиму и, нахмурившись, сказала:

— Кайсар! Ты что это? Ты выкинь Аклиму из головы.

Понял?

То, что юноша и девушка только смутно чувствовали, Акбала высказала резко и определенно. И от этого жалось сердце девушки. Это строгое «выкинь» до самого вечера преследовало Аклиму, прилипло, как водоросли к ноге во время купания. Весь день Кайсар и Аклима старательно обходили друг друга, не смея встретиться глазами. Как это было все удивительно... Как странно!

Днем прискакал из волостного аула всадник и распорядился приготовить двух коней для какого-то важного гостя. К вечеру появился другой и приказал отпустить стоявших на привязи коней в табун. Перед закатом солнца приехал Еркебулан, и с этой минуты юрту Отарбая охватила тревога.

Отарбай часто выходил из отау, оставляя гостя в одиночестве, забегал в большую юрту напротив, весь красный и потный.

— Что это ты бегаешь? — с неудовольствием заме-

тила Акбала. — Постыдился бы — гостя одного оставлять.

— Ничего. Он сидит, на домбре струны перебирает. Какой-то странный, вдруг спрашивает ни с того ни с сего, сколько членов в мой каператып войдет...

— А ты что?

— Я говорю — пока я один, а немного погодя подыщу пирканшика¹.

— А он что?

— Ничего, засмеялся. Оказывается, есть еще какой-то членский пай. Я говорю — какой пай? А он опять прицепился. Как же, говорит, каператып без пая? Откуда средства возьмешь? Сказал ему: два человека мне обещали дать деньги.

— Так он одобрил или не одобрил твою затею?

— Эй! Ты что, баба, привязалась? — рассердился Отарбай. — Я и сам знаю, что делаю, не хуже тебя, не хуже него. Кажется, мои Манкур и Нанкур² не ты!

Он махнул рукой и ушел, но вскоре вернулся снова.

— Гость говорит, чтоб мы не резали барана.

— А ты что, перед тем как резать барана, у гостей спрашиваешь разрешения?

Акбала взвилась, и разговор с ней не предвещал для Отарбая ничего доброго. Вообще, когда Аклима наблюдала за семейной жизнью сестры, у нее пропадала всякая охота выходить замуж.

Акбала заволновалась и обрадовалась, узнав, что их гость — поэт. Если бы аул не откочевал на джайляу, кто знает, остановился бы такой большой человек у них в юрте, почтил бы своим вниманием ничтожного Отарбая?

Казахи чтут больше по привычке святых и самого пророка, а имя его повторяют без должного священного трепета.

Зато нет для вольного степного народа никого выше

¹ Пирканшик — искаженное: приказчик.

² Манкур и Нанкур — два ангела, неотступно сидящие на плечах у каждого человека и ведущие счет всем его поступкам.

акына — поэта, которому дано от бога так слагать стихи, что давно знакомые слова обретают неожиданный смысл, поэта, которому предоставлено право судить людей и их поступки — будь ты последний бедняк в худом чапане, будь ты сам султан... Он судит их в своих стихах и песнях, которые народ хранит потом в своей памяти, и они тревожат или утешают, зовут, будят...

Акбала с молоком матери впитала это уважение, поэтому она и беспокоилась сейчас, как бы достойнее принять необыкновенного гостя. А тут еще этот глупец Отарбай мямлит, что гость не велит резать барана. Как будто у нее в доме кто-то может устанавливать свои законы гостеприимства!

Вообще, со вчерашнего дня Акбала не узнавала своего мужа. Он ходил как потерянный и был похож на человека, который хочет стянуть что-то у себя же в доме. Все валялось у него из рук — утром он выронил пиалу с чаем. Еще два дня назад он собрался вместе со всеми откочевать на джайляу, а потом неожиданно переменял решение.

Он важно объяснил домашним:

— От волостного получил наказ. Послезавтра приезжает какой-то полномошын. Надо подготовить для него коней.

А перед самым приездом того сказал Кайсару, чтобы он угнал коней обратно в табун.

Акбала ничего не могла понять. Когда приехавший молодой красивый джигит уже сидел в отау, она месила тесто в большой юрте и спросила у мужа:

— Чего ты себе места не находишь? А ты знал, что наш гость не просто полномошын, а большой акын? Знал или нет?

— А тебе какое дело? — привычно огрызнулся Отарбай. — Тесто свое лучше меси, занимайся своим бабьим делом.

— Не учи меня! Но если ты знал, что гостем будет акын, знал и не сказал мне, то ты еще не раз пожалеешь! Я тебя научу, как тесто месить!

Обычная перебранка. Аклиме надоело слушать, и она вышла из юрты. Сумерки постепенно сгущались, словно непроглядный черный полог опускался над степью. С озера доносился сонный гогот перелетных гусей. Лягушки в любовной истоме завели свои песни. И так же естественно среди всех этих ночных звуков звучала мелодия, которую выводили на домбре чьи-то искусные пальцы.

Акклима вздрогнула — она не заметила подошедшего к ней Кайсара, просто почувствовала, что кто-то взял ее за руку.

— Хочешь посмотреть нашего гостя? Акын... Настоящий джигит. Хочешь?

Он тянул ее за руку к отау.

— Ты что? Стыдно ведь, — возразила она, но неуверенно, и Кайсар, не слушая, подвел ее к отау.

Акклима прильнула к щели.

Акын был один, потому что Отарбай по-прежнему препирался с женой. Вернее, он был не один, а с домброй. В эту минуту, может быть, он слагал про себя высокие слова о народе, который выходит на новую дорогу, о крутых перевалах времени, которые предстоит преодолеть, о красных соколах, чьи крылья не в силах опалить огонь... А может быть, про верную любовь? Он был еще красивее, чем тогда, когда подъезжал к юрте и когда Акклиме удалось мельком взглянуть на него.

Она знала некоторые его стихи, они ей нравились, хоть и не все ей было понятно. И вдруг она почувствовала огромную благодарность к Кайсару, который — она это знала, потому что стала сегодня взрослой девушкой, — пожертвовал сейчас собой ради того, чтобы она могла вблизи увидеть поэта.

— Кайсар, родной! Какой ты хороший, — едва слышно шепнула Акклима.

— Что? Влюбилась, а? — мрачно спросил Кайсар. Сегодня ведь и он стал взрослым джигитом. А потом... Потом началась суматоха. Конский топот нарушил покой ночи. Всадники разговаривали шепотом. Время

от времени, словно чуя опасность, на озере гоготали гуси.

Кто-то сипло рычал в стороне на Отарбая:

— Не хнычь, дурак! Или ты воображаешь, что я у тебя, у такого слюнтя, буду спрашивать, как мне поступить? Что мне можно и чего нельзя? Заткнись и делай, что тебе сказано!

В большой юрте ярко горел огонь в очаге, пламя фиолетовым отблеском плясало в глазах связанной по ногам овцы. Старик-чабан, поплеывая на брусок, деловито точил нож. Аклима, чтобы не видеть крови, хотела уйти. Но тут прибежала насмерть перепуганная Акбала.

— Ой-бай!.. Беда у нас в доме. Скорей, Аклима, пиши: «Акын-ага, вас хотят убить». Пиши.

— Ты что... ты что, Акбала! Не могу. Боюсь!.. Разве я могу — ему, и такие слова: «Вас хотят убить».

— Пиши! — приказала Акбала, а возражать ей было трудно, к тому же Аклима привыкла во всем полагаться на старшую сестру. Она написала записку.

Акбала передала ее Кайсару и сказала:

— Когда передашь, выбери двух коней, хороших. Поедешь с ним. Смотри, чтобы акын-ага благополучно добрался до города!

Старик-чабан не вмешивался в их разговор. Он продолжал точить нож, но тут Акбала вспомнила древнее поверье: в час, когда кому-то грозит опасность, нельзя проливать кровь.

— Перестань, — сказала она старику. — А свой нож — вонзи в землю...

— Э, доченька, — ответил старик. — Ты, я вижу, забыла, как у нас полагается это делать... — И он резким броском всадил нож, но не в землю, а в серую золу с краю костра.

От напряжения, от ожидания неминуемой опасности, Аклима дрожала, и все остальное проходило перед ней как во сне. Она выходила из юрты и снова возвращалась. Разговор в отау то вспыхивал, то угасал. Потом раздался короткий вскрик, и упало что-то тяжелое. Из отау вышел Еркебулан. Возле него волчком вертелся

Кайсар. «Успел, — радостно стукнуло сердце Аклимы.

— О всемогущий! Помоги ему, не оставляй его...»

И вдруг отчаянный вопль:

— Убили! Убили!

Акlima вне себя выскочила из юрты. Скрылась в темноте — и через какое-то время раздался торопливый перебор копыт. Он удалялся. Акlima расплакалась. На ее всхлипывания прибежала Акбала и увела ее в юрту.

— Где же? Где же этот старик? — Акбала не могла больше его ждать. По тому же древнему поверью нужно было зарезать овцу именно в эту минуту, в минуту избавления, чтобы отвести опасность от того, кому она угрожает. Она выдернула нож и, не отряхнув золу, крепко взяла овцу за голову и полоснула ножом по горлу.

— О алла! Сохрани его... Акlima, плача, вторила ей:

— О алла, о алла!..

Вскоре стало тихо. Двое пустились в погоню. Остальные вынесли Токе, уложили его в тарантас, на котором приехал Фарид, — верзила не мог ходить, нога у него оказалась сильно обожженной. Его повезли в волость к фельдшеру.

Акlima прилегла рядом с матерью. Но лишь перед восходом солнца ей удалось забыться чутким сном, который не приносит ни отдыха, ни успокоения. Догнали или нет? Этот вопрос мучал ее всю ночь.

Когда она открыла глаза, ее мать и Отарбай сидели у очага. А снаружи громко, чтобы и в юрте было слышно, бранилась Акбала:

— Я думала — минет нас черная беда! А он, оказывается, еще одну пакость задумал. Живет — все время чужие зады лижет! Баба! Такому жаулык на голову, и чтоб ни слова не смел сказать! Будь она проклята, такая жизнь!

Голос ее приблизился. Видно, Акбале уже недостаточно было изливать свой гнев и свое горе в одиночестве. Продолжая ругаться, она вошла в юрту.

Отарбай, не поворачиваясь к ней, сказал:

— Когда аллах хочет наказать смертного, он посылает

ему жену-дуру. Слушай, дура! Ты забыла про угрозу Заячьей Губы? Забыла, да? Он же пообещал, что сотрет нас в дорожную пыль.

— А ты уже и трясешься? Слушай его больше! Знаю я вас, вы все одной веревкой спутаны. Недаром ты два дня вертелся, как будто у тебя ёж под задницей! Ты ведь заранее все знал!

— Думаешь, они со мной советовались? — Молчи уж! Я ведь все твои мысли наперед угадываю. Ты перед ними выслуживаешься, чтобы тебе достался каператып... Ты для этого и Аклиму хочешь им подсунуть, да? — А ты воображаешь, что легко стать каператыпом? Аклима, которая лежала с закрытыми глазами, вздрогнула. Теперь речь шла о ней. «Подсунуть», сказала Акбала. Уж наверняка тот, кому собирается отдать ее в жены Отарбай, не будет похож на этого акына с мечтательными и мужественными глазами.

Старуха — мать обеих сестер — вздохнула и сочла нужным вступить в разговор:

— Я не знаю, легко стать каператыпом или трудно. Но слушай, мой зятек. Ты можешь стать хоть султаном, только ради алаха не впутывай нас в свои дела, не торгуй нами. Вставай, Аклима! Уезжаем отсюда, доченька!

Это Аклиме не надо было повторять. Она и сама понимала, что уезжать надо поскорее.

IV

Аул остался позади в тумане. Они вымахали на большак, ведущий в город. Кайсар остановил коня, и Еркебулан тоже натянул поводья. Сзади, со стороны озера, приближался цокот копыт — вот преследователи тоже добрались до большой дороги. Опытному уху нетрудно было определить, что в погоню пустились двое. Двое — это не так и страшно, но ведь они наверняка вооружены.

— Ой-бай! Это вороной скачет, хрипун,— сказал Кайсар, который хорошо знал всех известных в округе

лошадей. — Тут у нас нет коня, чтобы он не догнал. Под мышками две дырки у него. Усталости не знает, хоть день и ночь скачи. — Кайсар был рад случаю показать свою осведомленность знаменитому человеку.

— А что за дырки такие?

— Дырки как дырки. Вроде как жабры у рыб. Он через них дышит глубже, потому и бег у него такой. Это все у нас знают.

Как ни опасно было их положение, Еркебулан не мог удержаться от насмешливой улыбки, но Кайсар в темноте ее не заметил.

— Как же нам теперь?.. — спросил Еркебулан.

— Придется с дороги свернуть. Впереди за холмами — зимовье Елемес. А за ним — Улыкуль, Кысыктам, Буратал, Тас-Бекет. Оттуда я с завязанными глазами доберусь до города. Поехали, акын-ага!

Кайсар свернул влево и поскакал. Гнедой со звездочкой на лбу, что шел под Еркебуланом, разгоряченный и злой, тоже пустился галопом. Кайсар, приблизившись к нему, предупредил:

— Ага, пустите коня волчьим наметом... Тогда топота не будет слышно.

Они меньше, чем на версту, отдалились от большака, а там уже пронеслись двое преследователей.

Кайсар никак не мог найти зимовье. Где тут Елемес, а где Улыкуль? Туман все плотнее, все гуще. Еркебулан по поведению парня понял, что он не знает, куда ехать, и стыдится перед ним. Он все чаще пришпоривает коня, поворачивает его то в одну сторону, то в другую. А глухая молчаливая степь злорадно притаилась в темноте. Ни звука. Ни огонька. Хоть бы какая-нибудь звездочка подмигнула им с неба.

— Ага, я заблудился, — признался наконец Кайсар.

— Ладно, — утешил его Еркебулан. — До утра куда-нибудь приедем. Давай-ка оставим этот волчий намет, а то запалим лошадей. Мой гнедой все время норовит свернуть влево. Может, пустим?.. Куда-нибудь приведет. А? Как ты думаешь?

— Давайте пустим, ага. Я уже ничего не думаю, у меня башка закружилась от этого плутания.

Еркебулан отпустил поводья. Гнедой помедлил, словно проверяя, действительно ли ему предоставлена свобода или это только показалось, и потом пошел, забирая влево.

Для Еркебулана уже не было непроглядной ночной степи. Он ушел в свои мысли. О судьбе певца Биржана думал поэт, которого недавно, в столкновении с Заячьей Губой, назвал отцом. По преданию, он сошел с ума в конце жизни, и Ахан-сэрэ тоже лишился рассудка. Почему?.. Почему все даровитые, выдающиеся люди кончают так печально?

Что мог понять в их жизни этот грубый, злобный Токе? Он, который привык считаться только с силой... Но что-то в его словах объяснило поэту, почему Биржан после того случая с усердным байским холуем так и не оправился. «С тоски спятил», — сказал Токе. А как же Биржану, народному любимцу, соловью Арки, было не затосковать, если на глазах людей его хлестнул камчой какой-то посыльный! Разве мог он после этого случая слагать те же гордые, тонкие и нежные песни? Какая, собственно, для поэта разница между тоской и сумасшествием? И кто из лучших поэтов степи избежал подобной участи? Ни Биржан-сал, ни Ахан-сэрэ, ни сам Абай.

Еркебулан хотел написать поэму о Биржане. Он чувствовал в себе достаточно сил и умения, чтобы после многих стихов взяться за нее. Сюжет для него был ясен. Он не собирался отступать от того подлинного случая, который произошел в древние времена. На празднике у волостного Жанботы домбра Биржана заставляла людей радоваться, грустить, думать о своей жизни. И посыльный другого волостного, соперничавшего с Жанботой, позвал певца к своему хозяину. Тот отказался. Поштабай огрел его камчой, вырвал из рук домбру. Жанбота не заступился за певца! Гневные слова тогда обрушил на него Биржан: «Как позволить ты мог, чтоб поштабай дурной при всем народе избил меня камчой?»

— Ой-бай, ага! Не надо, не пойте так громко, — услышал Еркебулан голос Кайсара.

— Не буду. Прорвалось, — отозвался он.

«Жанбота» называют эту песню в народе. Давно нет в живых враждовавших между собой волостных. Поштабай тоже лежит в земле, и никто не знает, где его могила, стигнул, как собака... «Ты унизить, Жанбота, меня позволил! Ты в грязь втоптать меня, певца, позволил!» Кто бы помнил теперь, что жил такой Жанбота? «Ты в грязь втоптать меня, певца, позволил!» — сколько в словах Биржана отчаяния, боли, гнева. Он обрек на вечный позор и поштабая, и его сын Токе знает об этом, потому и ирится, хоть и старается всем своим видом показать, будто ему наплевать на этот позор. Гнев Биржана рождал слова, а слова вели за собой мелодию, которая и сегодня звучит обвинением. Зло не кончается с тем, что ушло время волостных. Еще много предстоит сделать, чтобы жизнь стала чистой и светлой, как ручей в степи...

А кто знает, может быть, гнев и отчаяние Биржана усугубляло еще и то, что во время пения и стычки с поштабаем на него украдкой взглянули чьи-нибудь быстрые удивительные глаза...

— Скажите, ага, — прервал ход его мыслей Кайсар. — Вы этому верзиле с рваной губой, этому Токе — горло перерезали?

— Что-о?..

— Он так упал, как мертвый...

— Нет, что ты! Я ударил его ребром ладони в висок.

— И что? Он помер?

— Нет, только сознание потерял. Очнется.

— Жаль! Надо было так, чтоб окошел. Говорят, этому бандиту ничего не стоит пролить человеческую кровь. Но теперь, может, хоть хромой будет. Даст бог, сухожилие ему пережжет... Ногой он прямо в огонь попал.

Еркебулан взглянул в его сторону, но предрассветная тьма так сгустилась, что он и голову гнедого не видел впереди себя, не то что спутника.

Парень замолчал, и Еркебулан тут же забыл о коротком разговоре с ним. Перед его глазами появилась девушка у входа в юрту, слегка освещенная пламенем, но все же достаточно, чтобы увидеть на ее лице и печаль, и мимолетную улыбку, и сдерживаемый страх. Сколько самых разных чувств — и в одну лишь секунду — может выразить лицо. Ему хотелось думать, что это его приезду она обрадовалась, а испугалась из-за той опасности, которой он подвергался.

— Слушай, записку ты писал? — спросил Еркебулан.

— Какой там! Я же неграмотный, — отозвался невидимый Кайсар. — У нас гостит сестренка хозяйки. Вот Акбала-апа ее и заставила. Акбала-апа такая настырная, глаза у нее все видят! А сестра ее сперва не хотела писать. Плакала. Как, говорит, я могу ему написать такие слова: «Акын-ага, вас хотят убить».

Кайсар не догадался назвать ее, а Еркебулан постеснялся спросить. А может быть, и лучше, что он не знает ее имени? Она так и останется для него символом красоты, добра, женственности... А почему останется? Разве они никогда больше не встретятся?

Стало немного светать. Впереди — вокруг болотистого озера — теснились юрты аула. Возле них бродили разномастные коровы, рядом паслись овцы и козы. Гнедой под Еркебуланом встрепенулся, пошел легкой горделивой рысью, хоть позади у него была нелегкая ночь и долгий путь.

Кайсар сразу встревожился.

— Чего это ваш гнедой так обрадовался? Не привел бы он нас к себе в аул. Может, не заедем, ага? Свернем? Еркебулан не успел ответить. Гнедой заржал, высоко задрал голову.

— Да ладно уж, — сказал Еркебулан. — Хоть дорогу узнаем до города.

На конский топот, на ржанье гнедого из юрт повысыпали люди. Они всматривались в незнакомых путников. С чего бы это? Испокон века у казахов не принято

вставать в такую рань — восток еще даже не заалел, чуть-чуть только порозовело небо.

Юрты становились все ближе и ближе. Уже можно было расслышать:

— Апырау!¹ Смотрите, гнедой-то наш!

— Наш, наш. Видите — звездочка на лбу.

— Только что за люди?

Пока всадники подъехали, мужчины успели разойтись. Кто в юрту, кто за юрту. Ведь как знать, кем еще окажется этот всадник в городской одежде, чего ему здесь понадобилось. Остались одни женщины — разузнать, что за путники, увидеть, — что будет дальше. Время такое — иной раз лучше, когда в ауле не оказывается мужчин.

Из продымленной серой юрты выскочила женщина и, увидев незнакомцев, заголосила:

— Ой-бай! Ой-бай! Конь пришел, а хозяина нет! Где хозяин?.. Куда его дели? Убили?

— Оу, ты что, мужа своего не знаешь? — спокойно сказал Еркебулан. — Кто его убьет? Что он — бандит или барымтач²?

— Какой там! Человек, как все. Жив ли он, мой муж?

— Жив, жив. Скоро и сам прискачет сюда.

Из той же юрты вылез оборванный мальчонка лет десяти. Потянулся, почесал голый живот и, скривив рот, усталился на путников. Неожиданно он ухватил гнедого за узду.

— Слезай, слезай! — пронзительно закричал он. — Наш конь!.. Наш! Слезай, нечего ездить на нашем коне!

Кайсар тронул своего коня и оттеснил мальчишку. Еркебулан заметил мужчину, который осторожно выглядывал из-за юрты, стараясь получше рассмотреть подозрительных гостей, услышать, с какими вестями они пожаловали. Он подозвал его и подробно расспросил, ка-

¹ Апырау — возглас удивления.

² Барымтач — тот, кто занимается угоном скота.

кие тут по соседству расположились аулы и где дорога в город. Оказалось, в пяти верстах — русский поселок.

— Женгей¹, перестань, — сказал Еркебулан продолжавшей причитать женщине. — Никуда твой муж не денется. А своего сорванца посади к этому парню. Доберемся до поселка и там вернем ваших коней, он их назад и приведет.

Отъехав, Еркебулан обернулся посмотреть, не станет ли кто-нибудь их преследовать. Аул-то, по всему видно, не очень мирный... разбойничий аул. Но сейчас среди серых юрт, похожих на сложенный в кучи кизяк, было спокойно. Люди смотрели им вслед и, видимо, обсуждали их неожиданное появление. Может быть, посчитали за друзей Токе.

Мальчишка, их провожатый, вел себя, как злобный волчонок, попавший в плен. Еркебулан подумал — жаль парнишку, жаль, что он появился на свет в такой семье, что кровь деда, презренного поштабая, течет в его жилах. А отец? Чему может научить такой отец, как Токе.

Чего только не выделывал по дороге маленький сорванец. Он хватал сзади Кайсара за горло и не шутя душил его. Или, ловко изогнувшись, бил коня пяткой в пах. Тот испуганно брыкал, шарахался в сторону, ошалело пускался вскачь. Кайсара, понятно, не так просто было выбросить из седла. Но это ему надоело, и он разок-другой хлестнул назад камчой по голым бедрам сорванца. Тот орал, свистел, ругался на всю степь. Потом визгливо, торжественно хохотал и начинал все сначала.

В поселке, у здания местного совдепа, всадники спешили. Сын Токе, пересев на гнедого и ведя второго коня в поводу, на прощание крикнул:

— Эй вы! Отцов я ваших!.. Встретит вас мой отец — живыми не будете!

...От аула к аулу, нанимая свежих лошадей, Еркебу-

¹ Женгей — тетка.

лан и Кайсар только к вечеру добрались до города, до Кара-Уткеля. Далеко же в сторону увел их гнедой со звездочкой на лбу.

Не заезжая домой, Еркебулан отправился сразу в редакцию недавно родившейся казахской газеты «Тиршилик» («Жизнь»). По дороге он невольно обратил внимание на то, что в городе было много пьяных. «Завтра какой-то православный праздник», — вспомнил он. А у русских есть пословица: кто празднику рад, тот накануне пьян.

В редакции сидел секретарь. Один из тех двух, которые вместе с редактором и составляли весь штат. Они дежурили поочередно, — один днем, другой вечером. Чтобы всегда был кто-то, кто мог бы принять посетителя, поговорить с ним, помочь написать заметку. Зарплаты не было. Ни у секретарей, ни у редактора.

Хоть Еркебулан, как истый сын степи, и привык к седлу, но все же он сейчас с удовольствием опустил на стул, который, по крайней мере, не ерзал под ним, не поровил свернуть куда-то в сторону.

— Карим, — обратился он к секретарю, который оторвал голову от сырых, пахнущих типографской краской гранок. — Этот парень — его зовут Кайсар — помог мне выбраться из большой неприятности. Пожалуй, ему не стоит возвращаться к себе в аул. Ты прими-ка его на работу.

И поживет пусть пока у тебя — ты же знаешь мою хозяйку.

— Принять можно. А ты грамотный? — обратился он к Кайсару, который скромно сидел на корточках почти у самой двери.

— Откуда? — ответил за него Еркебулан. — Но, судя по всему, парень он сознательный, дельный, настоящий наш джигит. А неграмотный — ну, так что ж? Ты его грамоте и обучишь.

— Понятно, — сказал Карим. — Ну, Кайсар, назначаю тебя своим заместителем. Согласен? Возьми вот эту бумагу и дуй в типографию. Как выйдешь, свернешь

влево. Третий дом отсюда. Там наборщик есть, старик, Гиззат-ага. Ему отдашь.

Кайсар кивнул и так же молча побежал выполнять первое редакционное поручение.

— Три стихотворения ты прислал из поездки, — деловито сказал Карим. — Два идут в завтрашнем номере. А третье!.. Недоносок какой-то, а не стих! Он способен только опорочить имя Еркебулана.

— Смотри-ка! — притворно удивился Еркебулан. — Я ж нарочно прислал все три, чтобы тебя проверить. А ты, дурья башка, оказывается, научился разбираться в стихах. Вот уж не ожидал!

Он не спрашивал, какое из трех забраковал Карим. Он и сам чувствовал, что в том стихотворении слова получились вялыми, строчки спотыкались, как стреноженные кони, и не выражали того, что хотел сказать автор.

— За твою ласковость — огромное, как верблюд, спасибо, — привстал и поклонился Карим. — Но что бы ты делал, если б не я! Кто бы тебя научил разбираться, какие стихи хорошие, а какие никуда не годятся?

Они были ровесники и часто подтрунивали друг над другом. Но шутки шутками, а для Еркебулана Карим был всегда самым первым слушателем и ценителем стихов, доброжелательным и придирчивым, который никогда не прощал неудачной строки, или плохой рифмы, или расплывчатой мысли.

Они обменялись новостями, поговорили о том, какие материалы идут в завтрашнем номере и что напишет об этой поездке Еркебулан.

— А теперь иди, — сказал Карим и снова склонился над гранками. — Ради самого старого аллаха не мешай мне. Куда это годится, чтобы работа страдала из-за пустопорожней болтовни о каких-то стишках. Топай скорей в свой совдеп, к своим комиссарам. Они там уже охрипли от споров. В совдепе Еркебулан застал почти те же разговоры, что и две недели назад.

Сразу ему сообщили:

— Вчера мы тут совещались, и кто-то пальнул камнем в окно. Вон, в углу валяется, целый булыжник. Угодил в Ефрема. Сидит теперь с завязанным глазом, как после хорошей попойки. Хорошо хоть не пулю пустили.

— Что вы все про мой глаз? Я ж от вас, от чертей, уплаты за свой глаз не требую. Давайте наконец договоримся: заставим мы купчишек и всех прочих богатеев открыть свои лавки?.. Заставим или нет, я спрашиваю!
— А как ты заставишь? Сила у тебя есть, чтобы их принудить? — Тогда давайте создадим свой батальон.

— Ишь, хватил! А где оружие? Чем ты будешь кормить бойцов?

— О чем тут спорить? Хлеб нужен городу?

— Нужен.

— Керосин нужен?

— Нужен.

— Так вот, все это под замком на складах у буржуев.

— Без тебя мы этого не знали!

Положение действительно было сложным, если не сказать отчаянным. Железной дороги нет. Никакой связи с далекой революционной Россией у заброшенного степного городка тоже нет. Керосин, спички, топливо, соль и хлеб, хлеб!.. От разговоров всего этого не прибавлялось. Совдеп принял постановление: изъять товары, которые торговцы прятали до лучших времен. Но принять постановление было легче, чем его выполнить. Совдеп обложил состоятельных горожан налогом на общую сумму три миллиона рублей. Мельницы — ветряные, паровые, водяные — удалось национализировать, но запасы зерна таяли. Молоть было больше нечего. Все административные учреждения находились под контролем. Но положение по-прежнему оставалось тревожным, как понял Еркебулан, вернувшись из поездки по аулам.

Засиделись они далеко за полночь, а так ни до чего и не договорились.

Еркебулан неторопливо шел домой по тихим ночным улицам.

Окна в домах давно погасли. Только одно ему попало, в котором был еще свет. Оттуда доносились голоса, кто-то затянул песню, но тут же ее оборвал.

Вот так же допоздна они засиживались в Омске, где учился тогда Еркебулан. Только споры у них были другие. О поэзии. О красоте. О мужестве и человечности. О поэтах и художниках, которые становятся голосом народа и его глазами.

Сколько было сломано копий во имя прекрасной Монны Лизы! Великий Леонардо был влюблен в свое творение и никогда не расставался с ним. Иные пытались объяснить его пристрастие лишь восхищением перед женской красотой, влечением к совершенству. Художник ведь живой человек, и в его груди бьется горячее сердце мужчины.

Но спор, в общем-то, был не об этом. На печальном лице молодой женщины, недавно потерявшей мужа, на одно лишь мгновение мелькнула улыбка, и над этой загадочной улыбкой уже несколько столетий люди ломали головы. И Еркебулан ломал, встречаясь с прекрасными темными глазами. Для себя эту загадку он разгадал. В жизни каждый день, каждый час неповторим. Не по одной колодке скроены они. И в жизни человека бывает не одна лишь радость, не одно лишь горе. Едва уловимая улыбка на лице скорбящей женщины — вот что было главным для художника, и Еркебулан был так в этом уверен, будто сам Леонардо делился с ним сокровенными замыслами, создавая свою Монну Лизу... Отчего улыбнулась кроткой мимолетной улыбкой печальная молодая женщина? Лучшие дни прошедшей любви ей вспомнились? Или надежды на будущее тронули ее губы? Неизвестно, и никто никогда этого не узнает. Но только разомкнулись сгустившиеся тучи горя, и пробился к ней неяркий солнечный луч. «А почему это тебе

пришла сейчас на ум Монна Лиза?» — спросил он у себя.

От самого себя не было смысла скрывать: это неизвестная девушка, мелькнувшая на мгновение возле юрты, освещенная слабым пламенем костра, она, на лице у которой были и страх, и надежды, и радость, и сомнение, — вот что навеяло омские воспоминания о Монне Лизе, о бессмертной Джоконде. У каждого, кто пишет — независимо от того, красками или словами, независимо от того, великий он или малый, — должна быть своя Джоконда. Он не знает имени этой девушки и никогда ее, быть может, больше не повстречает, но как хорошо, что она есть, и сейчас — там, на берегу озера Кзыл-Мола, — радуется, что проезжему акыну и Кайсару удалось уйти от погони.

Придя домой, Еркебулан залпом выпил стакан холодной простокваши, оставленный хозяйкой, и присел к столу. Лампа-пятилинейка едва мерцала, сузив до сумрачного уголка огромный мир, который вмещал в себя и загадку Монны Лизы, и верзилу Заячью Губу, и прекрасную девушку в доме косоглазого Отарбая, и подбитую скулу Ефрема, и разговоры в совдепе про хлеб и оружие.

— Ложился бы, комиссар, — проворчала за перегородкой хозяйка. — Сам знаешь, не даете вы нынче керосина...

Еркебулан ничего не ответил. Он только чуть прикрутил фитиль и придвинул лампу поближе. Спать ему не хотелось, хоть он и провел почти сутки в седле. Он знал в себе это состояние обостренной восприимчивости, когда начинают появляться слова — одно за другим, и рождается образ, мысль, чувство...

Казалось, он будет писать о девушке, поразившей его воображение. Но на листке он арабской вязью вывел «Хлеб». Он думал о том хлебе, который лежал на складах, а рядом ходили голодные люди... О хлебе писал он, и строки поднимались на листке одна за другой, и все равно это были стихи о девушке, может быть — для девушки, потому что время от времени Еркебулан отрывался и старался представить себе, какое

у нее будет лицо, когда она прочтет вот эту строку или вот эту.

Унылая пятилинейка начала чадить, когда он кончил про хлеб. Но остановиться Еркебулан уже не мог, и рука сама вывела на другом листке «Плач лампы». Плач тускло мерцающих, угасающих, обескровленных ламп — сам просился на бумагу.

В дверь постучали. Один раз, два, три... В своей постели заворочалась хозяйка.

— Комиссар, ты сам пойдешь открой. Опять, верно, твои дружки. Вот и вчера они приходили. Сказал бы, чтоб не шаялись по ночам. Боюсь я...

Еркебулан прошел в сенцы. Что там такое стряслось, что в совдепе не могли подождать до утра? Он откинул засов и, торопясь записать родившуюся строку, направился обратно к себе...

— Стой! — раздалось у него за спиной.

Он вздрогнул от неожиданности и обернулся. Двое вооруженных стояли в дверях, с ними — пучеглазый Фарид, быстрее же он добрался от Кзыл-Мола обратно в город! Уж сейчас-то он не протягивал ему руку для приветствия...

— Ты арестован!.. Кончился ваш совдеп!

При последних вспышках лампы у себя в комнате Еркебулан положил на стол деньги за квартиру. Фарид, увидев бумаги, подошел, взял листок, на котором было написано «Хлеб», и другой — с неоконченным «Плачем лампы». Он повернулся к поэту.

— Ты думал, если сбежал из Кзыл-Мола, то и вовсе ушел от нас?.. Вот тебе хлеб! — Он сложил и показал ему кукиш. — Вот он. Видал?

Он сунул листки со стихами в карман. Хорошо хоть стихи не пропадут. Еркебулан помнил там все от слова до слова.

На улице скакали верховые, кучками двигались вооруженные люди. «Кончился ваш совдеп?» Нет, врешь, Фарид!

— Шагай, комиссар. Да поживей!

У выхода из дома камча больно стегнула его по

непокрытой голове.. Кончик угодила по лбу, и кровь теплой струйкой заливала ему левый глаз, стекала к уголкам губ. Впервые в жизни Еркебулан узнал вкус собственной крови. Она была солоноватая... Впервые в жизни кто-то осмелился поднять на него камчу, — это сделал купеческий сынок Фарид, такой решительный и храбрый с безоружным человеком.

Стало уже светло. Тягучий колокольный звон обволакивал город. С минарета большой мечети на главной площади торжественно звучал азан¹.

Они сегодня не прекословили, а вторили друг другу, эти голоса извечных врагов, православной церкви и мусульманской мечети. Кажется, никто в эту ночь не спал в городе. Народ повалил на улицу, а такое столпотворение Еркебулан, пожалуй, наблюдал только в тот день, когда сюда дошла весть о свержении белого царя.

На площадь согнали много арестованных, со всех концов города. Страшно было смотреть на них: избитые, окровавленные, опухшие... Одежда изорвана в клочья. Еркебулану как-то не пришло в голову, что сам он, должно быть, выглядит не лучше.

В толпе было много тех, которые только вчера старательно сдергивали шапки, встречаясь на улице с кем-нибудь из совдепа. Владельцы мельниц и кожевенных мастерских, торговцы, офицеры — все они пришли на площадь, чтобы насладиться зрелищем поверженного, как они считали, врага. И каждый норовил с размаху, наотмашь, похлеще ударить пленника, ударить так, чтобы зубы вон, чтоб кровь из носу... Изможденные люди сплевывали и молчали.

Еркебулана ухватил за волосы знакомый купец и крипел от ярости, пока часовой не отогнал его, чтобы не задерживать движение колонны. Но тот все же успел унести клоч волос, несколько пуговиц, порвать воротник рубашки.

Полгода назад Еркебулан около месяца жил на квар-

¹ Азан — утренняя молитва.

тире у купца. У того была дочь: рыхлая девица с короткой шеей и грудями, как колокола на церкви. Масляными глазками она умильно посматривала на мужчин, которые торопливо проходили мимо, если сталкивались с ней на улице. Купец открыто подсовывал неудавшуюся дочь квартиранту, расписывал ему прелести и радости, которые ждут того, кто свяжет свою судьбу с его дочкой. Еркебулан плюнул, съехал с квартиры. И сейчас купец рассчитывался с ним за нанесенное оскорбление.

Поэт молчал. Он ни слова не сказал с той минуты, как вышел из дому под охраной белого отребья. Надо выстоять, чего бы это ни стоило! Он верил, он знал, что это еще не конец. Борьба, борьба не на жизнь, а на смерть, была еще впереди. И тюрьма сроком девять месяцев и девять дней тоже была впереди.

Штабс-капитан Сербов, монархист по убеждениям, допрашивал Еркебулана. На столе перед ним лежала тонкая изящная камча — стэк.

— Ты большевик?

— Большевик.

— Комиссар?

— Комиссар.

— И еще, кажется, редактор газетки?

Кажется!.. Почему это ему кажется, когда всем в Кара-Утке доподлинно известно, что Еркебулан — поэт и редактор новой газеты «Тиршилик».

— Да, я редактор. Это не ложь.

— Воюешь за свою советскую власть? Признаешь, что вы провели уездный съезд совдепа?

— А мы этого никогда не скрывали.

— А среди тех, кто разгонял земство, ты был?

— Да, был.

— А почему ты против земства?

— Потому что земство присягнуло на верность Временному правительству и потребовало от своих делегатов служить ему. А мы это правительство не признали.

— Так... Понятно... Но ведь ты, насколько мне

известно, и против создания уездного отделения алаш-орды выступал. Ты их тоже разгонял?

— Да, тоже.

— А почему, позволительно мне будет спросить, ты выступаешь против своих?

— «Своих»... Кто хоть немного разбирается в сути событий, тот так не скажет... Алаш — это не мои. Националисты воображают, что свобода для них — это создать свое ханство, где баям будет еще вольготнее, чем раньше! Алаш-орда — это их партия. Мне с ними не по пути. Я против них.

Помахивая стёком, выпуская кольца дыма, играя массивным портсигаром, то улыбаясь, то хмурясь, три часа его допрашивал этот красивый штабс-капитан. Уговаривал, угрожал.

Три часа стоял перед ним поэт, не поддаваясь уговорам, не пугаясь угроз. Сербов загадочно посматривал на него. В эти дни перед ним прошли десятки людей. Были и такие, что на первом же допросе теряли мужество и говорили даже больше, чем было им известно. Этот — из других. Но пускать его сразу в расход не советуют. Он, видите ли, поэт! А в этой дикой степи — поэт нечто вроде живого святого. Его убийство может вызвать недовольство у местных казахов, оттолкнуть их от алаш-ордынцев, которые и без того пользуются не слишком широкой популярностью. Но повозиться с этим Еркебуланом, по-видимому, придется немало! Убить — не убьешь, но прижать его можно и нужно.

Сербов вызвал конвой и приказал тут же, у него в кабинете, заковать арестованного в кандалы.

— Желаю... — улыбнувшись, сказал штабс-капитан. — Желаю, чтобы цепи оказались прочными и не износились до конца дней твоих...

— И я... — тоже улыбнулся Еркебулан. — В тот день, когда цепи будут на вас, считайте, что я пожелал вам то же самое.

...Узники ютились в холодной камере на каменном полу.

В ней с трудом могло бы уместиться человек двадцать— тридцать, но находилось их больше ста. Кандалы были не на всех. На всех кандалов просто не хватало, и тюремное начальство и штабс-капитан Сербов прибегали их для особо несговорчивых.

Еще с царских времен в тюрьме сохранились арестантские куртки и брюки из полосатого, черного с желтым, грубого холста. Еркебулан приходил в ярость при мысли об унижениях, которым его подвергают враги. Но он сдерживал себя. Орел за решеткой, лев, томящийся в клетке, — они ведь тоже готовы каждую минуту вырваться на волю.

Он горько упрекал себя и своих товарищей за то, что они позволили подготовить и совершить этот контрреволюционный бунт. В камере иногда вспыхивали бурные споры, кто-то пытался на кого-то свалить ответственность за все случившееся. В таких случаях Еркебулан говорил, что виноваты — все. Не хватило опыта. Отказала осторожность. Не проявили революционной бдительности. Пока они вели разговоры о том, как заставить торговцев открыть лавки, где добыть оружие для батальона, притаившиеся до поры до времени офицеры и алаш-ордынцы сумели подготовиться и захватили их врасплох.

Минутами Еркебулан уже не надеялся на то, что когда-нибудь вернется в ту жизнь, которая осталась за этим гнусным каменным мешком! Как-то раз, не в силах больше томиться на месте, он вскочил, подпрыгнул, ухватился руками за железную решетку и подтянулся к окну.

Он увидел всего лишь небольшую площадку — зеленую лужайку и голубое небо вверху, и даже толстые ржавые прутья решетки не могли испортить этой живой зелени и прозрачной голубизны. Не отрываясь смотрел на эту площадку Еркебулан, и ему казалось, что на всем свете нет более прекрасного уголка. Глупец!.. Сколько таких лужаек он встречал в жизни и равнодушно проходил или проезжал мимо. Ему казалось, он грудью чувствует прохладу травы... Но это была сырость тюремной стены.

Поэт теперь несколько раз в день прикинул к окну, не боясь, что какой-нибудь стражник может пальнуть в него, подходить к окнам было строжайше воспрещено, это было одно из самых тяжких нарушений тюремного режима.

Он уже знал: ежедневно, почти в одно и то же время, на лужайке важно шествовала белая гусыня со своим выводком. Гусята — еще неуклюжие, с желтоватым нежным пушком, смешно переваливаясь, подергивая хвостиками, чинно тянулись за матерью и тонко пищали. Потом они стали самостоятельнее, и матери уже иной раз приходилось щипнуть кого-нибудь из них разок — другой, чтобы заставить слушаться.

Если же взглянуть из окна налево, то шагах в ста пятидесяти, можно увидеть проезжую дорогу, ведущую вдоль речушки. По ней на быках, на лошадях, на бричках, груженных кизяком, с утра до вечера двигались городские жители.

В камере было душно, сыро. Лишь по утрам в единственное окошко доносился прохладный степной ветер. Иногда раздавалась трель жаворонка. Сердце у Еркебулана начинало щемить, и он, не обращая внимания на гремевшие кандалы, кидался к окну, подтягивался... Может быть, и глупо было рисковать получить пулю в лоб. Но он не в силах был отказаться от этих «прогулок», как он их называл.

С некоторых пор он замечал на лужайке совсем юную девушку. Она прохаживалась здесь, пристально вглядываясь в тюремные окна. Черная плюшевая безрукавка, белое шелковое платье с оборками, на голове — удивительно идущая к ней черная шапочка, украшенная перьями филина, надетая немного набекрень. Рослая и стройная...

Увидев ее впервые, Еркебулан потерял покой. Не она ли это? Не та ли девушка, увиденная в ауле сумрачным тревожным вечером? Она или не она? Правда, ее лицо было плохо видно отсюда. Наверное, у нее черные, как смородина, глаза, волосы черные шелковистые, чистое пе-

чальное лицо — все это поэт выдумал, все сам дорисовал в своем воображении. Он не допускал мысли, что это могла быть какая-нибудь другая девушка. Нет, та самая, которая в доме у Отарбая писала записку: «Ага, эти негодяи собираются убить вас». Неокрепший детский почерк. Убить — палочки и крючки еще более неуверенные, видно, как дрожала у нее рука, когда она выводила это страшное противоестественное слово.

Еркебулан, стиснув зубы, изо всех сил рванул на себя железную решетку, но четырехгранные толстые прутья не поддавались.

Арестанты встревожились:

— Что там такое? Что произошло?

Еркебулан ничего не ответил. Что он мог им сказать, как объяснить, кто эта девушка и что она для него значит.

Дни тянулись томительно долго. А по ночам, едва узники забывались, тревожный сон часто прерывался от лязга кандалов, от глухих ударов о пол прикладами. «Прощай-те, то-о-ова-ри-щи!..» Среди этих голосов, измененных предчувствием близкой смерти, Еркебулан распознал однажды голос Ефрема, того самого, которому подбили глаз, и друзья утешали его, что до свадьбы заживет. Ефрем действительно собирался вскоре жениться на дочери рабочего с салотопенного завода. Говорили, что расстреливают беляки за городом, за рощей, где раньше они собирались на маевки.

И уже было не до сна, мысли снова и снова возвращались к тому, как они допустили, чтобы офицерье захватило их врасплох, и где теперь Кайсар, удалось ли скрыться Кариму.

- Иногда его гнев, ненависть и любовь — просились в стихи, и строчки начинали складываться в голове. О свободе писал он, которой был лишен, о том, что мало любить свободу, надо еще и уметь биться за нее.

Время в застенке ползло, точно повозка, запряженная волами. Однажды Еркебулан добирался на них до Кара-

Уткеля из поселка, где для него не нашлось лошадей. Какое-то разнообразие вносили допросы. Сербов, правда, становился все настойчивее и, видя бесполезность своих усилий, уже пускал в ход и стэк, а не только поигрывал им, и многозначительно говорил: «Может быть, и тебе хочется покричать — прощайте, товарищи? Твое упрямство приведет к этому в конце концов». В камере Еркебулан рассказывал об этом легко, остроумно, как бесится Сербов, как конвойный просил его, «комиссара», чтобы он заступился за него, когда снова придут красные... Многие после допросов подавленно молчали, сцепив руки на коленях и уставившись глазами в одну точку. Еркебулан знал, что нельзя отчаиваться, но только ему одному было известно, чего стоит — владеть собой и развлекать товарищей по камере рассказами о Сербове.

Подложив под голову подушку, набитую трухлявой соломой, поэт устроился на голом полу. И вдруг — вскочил и бросился к окну, хотя только что оглядывал лужайку и проезжую дорогу. Вот сейчас, в эту минуту должна появиться она.

Как он угадал! Едва он прильнул к железным прутьям, как на площадке перед тюремной появилась девушка. Но сегодня она была не по-обычному тороплива. Почему так спешит? Куда? Как заглядывает в окна! А кто эта женщина в кимешек¹, которая подбежала к ней, сердито схватила за руку и начала выговаривать. Девушка ей не отвечает. Кажется, она даже не слышит. Застыла — смотрит на тюремные окна. На полном скаку возле женщин осадил вороного коня какой-то джигит. Он замахал руками, показывал назад, что-то возбужденно говорил. Но девушка и его не слышала и ему ничего не отвечала. Еще раз обвела взглядом окна и как-то сразу сникла. И медленно, словно прощаясь с кем-то, повернулась к женщине в кимешек.

Пальцы у Еркебулана разжались, он упал на каменный пол, глухо звякнули кандалы.

¹ Кимешек — легкий женский головной убор.

Арестанты снова всполошились:

— Что такое?..

С этого дня он вдвое дольше висел на окне, но больше так и не увидел девушку.

Наступила осень. Гусята стали совсем взрослыми и больше не нуждались в материнской опеке. Потом и снег уже выпал, наступили жгучие морозы Арки. А юная девушка в плюшевой безрукавке и белом шелковом платье?.. Как она одета теперь? Еркебулан думал о ней наяву. А ночью она приходила к нему такой, какой он видел ее однажды у юрты на берегу озера Кзыл-Мола, и такой, какой она прохаживалась вдоль тюремной стены. Приходила настоящая и придуманная. Она или не она? Кого она искала здесь? Неужели... Неужели она искала его? При этой мысли о несостоявшейся встрече, которая должна была принести ему счастье, сердце поэта наполнилось болью. И он знал, что никогда не излечится от этой боли.

VI

— Когда я только избавляюсь от этих бродяг!..

Отарбай сказал это на учтивное приветствие путника, вошедшего в отау и нерешительно стоявшего у двери. Это был рослый мужчина лет сорока, он оброс густой бородой, в которой при ярком свете пятидесятилиннейной лампы можно было увидеть серебряные прожилки. Весна стояла холодная, и он был в просторной шубе, на голове ушастая шапка «кулакшын», на ногах громоздкие, набухшие от сырости сапоги, подвязанные снизу бечевками и сыромятными ремешками.

Бродяг по нынешним временам развелось много. Голод погнал их от родных очагов, и они пошли по миру. Но все эти бедствия, как видно, обходили хозяина юрты стороной.

Очевидно, каператып — это не то, что какой-то бесправный заместитель аульного старшины, которым помыкает, кто хочет. Новые подушки и одеяла, новые кош-

мы в юрте. Прежним осталось то, что Акбала не ладила со своим мужем.

— От хорошей жизни как будто становятся бродягами! — сказала она, чтобы только сказать что-то ему наперекор. — Чем насмеяться и ворчать, позвал бы человека к дастархану.

Она немного помолчала, как бы давая возможность ему — хозяину дома — исправить свою оплошность и проявить гостеприимство. Но он и не подумал воспользоваться этой возможностью.

— Присаживайтесь, — сказала Акбала. — Пейте чай. — Она протянула ему пиалу.

На дастархане был рассыпан курт¹, иримчик, лежали крупные ломти пресной лепешки. Перед Отарбаем белел кусок сахара. Возле Акбалы, возле пожилой женщины, сидевшей по соседству с почетным местом, путник сахара не заметил.

Он оказался не жадным до еды, не набросился, как можно было ожидать, на хлеб и иримчик. Только небольшой кусок лепешки съел и выпил две пиалы чаю.
— Спасибо...

Он говорил отрывисто, коротко. Сперва он боялся, что Отарбай или Акбала узнают его по внешнему виду. Но если бы ему сейчас, год спустя, удалось взглянуть в зеркало, он бы и сам себя не узнал. А голос? Голос тоже звучал хрипло. Девять месяцев и девять дней в тюрьме, и после нее три месяца плутаний по степи. Круглым путем, чтобы избежать опасных для него встреч с колчаковцами и алаш-ордынцами, он шел на юг, где по слухам укрепились Советы. — Ты что? — решил нарушить молчание Отарбай. — Должно быть, и ты к нагаши² подался? Все, кто забыл запах родного очага, говорят одно и то же — к нагаши иду... — А вы угадали. Я действительно ищу своих нагаши.

¹ Курт — сыр, приготовляемый мелкими кусочками; иримчик — кусочки сушеного творага.

² Нагаши — родня по материнской линии.

— Ну, я думаю, они такие, что не знают, куда добро девать, а?

— Насчет добра не знаю. Но в тех краях, я слышал, не голодают.

— А! Ты слышал... Говорят... — злобно ухмыльнулся Отарбай. — Разбрелись по степи темные бродяги — одни нагаши ищут, другие к жиенам¹ пристраиваются...

Он с треском откусил от сахара.

— Слава аллаху! — не удержалась Акбала. — Слава аллаху, что у тебя у самого не оказалось голодных родственников. А то бы они у твоей юрты подошли с голоду.

— Меня аллах избавил, зато у тебя есть. Сидит же вот одна такая на моей шее...

Одним глазом он буравил жену, а другим — уставился на пожилую женщину, которая молча сидела за дастарханом, но ни к чему не притрагивалась, только чай пила.

В голосе Акбалы звучало нескрываемое презрение:

— Не беспокойся. Она тебя не объест. Я ее накормлю из своей доли, а меня ты кормить обязан. Мать тоже забыла запах родного очага, потому что к дочери едет. К той самой дочери, которую ты со своими прихвостнями продал замуж. Аклимажан на руках будет носить мать! А ты больше не задевай ее своим поганым языком. Понял? Не смей!

Хорошо, что сейчас никто из них не обращал внимания на путника, никто не заметил, как дрогнула у него рука, державшая пустую пиалу, как заблестели его глаза, бывшие до этого совершенно безучастными. Ведь если эта пожилая женщина — мать Акбалы, и она едет к другой дочери... Значит, его мечту звали Аклима! Прощай, Аклима! Он уже один раз прощался с ней. А это теперь — навсегда...

Он заставил себя слушать, надеясь еще что-нибудь услышать об Аклиме.

¹ Жиен — родственники по отцу.

Акбала забыла о присутствии постороннего. После каждой новой едкой, гневной, меткой ее насмешки — косоглазый опускал голову все ниже и ниже, он просто захлебнулся в потоке убийственных слов. А она упивалась ненавистью к нему и возможностью высказать эту ненависть всю, до конца. Но вот Акбала остановилась, чтобы немного передохнуть.

Отарбай, униженный и жалкий, немного помолчал, а потом, видно, захотел сорвать зло хоть на ком-нибудь.

— Эй, а ты кто такой? — обратился он к путнику. — У тебя белет¹ есть? Если есть — покажи.

— А если он тебе покажет белет, то что ты в этом белете разберешь? — снова вскинулась Акбала.

— Не разберу, так по виду пойму, что за белет...

— А ты сам кто такой, чтобы людей проверять? Может быть, ты аулнай? Или уренддык²?

— Я — каператып. А кто сильнее — каператып или уренддык, это еще неизвестно.

— Какой ты каператып! Ты несчастный послушный пирканшик волостного Мырзакельды и хаджи Калжана. Пирканшик, пирканшик — вот ты кто! Слова сказать не смеешь. Они себе берут плюш и бархат, сахар, чай, а тебе, дурню, кидают ситец и мампаси. Как собаке кость. Лучшие куски оставляют себе, а в тюрьму за них за всех сядешь ты.

Отарбай не нашелся, что ответить, и поэтому швырнул в жену пиалой. Но швырнул осторожно, чтобы не разбить ее о самовар.

— Да что вы грызетесь? — вступила в разговор мать Акбалы. — Я же недолго буду вам в тягость. Завтра же уеду. Акклимажан меня ждет. Не знаю, что там у них случилось, но Акклимажан через людей передавала, чтоб я забрала ее домой. Плачет, говорят, бедняжка, убивается...

Все было ясно... Только в чьих руках теперь томится

¹ Белет — удостоверение.

² Аулнай — аульный старшина; уренддык — искаженно: урядник.

и мечется и рвется на волю, как большая белая птица, Аклима? Что может быть горше судьбы девушки, попавшей в лапы степных шакалов, в когти стервятников? Все было ясно. Неизвестно лишь одно. Та девушка, что приходила к тюремной стене и кого-то искала в зарешеченных окнах, была Аклима? Или другая? Всадник на лихом вороном коне умчал ее тогда. А даже если это была она? Какая теперь разница? Там, где пылал огонь, осталась зола. Там, где цвело дерево, лежат пожелтевшие листья, втоптаннные в грязь. Там, где был портрет Джоконды, пьяный маляр варварски поработал кистью.

Он не мог больше находиться в этом доме. Он должен был остаться один на один со своим горем, в котором никто не в силах был его утешить и которое никто не мог с ним разделить.

— Спасибо... Я уйду. Прощайте,— негромко сказал он и направился было к двери.

— Апырау! — удивленно воскликнула Акбала.— Куда вы в такую темень? Ночь же на дворе. Волки... А страшнее любых волков в степи — разбойники. Оставайтесь, переночуйте.

— Э-э! Волку я сам горло перегрызу. А разбойнику — что с меня взять?

Он еще раз посмотрел на Акбалу, попрощался с ней взглядом и вышел.

Акбала вздрогнула. Ведь было уже такое... Год назад — тут же в юрте, с того самого места — безмолвно простился с ней черноглазый красавец-поэт, который одним ударом свалил Токе. Те же глаза сегодня, тот же взгляд. Нет, не может этого быть! Тому было двадцать четыре, двадцать пять. А этому сорок, не меньше. Но глаза, глаза! Немного удивленные, немного смеющиеся, немного печальные. Его глаза. Но говорили, что того посадили в тюрьму и расстреляли на рассвете. А может, каким-то чудом спасся? Тогда понятно, почему он посидел... Дай бог, дай бог, чтобы это был он. Пропавши Отарбай со своим краденым добром, подушками и ско-

гом. Пропади его каператып! Пропади все!.. Дай только бог, чтобы это был он, поэт, голос степи.

Путник вышел наружу, постоял, чтобы глаза привыкли к темноте. Напротив, на том же самом месте, находилась большая юрта. Но из дымового отверстия, как тогда, не летели искры. Некому было откинуть полог. Не было огня, не было того прекрасного лица, которое этот огонь на мгновение похитил у темноты. Не было рядом и Кайсара, который сказал бы: «Акын-ага... Пойдем, пойдем, акын-ага». Кто знает, где он теперь!

Опираясь на толстую суковатую палку, он двинулся в путь. В ауле шумно вздыхали сонные коровы. Стреноженные лошади неподалеку хрустели травой, фыркали. Вслед ему лениво, больше по обязанности, лаяли собаки.

Не было здесь Аклимы, и аул казался ему пустым, холодным и ненужным, как труп.

...Горькие мысли были его неразлучными спутниками и тогда, когда через три дня он подходил к аулу, где рассчитывал получить помощь, чтобы добраться наконец на юг, к своим. Было раннее утро. По высокому голубому небу плыли легкие облака. Небольшой косяк коней пригнали на водопой после ночной пастьбы. Табунщик на рыжей куцехвостой кобыле-трехлетке, размахивая длинным куруком¹, загонял в воду жеребят. То ли жеребята боялись воды, то ли им просто нравилась игра с табунщиком, но они носились вдоль берега, тоненько ржали, и стоило большого труда заставить их сойти в реку.

Табунщик заметил на берегу пешего человека, который стягивал с себя сапоги, явно собираясь переходить речку

— Эй! Эй, черная борода! Не раздевайся! Я тебя сейчас перевезу. Ты что, спятил? Или ты такой гордый, что никого не хочешь ни о чем просить?

Бородач, не отвечая ему, снова натянул сапог, подвезал ремешками подметку, но большой палец так и остался торчать наружу.

¹ Курук — гибкий прут с петлей на конце.

Табунщик направил к нему рыжую кобылицу. Путник сперва подумал, что ошибся, узнав его, потом понял, что нет. Верхом на рыжей кобыле сидел Кайсар. Но его парень не узнал. — Куда путь держишь, старина?

— Где-то здесь должен быть мой нагаши.

— А кто?

— Зовут Байкеном.

— Акылбек Байкен?

— Да, да! Он!

— Ой-бай! Да я же табунщиком в его ауле, хоть сам родом из другого места. Вон тот аул, что виден по ту сторону речки, это его аул и есть.

— А дома ли сам Баеке? Здоров ли он?

— О! Да еще как здоров! К большому тою сейчас готовится. В позапрошлом году умерла его жена, и он в жены взял молодку... Так вот, она ему родила сына. Ладно, старина. Я как раз собирался в аул. Сейчас дам тебе коня. Иначе Баеке всю шкуру спустит с меня...

— А как тебя зовут, парень?

— Меня-то? Кайсар. Большевик Кайсар... В прошлом году я с одним поэтом, с Еркебуланом, подался в Кара-Уткель. С тех пор меня и прозвали большевиком.

— А ты в Кара-Уткеле в партию вступил?

— Да ну! Какой там! Один день, нет — полдня заместителем был в газете, у Карима. Вообще-то не он, а этот поэт меня определил на работу. Это длинная история, ага. Я после вам расскажу, если захотите слушать.

Кайсар почти не изменился за год. Немного раздались у парня плечи, крупней стала рука. А так — все тот же простодушный, чуть шумливый... Вообще люди в аулах меняются медленно, — десять лет пройдет, а встречаешь их в той же поношенной шубе, в той же шапке и ведешь разговор, словно расстался вчера.

Вскоре он вернулся, ведя в поводу горячего светло-мухортого коня. Конь был оседлан.

— Принимай, ага! Может быть, слышал? Это и есть знаменитый, самый знаменитый скакун у Баеке.

Все так же он знает в округе лучших лошадей и гордится ими, словно они принадлежат ему.

Три дня шел по степи Еркебулан наедине со своим горем. Теперь же, едва почувствовав под собой коня, преобразился. Кургузая потертая шуба на нем была та же. Но осанка стала другой. Распрямились плечи, поэт истрепнулся, словно молодой беркут перед взлетом, и если бы Кайсар заметил его в эту минуту, ему и в голову не пришло бы сказать: старина.

Они перебрались на другой берег — Кайсар гнал косяк в аул, наступило время привязывать жеребят, чтобы можно было подоить кобылиц. Мухортый плыл, широко раздувая ноздри, а ступил на землю — и сразу помчался, едва касаясь ее копытами. Ну и мухортый! Не зря хвастался им Кайсар, не зря называл его братом ветра! Еркебулану пришлось придержать коня, чтобы парень мог догнать его. Когда он подъехал, они пошли рысью рядом. Парень рассказывал:

— Вы, должно быть, слышали про Еркебулана, ага? Знаменитый поэт. У нас каждый знает его стихи. Особенно девушки были от него без ума. Хоть тайком, хоть в дверь, хоть в щелку в юрте, — только бы им на него взглянуть. Любил на домбре играть. Сидит, глаза у него блестят, а пальцы — цок, цок, цок, вот вроде как этот мухортый, что под вами. А баи его не любили, он им очень досаждал своими стихами и еще с речами выступал в аулах. Убить однажды хотели, у нас в ауле Кзыл-Мола. За то, что он правду говорил,

— Он тебя в газету, ты говорил, устроил. А почему ты оставил эту работу?

— О алла! Разве я сам бросил бы? Заместителем-то я вечером стал, а утром газету разгромили. Мне разок-другой дали по затылку и велели убираться. Они Карима искали, но не нашли.

— А этот поэт?

— Его они, к несчастью, арестовали. Ночью взяли, дома. Держали долго в тюрьме. Одни говорят — убили его. Он им ничего не сказал, вот они и расстреляли его

— там, где всех расстреливали, за рощей. Но я слышал и другое. Будто ему удалось бежать. Будто, когда расстреливали, Еркебулан упал на секунду раньше, чем раздалась выстрелы. И что будто он ходит где-то в степи, пробирается к своим, таким же большевикам, как он сам. Только я думаю — неправда это. Если бы он был жив, мы бы знали его новые стихи. А мы не слышали новых стихов.

— Может, ему сейчас не до них, — отозвался он.
— Но если он жив, то обязательно услышите. А что с тобой потом было?

— Что потом... Бродил по улицам, как бродяга. Из своего аула я удрал, туда мне было нельзя. А куда идти? К счастью, я встретил в городе Баеке. Я не знал, кто он. Он меня накормил. Разговорились. Он оказался другом этого поэта, Еркебулана. Вот и взял меня к себе. Пасу тут лошадей. Куда?! Всегда она такая сумасшедшая! Куда ты!

Кайсар понесся вдогонку пегой кобыле и завернул ее к остальным лошадям. Косяк вошел в аул, и кобылицы разбрелись. Аульные ребятишки принялись гоняться за жеребятами, чтобы поймать их и привязать.

Возле большой юрты посередине аула стоял пожилой мужчина. Он пристально вглядывался во всадника, который сидел на его коне.

— Суюнши, Баеке, суюнши! — издали крикнул ему Кайсар, в этом он тоже остался самим собой, ему доставляло удовольствие приносить людям радость. — Ваш родственник приехал!

Еркебулан соскочил с коня, бросил повод и зашпешил к старику, который быстро шел ему навстречу, расставив руки. Мужчины обнялись.

— Изгнанник ты мой, — тихо говорил Баеке, не отпуская его.

— Как я истомился по тебе! Где ты пропадал так долго, мой Еркеш? Твой старик все глаза высмотрел, дожидаясь тебя. Я знал, что ты придешь. Если ты жив,

ты не пройдешь мимо дома твоего Баеке. Вот видишь, я не ошибся.

За девять месяцев и девять дней в тюрьме ни одной слезинки не уронил Еркебулан. Сжалось сердце поэта, когда он узнал про горькую участь, которая постигла Аклиму, но и тогда он сдержал слезы. А тут сердце не выдержало. Он не стыдился своих слез. Рядом с ним был друг. Баеке ласково похлопывал Еркебулана по спине, по плечам и говорил какие-то слова. Он был простым аульным стариком, но он знал, что поэта нужно иногда вот так дружески ободрить. И тогда смягчается его душа. Поэт становится нежным и мягким, как расплавленный свинец. Правда, из того же свинца можно лить и пули для встречи врагов.

— Вижу, вижу... — твердил Байкен. — Вижу, что и ты соскучился по своему ничтожному старику. А я ведь приезжал к тебе, в Кара-Уткель, да, приезжал. Но не пустили меня подлецы в тюрьму! Там-то и встретился мне Кайсар. Ну, ладно, ладно, успокойся... А ты, Кайсар, что? До сих пор не узнаешь его, глупый щенок? Ты посмотри, Еркеш, вот дурень, а?

Кайсар смутно догадывался, кто этот бородач. Он помнил, к кому в прошлом году приезжал в Кара-Уткель старый Байкен. Всю дорогу они тогда рассказывали друг другу про Еркебулана. Узнав наконец поэта, Кайсар скатился с седла, бросился к нему.

— Ерке-ага!

— Тише... Идемте в юрту. Нужно быть осторожней, — сказал Байкен, оглядываясь по сторонам.

Возле юрт стояли таганы, и из котлов густо валил пар. Возле них хлопотали женщины, сутились и галдели дети. А ребяташки постарше, поймав стригунков, скакали между юрт. Кое-кто из взрослых, отпустив кобылиц и привязав жеребят, посматривал в сторону юрты Байкена, а двое мужчин издалека направлялись к ней, чтобы приветствовать гостя.

— Ты узнал меня, Баеке, могут и другие узнать, —

сказал Еркебулан. — Ты прав, лучше мне скрыться с глаз... В юрте Байкен сказал:

— Сегодня у меня той. Сын родился у такого старика, как я. Пришла бумага, Еркебулан. Тебя, разыскивают. Нам надо хорошенько подумать, как тебя укрыть. А пока... Кайсар! Наш гость, знаешь, кто? Хозяин дома, у него мы останавливались в прошлом году в Кара-Утке. Он, бедняга, заболел в дороге. Ему сейчас постелят постель. Он отвернется к стене, будет лежать и болеть.

Еркебулан едва успел улечься и накрыться шубой, как в юрте уже появились люди. У каждого был один вопрос: кто такой гость Байкена, откуда родом и куда направляется. Хозяин всем отвечал, как договорились.

Больной лежал, прикрыв лицо ушанкой, отлебывал кумыс из большой пиалы, поставленной рядом с ним, и, когда кто-нибудь из гостей заходил в юрту, стонал. Лежать, прикидываясь больным, когда ты долго был лишен людей, когда ты долго скрывался, а снаружи шумел и разгорался той, было мучительно.

Прибежал Кайсар:

— Акын-ага!.. Вот вы бы посмотрели! Борьба идет... Абике схватил Бейсека, закрутил, завертел — и ка-а-ак швырнет его на землю! Бедняга даже подняться сразу не мог. Абике досталась победа. Хотите еще кумыса, акын-ага?

— Давай еще кумыса...

— Весело у нас сегодня, давно так не было. В байге участвует и тот вороной, хрипун. Помните, Ерке-ага? У него две дырки под мышками, он через них сильнее дышит. Вороной сегодня первым придет, потому что Баеке своего мухортого не пускает. Он же хозяин тоя. Не положено, неудобно. А вот была бы заваруха, а? Мясa хотите?

— Давай мяса.

Было слышно через войлочную стенку, как томится на привязи мухортый, как мучается оттого, что его не принимают в байгу, и как он хочет всем доказать, что нет тут коня, который сумел бы его обогнать. А Еркебулан —

мысленно; представлял себе, какие бы он песни спел, если бы мог при всех, не таясь, взять в руки домбру. Он бы им показал — как это нет у него новых стихов!..

Снова прибежал Кайсар.

— А я тоже на своей рыжухе буду участвовать... На всем скаку монету с земли достану. Многим, даст бог, носы утру!.. Чаю хотите? Дать вам чаю, акын-ага?

— Давай чаю.

Мухортый за стенкой возмущенно заржал. Ни одна из лошадей, увлеченных байгой, ему не откликнулась.

Когда село солнце и гости разъехались, Баеке и еще шесть или семь мужчин вошли в юрту. Кроме муллы, все были жителями этого аула. Пятилинейку Баеке поставил подальше от большого кара-уткельца, чтобы свет не резал ему глаза.

Мулла с черной тюрбетейкой на голове восседал на почетном месте. Байкен учтиво обратился к нему:

— Молда-еке, просим вас дать имя этому мальчишке-шалуну, виновнику тоя, которого аллах послал на радость старому отцу.

— О Баеке! Вы мне доверяете выбор? А может быть, у вас уже есть имя для мальша?

— Мы подумали, молда-еке... Ведь у таких стариков, как я, младший — любимчик, шалун... Есть одно имя. Я бы хотел назвать его — Еркебулан.

Мулла сказал:

— Кто станет возражать, если такова воля отца и матери.

Один из пришедших стариков тоже вступил в разговор:

— Теперь, считай, у нас в ауле три Еркебулана. Моего внука — сына моей младшенькой — тоже так нарекли. — Эх, знать бы, где сейчас наш самый первый, большой Еркебулан, — вздохнул кто-то.

Мулла поднялся со своего места и затянул соответствующую молитву. На руках у Баеке посапывал младенец.

— Аллах акбар!.. Аллах акбар! Лайлаха елла аллам!

— старательно выговаривал мулла слова молитвы.—
Имя твое — Еркебулан, Еркебулан, Еркебулан!

Трижды было произнесено имя новорожденного, как и полагается по обряду.

— Да ниспошлет аллах всемогущий здоровья, благополучия и долголетия всем Еркебуланам,— сказал Байкен.— Да будут они сильны духом и счастливы в своих начинаниях.

— Аминь...

VII

Аул стих, сморенный шумным большим тоем. Сон свалил людей, где попало. Храп доносился с разных сторон. Женщины прикорнули возле очагов, свернувшись, как перепелки в гнезде.

В юрте, не зажигая огня, чтобы не привлекать ничего внимания, старый Байкен и Еркебулан вели тихий разговор.

— Ну, Еркеш, теперь говори — куда ты направляешься, в чем нуждаешься. Ты же знаешь — что в моих силах, то я всегда для тебя сделаю.

— Я это знаю, Баеке... Первым делом мне нужно съездить тут, неподалеку. Если можно, отпустите со мной Кайсара.

— Только и всего?

— Пока больше ничего.

— Когда ты хочешь ехать?

— Если можно, сегодня ночью.

— Тогда выбирай, что тебе необходимо. Переоденься. Хоть я и старик, а кое-какую одежонку с молодых лет сохранил. Сапоги возьми с войлочными чулками, ночи еще холодные. Суконный серый чапан у меня есть, прямо просится тебе на плечи. С бельем как? Найдется и белье. Ушанку свою брось подальше, возьмешь мой малахай. Коня какого?.. Мухортого, пожалуй, я тебе не дам. Слишком он заметный, разговоры пойдут. Про Кайсара скажу — поехал проводить тебя до города. А когда ты назад?

— Дней за пять думаю обернуться.

Еркебулан слушал старика и думал, как самые простые слова: «возьми мой малахай, с бельем у тебя как?» — могут выражать самые глубокие человеческие чувства. Дружбу. Любовь. Товарищескую помощь. Готовность пойти на риск. Вот бы научиться писать так!

Он покинул аул затемно. Рядом на светло-рыжей кобыле ехал Кайсар. Едва они отъехали настолько, что можно было разговаривать, не опасаясь, что кто-то услышит их, как Кайсар принялся расхваливать коня под Еркебуланом — тоже рыжего, только темнее, чем его кобыла.

— О, знал Баеке, какого коня вам выбрать! На нем осенью, по первому снегу, трех волков забили. Он, правда, не джорга¹, но рысью хорошо ходит. А куда мы сдем, Ерке-ага?

— За кого выдали замуж Аклиму?

— А-а... Он из рода джаппас, они теперь на Кара-Коине. Косоглазому Отарбаю досмерти захотелось стать каператыпом — вот он и продал бедную девушку племяннику самого Калжана.

— А где живет этот джаппас? Кара-Коин — это где?

— Джайляу ихние. А мы не так свернули, если хотим туда... Это в сторону Кызмоншака — Сыргалы.

— Сколько было Аклиме в прошлом году, не знаешь?

— Как же мне не знать, мы росли вместе, вместе с водой на озеро ездили. Мне восемнадцать уже исполнилось, а она — на год меня моложе.

Еркебулан больше ни о чем не расспрашивал Кайсара. В пути на хорошем коне ему всегда хорошо думалось. Сколько было друзей у него, с которыми он сражался за советскую власть. И вот он остался один, потерял с ними всякую связь. Многих из Кара-Уткуеля и Кызыл-Жара перевели в Омскую тюрьму. Колчак еще в

¹ Джорга — иноходец.

силе. Алаш-орда еще в силе. Он беглец, бродяга... Не зря ведь сказал Байкен: «Пришла бумага, Еркебулан, тебя разыскивают». А на юг можно только через Бетпак-Далу, через мертвую неприютную пустыню. Кто будет его проводником? Тут уж и Кайсар не поможет...

Он успеет потом посоветоваться с Баеке. Он что-нибудь придумает, он всегда найдет выход, если дело касается Еркебулана!

Они ехали к Аклиме. Еркебулан не знал даже зачем. Что он может изменить? Чем он может помочь ей? Но и не повидать ее он не мог. Болезнь какая-то... Однажды темной ночью лишь на мгновение мелькнула перед ним девушка — и навсегда вошла в его жизнь. Она стояла перед его глазами и сейчас, и он видел на ее точеном лице и страх, и радость, и испуг, и грусть. И все эти чувства относились к нему. Может быть, так дорога была ему Аклима, потому что в тот короткий миг возникла между ними какая-то тайна... В ту минуту он впервые и до конца постиг всю сложность человеческой природы. Нет, не умом постиг, он понимал все и раньше, а почувствовал сердцем.

Великие художники прошлого, поэты, которые познали существо бытия и умели передать чудодейственным словом любое движение человеческой души, разгадывали эту тайну каждый по-своему. Но юная казахская литература еще только постигает ее. И если судить по самому большому счету — а только такой счет и ведется в поэзии, то собственные стихи все меньше и меньше нравились Еркебулану. Ну, внешняя форма у них порою есть, и читаются они неплохо. Но за этой пестротой проглядывает иногда пустота. А все возвышенные и высокопарные сравнения не стоят одного слова Баеке, когда он раздумывал, какого коня дать ему в поездку. Ведь не скажешь, что пожалел мухортого. Нет, он заботился о Еркебулане. Всадник на таком роскошном коне привлекает внимание, а мятежного беглого поэта знали слишком многие. А как передать это, чтобы люди могли оценить душу старика, то высокое чувство, которое им двигало,

когда он сказал: «Пожалуй, мухортого я тебе не дам». Тут не отделаешься восклицаниями — о мой друг! Твое благородство велико, как эта степь!

Может быть, Еркебулан и преувеличивал свои недостатки. Но он не мог не думать о новых средствах выражения. Быть зачинателем новой казахской литературы... Иногда такая мысль по отношению к самому себе казалась ему непростительной заносчивостью. Но он видел и то, что многие подражают ему, что его находки в стихах как-то по-своему используют те, что выбрали тернистый путь литературы. Поэтому на него ложится большая ответственность. Если время избрало его, удержит ли он такой груз на плечах? Ведь ему всего лишь двадцать пять. Он понимал и то, что кончилась, ушла в прошлое поэтическая эпоха, во главе которой стоял великий Абай. Новые времена наступили в степи, их сопровождает не унылый скрип старой арбы и не ленивая поступь верблюда. А как выразить это? Монна Лиза, Евгений Онегин стали для него такой же реальностью, как Аклима, увиденная однажды. А как сделать, чтобы она стала такой же близкой для других, для многих людей?

Еркебулан хотел еще раз увидеть ее. А что, если, вместо такой гордой, удивительно чистой и независимой в своей красоте девушки, он увидит вдруг безголосую рабыню? Нет, нет! Не приведи аллах увидеть ее смирившейся, униженной...

...На джайлау они приехали через день. По берегу растянувшегося озера на небольшом расстоянии друг от друга стояли аулы. Казалось, все тут вымерло. Не дымилась очаги. Не было видно людей. Они или притаились или бросили все и ушли. По степи без всякого присмотра бродил скот. В трех аулах Еркебулан и Кайсар пытались найти ночлег, чтобы завтра с утра начать поиски, но никто, ни один хозяин, не пустил их в юрту.

— Проходите... Нельзя. Мор у нас. Кара-шешек¹.

¹ Кара-шешек — черная оспа.

Наконец им попался одинокий чабан с небольшой отарой. Он и показал, где стоит аул, который они разыскивают.

— Вон... Видите, две юрты? Одна из них полуразобрана. Это там. Только вряд ли кого найдете у них. Одни повымерли, другие откочевали.

Еркебулан ударил своего темно-рыжего каблуками и поскакал к темневшим впереди юртам. Подъехав, он не стал ждать, пока его кто-нибудь встретит, а тотчас спрыгнул с потного, в мыле, коня и чуть не сорвал полог, входя в юрту.

Тупо уставившись в золу потухшего очага, сидела пожилая женщина, та самая, которую он недавно повстречал у Отарбая.

Справа часть юрты была отделена голубой шелковой занавеской. За ней кто-то тяжело дышал, словно после долгого бега.

Кайсар снаружи возился с конями и вошел немного позднее.

Не поднимая глаз, старуха спросила:

— Кто вы, дети мои?.. Уходите скорей. Наверное, вы не знаете, что у нас кара-шешек?

Они переглянулись.

— Нет, знаем, женеше¹,— ответил Еркебулан.

— Так что, вам жизнь совсем не дорога, что проклятой черной беды не боитесь? Кто вы такие?

— Мое имя Еркебулан, а товарища зовут Кайсар. Внезапно дрогнул голубой занавес, дыхание за ним на секунду затаилось.

— А... Кайсар. Кайсара я знаю,— сказала старуха.— Но все равно я не могу вас пустить. Догдыр² не велел...

За занавеской кто-то вскрикнул. Еркебулан чуть не застонал от боли, которая стиснула его сердце. Этот хриплый, страдающий голос... Таким ли он представлял себе

¹ Женеше — тетушка.

² Догдыр — искаженное: доктор.

голос Аклимы. Он слушал его в своих мечтах, как когда-то в Омске слушал рояль, который умел радоваться, и грустить, и отчаиваться, и надеяться... Аклима... Значит, жива. Не хочет, чтобы уезжали. В этом вскрике не было слов, но Еркебулан понял, явственно услышал сердцем: «Не уходите! Не бросайте!»

— Слушай, Кайсар, — сказал он. — Меня против оспы прививали, в тюрьме даже два раза делали прививку. А ты как?

— Ой, Ерке-ага! Разве вы не видите мою изрытую кожу? Меня никакой мор не возьмет.

— Тогда, женеше, мы ночуем у вас, если позволите. За нас можно не беспокоиться.

Старуха больше не возражала. Она молча встала и вынесла самовар. Кайсар тут же исчез за занавеской.

— Аклима, это я, Кайсар.

— Нгы...

Даже в такую минуту, на грани жизни и смерти, замужней женщине не полагалось вступать в разговор с посторонними мужчинами, полагалось быть сдержанной, и все ее чувства выражались в коротком междометии — «нгы». «Нгы» — значит: я узнала тебя.

— Аклима, ты меня слышишь? Ну, как ты, родная?

— Нгы... — «Я слышу тебя. Если сказать честно, то не очень-то хорошо мне».

— Кайсар! — позвал Еркебулан. — Уходи оттуда. Не тревожь ее, оставь. Иди сюда.

Кайсар вышел. Он обхватил руками голову и заплакал, громко всхлипывая.

— Тише, Кайсар.

Но парень не мог удержаться.

— Ерке-ага, я так... так был рад, когда услышал от вас, что едем к Аклиме. Разве я думал, что... что... Эх! — Голос у него сорвался, он быстро-быстро замотал головой и выскочил из юрты.

За занавеской снова раздался возглас. Больная чего-то требовала, на чем-то настаивала. Может быть, она зовет его? Еркебулан больше не колебался. Тяжелая

опасность, нависшая над Аклимой, устраняла необходимость соблюдать приличия. Он прошел туда, к ней.

Грудь ее тяжело поднималась и опускалась, она хрипела при каждом вздохе. Лицо было закрыто красной в полоску шалью. Еркебулан взял ее за локоть — да, сомнений тут быть не могло... Рука вся покрыта твердыми струпиями. Тревожно билась голубая жилка у самого запястья.

— Аклима! Ты не отчаивайся! Ты поправишься. Я искал тебя — и вот, нашел. Я буду здесь, пока тебе не станет хорошо. Ты хочешь, чтобы я остался с тобой, Аклима?

— Нгы, нгы...

Со вчерашнего дня Аклиме стало особенно плохо. Черная оспа душила ее, но молодость не сдавалась, боролась с болезнью. Узнав о первых вспышках оспы, муж Аклимы, не заезжая в аул, без оглядки удрал в город. Его младший брат и сестра, оставшиеся в соседней юрте, умерли. К больной Аклиме ходила бездетная вдова из соседнего аула, подавала ей пищу и кипятила чай, по ночам сидела в изголовье. С приездом матери Аклимы вдова больше не показывалась. Может быть, умерла?

Неожиданное появление Еркебулана и друга детства Кайсара взволновало больную. Аклима внезапно почувствовала себя молодой, красивой, сильной. Она снова была той девушкой, которая, раз увидев знаменитого акына, навсегда сохранила память о нем. Но почему, почему он стал ей так дорог? Ведь она почти ничего не знала о нем, только видела в узкую щель, как он сидел в отау у сестры и с небрежным изяществом наигрывал на домбре какую-то мелодию. Нет, неправда, что она ничего не знала о нем. Она же знала его стихи, значит, знала о нем все. Как она тогда мечтала, что будет веселый беспечный вечер с песнями, с домброй, с играми. А вышло так, что поэта чуть не убили у них в доме. Она не надеялась когда-нибудь встретить его вновь. А оказывается, и он думал о ней. Искал и нашел ее!

— Может быть, снять с лица шаль? Тогда тебе не будет так душно.

— Нгы.

— Ладно, не буду.

Аклима, видно, немного успокоилась. Грудь у нее уже не ходила так бурно.

Он искал ее и нашел в самые беспросветные минуты... Ерке-ага! Какая девушка не мечтает о таком джигите, как Еркебулан? Ты счастливой оказалась, Аклима. Хоть и ненадолго, но счастливой. Судьба свела тебя с поэтом, когда ему понадобилась твоя помощь, и как дрожала у тебя рука, когда ты выводила страшные слова: «Акын-ага, вас хотят убить...» Я спасла его тогда от верной смерти, а теперь он приехал, чтобы спасти меня от черного вихря. Он же сам сказал, что будет со мной, пока я не поправлюсь, не встану на ноги. А поэт — все может, он всемогущ, как святой. Если завтра мне будет немного лучше, соберу уцелевших джигитов, девушек позову. Это будет шильдехана¹, ведь я действительно вторично появляюсь на свет. Акбала, ты заранее позови всех, кого увидишь. Еркебулан с домброй пусть сядет возле меня. О, девушки! Вы уже пришли? Как быстро вы откликнулись на мой зов. Я вам рада. Я соскучилась без вас в доме постылого. Ерке-ага, начинайте, пожалуйста. Спойте, я прошу вас, «Сурша-кыз»... «Когда тебя, любимая, я вспомнил, обняв подушку, залился слезами». Можно к тебе прислониться, ага? Как спина горит!.. Кайсар, где ты? Теперь ты спой, спой «Каракоз». Ты хорошо пел эту песню. Спой, как прежде, во весь голос. «Черноглазая, ты меня покинула, как мне быть теперь, как мне быть?»

Опустив голову, сидел рядом с ней Еркебулан и слушал ее слова. Теперь он никому ее не отдаст. Леонардо да Винчи не расставался с портретом Монны Лизы, а он никогда не покинет Аклиму. Когда она поправится и окрепнет, они станут вместе пробираться через Бетпак-Далу, на юг, к своим. Как смел ничтожный Отарбай кому-то отдать его Аклиму! Не было этого.

¹ Шильдехана — празднование дня рождения.

Наплевать на старые законы, если они мешают его счастью с Аклимой. О алла, помоги ей. Не допусти, чтобы она ушла. И как он мог сомневаться в том, что по лужайке напротив тюремного окна ходила она. Какая другая девушка осмелилась бы поступить так решительно? Только Аклима.

— Не уходи, Еркеш,— сказала она.— Не уходи, Кайсар. Акбала, не уходи.

Бред кончился. Аклима впала в забытье.

Еркебулан до утра просидел рядом с ней, ничего не видя вокруг себя, ничего не слыша. Аклима лежала тихо. Он бесшумно поднялся, боясь ее потревожить, но тут к ней подошла ее мать, и пронзительный крик старой женщины объяснил все. Ничто и никогда уже не потревожит Аклиму.

VIII

В жизни каждого человека есть свой календарь памятных дат. В ту ночь возле умирающей Аклимы поэт знал, почему молодая женщина с головой укрылась шалью, не хотела, чтобы он видел ее лицо, обезображенное болезнью. Он держал ее руку, покрывшую струпьями, словно чешуей, и думал, что никакая черная оспа, никакое страдание не может уничтожить красоту... Тонкая девушка, которую он однажды увидел в ауле на берегу озера Кзыл-Мола, разве могла она умереть?

С той ночи прошло много лет.

Слово поэта звучало по всей казахской степи, оно разнеслось и далеко за ее пределы. Остались позади дороги, пройденные в боях за советскую власть. И теперь не саблю, не наган держал он в руках, а желтый сафьяновый портфель, набитый деловыми бумагами.

Грозное было время. Гордое было время, трудное и веселое. О нем не приходилось писать старым привычным стихом, и поэт смело ломал каноны старой поэзии, находил новые необычные сочетания слов, и в ритме его строк слышалось биение многих сердец. Он стремился

в самую гущу жизни, он старался все увидеть, все понять, и на самых простых, ничем не примечательных внешне событиях лежал отсвет перемен, происшедших в его родной степи после Октября.

К нему пришла устойчивая шумная слава. Однако поэт, если только он настоящий поэт и настоящий мужчина, должен уметь перенести и славу и все, что с ней связано. В стихах, написанных уже зрелым мастером, критики находили множество достоинств. А самому поэту они не нравились, Он не кричал об этом на всех перекрестках, чтобы не создавалось впечатление, будто он кичится своей взыскательностью и выставляет ее напоказ. Но он видел их недостатки и знал, что можно было написать проще, ярче, глубже и сильнее.

Прокладывать путь по нетронутому снегу — труднее, чем идти за кем-то след в след. У поэта были ученики. Были откровенные подражатели. Учениками он гордился, а подражатели доставляли немало неприятных переживаний. Особенно в последнее время они превозносили поэта, что бы он ни написал. Суесловие?.. Нет, не только. Расчет был точным: безудержно восхваляя его, они тем самым преувеличивали значение своих произведений. А те так же походили на литературу, как его старая кургузая шуба — на щегольский чапан из тонкого сукна, которым когда-то одарил его Баеке.

Поэт не мог простить себе, что до сих пор не взялся за большую работу. Такая книга вобрала бы весь запас его наблюдений и раздумий, осмыслила бы огромные сдвиги в судьбах степного народа. Он не мог себе простить, что не написал о многом из того, что пришлось увидеть и пережить. О создании сложных, многогранных — и жизненных в этой сложности — образов он мечтал еще двадцатичетырехлетним юношей, когда только догадывался о том пути, который ему предстоит пройти в литературе. То ли боялся, что еще не созрел для такой работы и может все испортить поспешностью. То ли время, до краев наполненное событиями, не оставляло ему возможности сесть за большую книгу...

Так или иначе, но поэт никогда о ней не забывал. С годами и Монна Лиза, и Онегин, и та девушка, мелькнувшая в его жизни, все чаще тревожили его и требовали: «Ты все забыл? Почему ты не пишешь? Ты должен писать». А верно ли, что та девушка лишь раз промелькнула в его жизни? Нет. Как вечернее эхо, многократно повторяясь, мечется в горах от скалы к скале, так и она всегда откликалась по первому зову. Аклима решительно и властно вошла в его жизнь, заставила по-новому взглянуть на многие события и явления. Может быть, он и писать стал по-другому, потому что однажды встретил ее на берегу озера Кзыл-Мола...

Ему было о чем вспомнить, о чем подумать. Он мог бы описать все пережитое с того дня, когда в Кара-Уткель пришла весть о свержении белого царя и он, Еркебулан, одним из первых помогал водружать красное знамя. Он испытал все: и гордость побед, и горечь поражений. Его память со всей отчетливостью, во всех подробностях хранила приметы времени.

Нет, нельзя слишком долго собираться в дорогу. От размышлений — сумеешь ли преодолеть препятствия, пройдешь ли ее до конца, дорога не становится ни легче, ни короче.

«Круговорот». Название книги пришло вдруг — казалось бы, само по себе, но ведь сколько он думал о ней, готовился к этой минуте, когда останется наедине с чистым листом бумаги за своим рабочим столом. Перо поэта становилось нежным и добрым, когда он вспоминал о друзьях и соратниках. А когда по ходу рассказа появлялись враги, поэт кидался в бой с пылом молодого горячего Еркебулана.

Страница за страницей книга была написана и вышла в свет. Что тут поднялось! Родственники тех, кто в «Круговороте» получил по заслугам, подняли бешеную травлю. Жалобы и угрозы, сплетни, доносы, анонимки посыпались на голову поэта. «Знай, что есть оружие посильнее твоего поганого пера», — напоминал один. «Учти, и не таким ломали рога», — писал другой. «Эй

ты! Ходи и оглядывайся, я тебя встречу», — обещал третий.

Когда становилось особенно тяжело и безрадостно на душе, поэт брал в руки верную домбру, постоянную спутницу его размышлений, его путешествий в прошлое. Нет, он не сомневался... Он знал, что находится на правильном пути, и сейчас обдумывал вторую книгу «Круговорота». Критика на первый том ничем поэту не помогла. Если кто-то злобно ругал ее, то другие столь же безудержно хвалили. Середины почти не было.

...За окном сгустились сумерки, но ему не хотелось зажигать свет. За окном росли две яблони. Был август, и ветки под тяжестью плодов низко клонились к земле. Неожиданно, как это часто бывает в городе, расположенном у гор, испортилась погода. Нависли темные лохмотья туч. Гроза перекатывалась над вершинами неподалеку, и вот-вот должен был пролиться ливень.

Пальцы поэта все чаще задерживались на нижних ладах домбры. При таком захвате на удивление красиво сливаются и согласно звучат обе струны, и это созвучие как бы напоминает поэту о многих еще не разгаданных тайнах писательства. На их постижение уходит вся жизнь, да и всей жизни, оказывается, недостаточно. А созвучие — это вовсе не одинаковое звучание двух струн, не примитивный унисон, а согласие, взаимность!.. Без такого согласия слов — нет ни поэзии, ни прозы. И добиваться его с годами — все труднее, потому что становишься еще суровее, требовательнее к самому себе.

Глухо звучала домбра. Может быть, и чародей песни Биржан-сал задумывался вот так же о великом таинстве звуков и слов, оставаясь наедине с домброй? Просторный его халат из верблюжьей шерсти лопнул на спине от удара камчи, в хвосте которой был спрятан свинец. Наглый поштабай вырвал из рук певца домбру. Оборвалась струна. Казалось, не зазвенела она, а застонала. Стон отчаяния. А волостной Жанбота не заступился, грубо оборвал певца: «А кто просил тебя вмешиваться не в свое дело?» Понятно, разве стал бы волостной, ради

какого-то певца, даже если это был и сам Биржан-сал, ссориться с другим волостным?»

А поштабай? Этим ударом он навлек вечный позор не только на самого себя, но и на весь свой род. Чего стоил тот его сын Токе, верзила с заячьей губой. А его сын, внук поштабая?.. Совсем взрослый теперь. Если переехал куда-нибудь в город, то с камчой, с позорно знаменитой камчой не ходит. Но сегодня для злых, для подлых дел камча и не нужна.

Пальцы поэта по-прежнему держались на нижних ладах. Однозвучно пела домбра. «Ты унижить, Жанбота, меня позволил...» Видно, он уже давно бессознательно выстукивал именно эту фразу.

Поэт помнил, что Биржан обладал высоким зычным голосом, и, добиваясь такой же высоты звучания, он незаметно для себя крутил и крутил колки, и струна лопнула.

На улице зажглись фонари, и свет упал в комнату, в которой сидел поэт. И хотя теперь он не пел своих стихов, но все равно натянул новую струну.

И домбра снова ожила в его руках.

1966

СЛОВО
О
МАТЕРИ

МАТЬ

К

огда мы были детьми, мулла учил нас грамоте в доме седого Айтилеса.

Неподвижная жара. На холмах играет мираж. Скот находит прохладу в озере, входя в воду по шею. В полдень солнце стоит прямо над головой, и тогда тень человека, не находя себе места, прячется под ногами. Пастухи пекутся на солнце, похожие в своих сырмятных одеждах, на худых бычков, у которых не вылезла еще зимняя шерсть. Кажется, что они сожжены солнцем и что одежда, съеживаясь и топорщась, ссыхается на их телах. Женщины, ходившие за шесть холмов собирать кизяк, едва бредут с мешками на спинах: усталые их лица пересечены струйками пота, смешанного с пылью.

Таща под мышкой истрепанный, как старый потник, арабский букварь, я приходил к Айтилесу. Если дети еще не побрались, Айтилес обычно беседовал с муллой или со всегдашним своим гостем — торговцем Рамазаном, рыхлым, как мешок

для кумыса. Разговаривая, Айтилес, слепой старик с белоснежной бородой, разглаживал могучими пальцами широкую бороду. Белая и пышная, она покрывала его халат, словно вышитый серебром нагрудник.

Старые, покрытые ржавчиной забвения события Айтилес подчищал, подновлял — и рассказы в его передаче сверкали блеском. Старик, после потери зрения собравший весь свет в груди, в ушах, перетряхивал давно прошедшие дни, как слезавшиеся меха.

— Ай, молодая пора наша, когда мы еще играли над ушами коня! — начинал Айтилес. — В то время палуану¹ Жанаю было восемьдесят два, а может, все восемьдесят пять лет. Сердце его еще было горячо, хотя силы начали его покидать. Звучный голос его играл над шанраком². Когда рассказывал этот человек, мы, бывало, сидели на корточках у юрты, приподняв кошму у косяка двери и слушали, стараясь не пропустить ни слова...

— Вот слушайте, что рассказывал раз Жанай...

«Дело было давно, мы были тогда еще молоды, — так рассказывал однажды Жанай. — Палуан Жалпак³ собирал нас в барымту⁴ на аулы Ергенека. Вышло это так. Палуан Жалпак приходился названным зятем Балабаю. Как-то бий⁵ вызвал к себе палуана и говорит ему:

— Уа, Жалпак! Дважды Ергенек совершил налет на наши аулы. Один раз они ограбили меня, в другой раз — ограбленным оказался ты. У меня они взяли скот, ты же — отдал душу. Разве не душу отдал ты, если отдал свою невесту, за которую отец твой уплатил все сорок семь голов скота?.. Правда, в то время ты был еще мал. Ты был еще так мал, что не мог не только отомстить врагам, но даже, встретившись с ними в степи, еле пзба-

¹ Палуан — борец-профессионал, силач.

² Шанрак — верхний круг остова юрты.

³ Жалпак — широкий.

⁴ Барымта — набег на чужой род с целью угона скота.

⁵ Бий — старшина рода, родовой судья.

вился от них сам, отделившись конем, на котором сидел. Но сейчас — ты называешься палуаном. Как же ты забываешь о мести?

— Бий! — вскричал Жалпак, вскакивая на ноги. — Я не знал, что на лбу моем темнеет черное пятно... Мне говорили — та невеста была не моя! Мне было шесть лет, когда они отняли у меня коня... Если победа будет со мною — убью врагов. Победят они — останусь мертвым в степи, но без позора на лбу! Прощай! Я сяду на коня в счастливый день — в среду!

— Подожди, батыр! — говорит Балабай. — Поехать ты поедешь, и набег ты совершишь. Но выслушай совет: не гонись за прежней невестой, она давно уже стала женщиной. Лучше кинь глаз на густые табуны лошадей!

И вот мы отправились на барымту — сорок отборных джигитов, держась запада спереди и юга слева. Жалпак (в плечах, как юрта, кулаки, как дубины, смотреть сзади — как печь) ехал впереди на расстоянии выстрела. Светловолосый лысый его конь, взматывая головой, изгибался, как лук, и летел, как стрела. Ни один конь не поспевал за ним! В сумерки на седьмую ночевку Жалпак сказал, спрыгивая с коня:

— Э, не простой, верно, был человек! Переночуем на его могиле...

Все мы сошли с коней. Большая черная могила на шестьдесят шагов в круге. На входе — надпись. Ее мы не прочли, из сорока джигитов ни один не знал грамоты...

— Когда вспомню об этом, — говорит Айтилес, отвлекаясь от рассказа, — душе моей становится тепло, что нынче дети учатся. Пусть до уездных не достать рукой, но хоть волостным собакам не позволят себя рвать на куски! Дай детям сыру! — кидает он через плечо своей старухе и продолжает рассказ от имени Жаная.

...Мы зажгли кремнем огонь, развели костер. Кинув в рот горсти по две сушеного мяса, улеглись спать, положив под головы седла, под себя — потники.

Когда Плеяды поднялись к небесному своду, а краси-

ная звезда Уркер — на высоту лба, батыр Жалпак вскочил на ноги:

— Джигиты! Ослабьте передние подпруги, задние стяните покрепче, не жалея коней!.. Когда солнце подыдется на высоту копыя, мы встретим добычу. Если сбудется желание моего бия,— налетим на табуны.

— Оказывается, это могила старого палуана Байсары, — сказал еще Жалпак. — Ночью он говорил мне: «Вы, кому я дал приют над своей мертвой головой, вы, чьи кони щипали траву у моей могилы — не смейте трогать мой народ. Тронете — не пеняйте». Мы спорили с батыром всю ночь, но к согласию не пришли. Если он батыр, мы что же — бабы? Садитесь на коней, джигиты!

Кони, выдержанные для похода и подготовленные для пути, грызли удила, вертелись, как веретена, изгибаюсь, как садаки¹.

Солнце поднялось на высоту копыя, и мы увидели табуны, покрывавшие низины и холмы. Мы кинулись к табунам. Двое всадников выскочили из их гущи и помчались к холмам. Мы не стали гнаться за ними.

Когда, завернув табуны с одного конца, мы с гиком и свистом погнались коней, я увидел черноокою девушку с мешком кизяка за спиною. Глаза ее были как у верблюжонка.

Все мое тело заньло. Конь подо мной звался Кудайкок², — я подлетел к ней стрелой, подхватил ее на седло, засунул обе руки ее себе за пояс и полетел дальше. Издали послышался вопль ее матери, она причитала: «Жеребенок мой», распустив волосы. Вопль матери задел меня меньше, чем укусы мошки.

Вскоре ударами плетей мы собрали большой табун и отогнали его за два холма. Тут палуан Жалпак увидел у меня девушку на седле, и, видно, она пришлась по душе батыру.

¹ Садак — лук.

² Кудай-кок — серый бог.

— Сауга!¹ — звонко приветствовал он.

— Если она угодила тебе, чего же ей больше желать? Бери, батыр! — сказал я.

Он поравнялся со мной, погладил девушку по голове, поцеловал ее волнистые черные волосы и поехал дальше. С этой минуты девушка, прикосновения которой все время кидали меня в жар, стала для меня холодной лягушки.

Мы отбили столько лошадей, что с трудом не давали им разбежаться. В давке жеребята падали под ноги кобыл и отставали с тонким ржаньем. Мы утнали табуны уже на расстоянии полкочевья, когда в степи за нами зачернела точка.

Она неслась, как падающая звезда. Не успели мы мигнуть, как гнедой конь врезался в наш отряд, неся на себе старика. Это был старый опытный табунщик, выдавший виды: на нас он и не взглянул, а прямо подскакал к палуану Жалпаку:

— Положим, все хорошо: ты совершил набег, ты утнал байские табуны... Но зачем тебе, батыр, единственная дочь табунщика? Нужен раб — возьми меня. Но верни дочь — несчастная мать осталась в горе. У нее одно дитя, которое расширило тесное брюхо, расплавило каменную грудь матери.

Разве батыр послушает такие слова? Жалпак усмехнулся себе под нос и мигнул джигиту Кейки, ехавшему рядом. Кейки был джигит быстрый и могучий: он вонзил копьё в грудь табунщика, покрутил старика в воздухе и кинул прочь.

Гнедой конь, как сайгак, ринулся в сторону. Трое джигитов кинулись в погоню, но гнедой только хвостом махнул, будто прискакал только затем, чтобы доставить табунщика и умчаться обратно.

Девушка зарыдала и вмиг высвободила руки из моего пояса. Я переложил ее вперед и внимательно осмотрел.

¹ «Сауга!» — «С добычей!». По старому обычаю, казахи отдавали часть добычи первому, кто их приветствовал.

Глаза и в самом деле были как у верблюжонка. По лицу лились потоки жемчужных слез. Бывает же, оказывается, красота, как нежный весенний цветок! Я даже ожалился и не мог обнять ее окаменевшими руками...

Мы прошли по степи еще один переход ягнят. От случая с табунщиком не осталось и тени в голове. Лошади горячились. Пугаясь криков, табун шел, образуя временами давку.

Вдруг — смотрим назад: стрелой, как охотничья птица, летя, как звезда, опять показалась в степи черная точка. Не успели мы крикнуть: «Ау! Остановись!» — точка обходом вылетела вперед, и мы заметили лишь что-то белеющее.

— Шешетайым-ай!¹ — крикнула девушка с моего седла.

Оказывается, это был тот же гнедой, и теперь на нем сидела жена табунщика, мать девушки. С гиканьем она подлетела к табуну, потом, повернув, вылетела вперед и понеслась вправо.

И весь табун — как ринется за ней!..

Мы пытаемся свернуть его в сторону, он скачет в другую.

Мы хотим поймать женщину — гнедой не подпускает, нельзя вонзить копьё или достать дубиной. Несколько раз мы заворачивали табун назад, но тогда он пускался врассыпную, не помогали ни плети, ни дубины. Наконец табун ударился через единственный проход на широкий остров посреди реки. Оттуда его уже нельзя выгнать...

Посреди острова был холмик. Женщина выехала на тот холмик и машет нам жаулыком... Ну, думаем, теперь-то проткнем ее пикой!..

— Я — женщина, я — мать этой девушки! — крикнула она. — Я — мать всем вам! Каждого из вас родила такая же мать... С матерью не воюют. Чем

¹ Шешетайым-ай — мамочка.

виновата перед вами моя единственная?.. Иди ко мне, верблюжонок мой!

Не знаю, как спрыгнула девушка с моего седла и как повисла она на шее матери. До нас, кто еле дышит от гнева, у кого от злости кровь капает с бровей, им нет никакого дела. Мать ласкает дочь, дочь ласкается к матери, сами они по себе.

Кейки не выдержал.

— Батыр, — обратился он к Жалпаку, — если позволите, свяжу их и повезу на жеребчике. Дочь пойдет в жены, мать — таскать дрова!

Жалпак посмотрел на Кейки, окинув его широким, как ладонь, глазом, потом повернулся к женщине:

— Что ты за человек? Твоя смелость удивляет меня. Скажи, кто ты такая?

Женщина ответила:

— Батыр, слезь с коня. Некому гнаться за тобой: если вы совершили набег на этот аул, то и наши джигиты с утра тоже поехали в барымту на соседей. Ты сможешь угнать табуны не торопясь.

Мы слезли с коней, расположились вокруг холмика, «Какой бред этой черной женщины будет он слушать?» — думали мы, недовольные Жалпаком.

Женщина выпустила из объятий дочь и начала говорить:

— Я — мать этой девушки. Ей пятнадцать лет. В том же возрасте и со мной было такое же несчастье: холодная стужа, черное тавро тех дней лежит на мне и сейчас...

О каком народе говорить мне вам? Рассказывают, был аул Ит-Кула из четырех юрт, что влачил жизнь по берегам рек. Я — дочь Сыным из того аула... Был (не знаю, какого рода, родиться бы ему в пустыне!) бий Балабай. Раз, по случаю обрезания сына, он устроил той. В приз на байгу он поставил девять голов скота и главным призом — раба. В приз на борьбу — тоже девять голов и главным призом — рабыню. Разве кто отдаст

для приза свою дочь? Бий послал джигитов поискать девушку в степи...

— Отец чинил арбу, мать варила кашу, подлетели десять всадников, я смотрела на них из-за шалаша. — «Э, джигиты, да будет счастлив ваш путь!» — приветствовал их отец. «Пусть не будет счастлив путь, была бы девушка!» — ответили они и поскакали дальше, подхватив на седло меня...

— На другой день, после веселья, байги и борьбы, меня посадили на нара¹ с коврами и отдали в приз. Победителем в борьбе оказался палуан Байсары, чья могила в этой степи. Прибыв в свой аул, он подарил меня баю Кулетке. Бай помолвил меня с одним из своих рабов и поставил дояркой. Я прожила так два года.

— Кулетке выдавал дочь замуж и устроил той. Меня поставили в приз второго скакуна, а помолвленный со мною раб был поставлен в главный приз. Он ушел в одни руки, а я - в другие, к баю Сары, чьи табуны вы сегодня угнали. У Сарыбая был табунщик по имени Кайрак, он выпросил меня себе в жены. «Всю нашу жизнь будем псами у ваших дверей», — умолял он бая. «Будь табунщиком, она пусть будет дояркой. Поработаете — освобожу», — обещал Сарыбай.

— С тех пор прошло пятнадцать лет. Мужа сегодня освободила смерть, а я вот стою перед вами. Длинный аркан рабства накинудся сегодня на шею дочери, поэтому я поскакала за вами: дайте мне жеребчика, посажу дочь и увезу обратно...

Джигиты, готовые вначале разорвать женщину, опустили уши и глаза. Нет ни вопроса, ни ответа, взоры легли на землю.

Женщина, видно, заглянула в наши сердца. Она протянула к нам черные ладони.

— Как равный с равным, жила я с мужем пятнадцать лет, тело его видела и знаю — силу руки, острие копья вы обратили не к сильному и широкоплечему ба-

¹ Нар — порода одногорбных верблюдов.

тыру. Разве он был грозным врагом, а не умоляющим калекой? Как же вы платите за него? Взвалив на седло, увозите дочь? Походит ли это на храбрость или на справедливость? У вас — дочь моя будет рабыней. Останется со мной — будет свободно расти. Я беру дочь с собой.

Глуповатый Кейки, в первый раз в жизни слышавший такие слова от женщины, сказал:

— Женщины созданы, чтобы быть женами мужчин, что им больше делать в степи? Купишь девушку — будет женой, отобьешь в походе — тоже будет женой. Джигиты! Заставим эту старуху замолчать, заберем с собой и ее! Кизяк и у нас есть, чтобы ей собирать!..

Палуан Жалпак долго сидел в задумчивости, как бы свалившись с горы. Потом он вскочил и подвел своего саврасого к той женщине.

— В искупление вины, — сказал он, — отдаю то, что принадлежит мне. Возьми, не думай, что мало! Если хочешь избавиться от рабства, бери из этого табуна коней, сколько хочешь, и кочуй с ними до края земли. Только не слышал я, что есть на земле народы, где нет рабства. Поэтому иди за мной: я не дам никому бить вас крылом и терзать клювом!

— Сколько лошадей из этого табуна достанется вам самим? — спросила женщина.

— Может быть, ни одной... Про это знает бий, — отвечал Жалпак.

— Тогда не предлагай табуна, не отдавай и своего коня. Идти за тобой не могу: ты — свободный батыр, пока не доедешь до своего аула. А там и ты лишишься свободы и превратишься в простую дубинку твоего бая или бия. Немало видела я батыров и палуанов. Тобой помыкают, как батыром, мной, как женщиной, только и разница. Ты — не свободней меня. Разве не так, мой батыр?

Палуан Жалпак опять опустил голову.

— Мы — слепые хищные совы, джигиты, — сказал он. — Шевельнемся, когда ткнут в глаза, не будут тыкать в глаза — не видим. Ты сняла с моих глаз бельмо,

ана! Я думал сделать твою дочь ненадолго игрушкой в широкой своей жизни. Теперь я отступаю от этой мысли... Пока я свободен — и я хочу дать свободу человеку. Дочь твоя принадлежит тебе. Живите вольнее ветра!

У несчастной платье в лохмотьях, руки — как пальцы талки, черны-пречерны, губы растрескались в сорока местах. Но от нахмуренных ее бровей, от сыплющих огонь глаз — душа трепещет. Нет в них ни мольбы, ни страха, — она овладела сорока джигитами. Будто обе только и ждали последних слов палуана: одна вскочила на саврасого, другая — на гнедого, и понеслись. Только тогда опомнились мы.

— «Ширкин!¹ Женщина из женщин!» — так всегда заканчивал этот рассказ палуан Жанай, — сказал слепой Айтилес, и мы, дети, рассевшись полукрутом, затаили по указке муллы: «Агузе... бисмилля... ирасири... ирасири...»².

1935

¹ Ширкин — восклицание, выражающее высшую степень восхищения чем-нибудь.

² Арабские слова из корана.

МУЖЕСТВО МАТЕРИ

а осень запомнилась на редкость прозрачной, сухой.

Над степью колыхались неутихающие громовые раскаты, но резкий ветер не приносил с собой ни клочка туч. Только неприкаянные пожелтевшие листья металась в воздухе. Ветер дергал кошму на шанраке, стараясь сорвать ее. Деревянные ребра юрты вздрагивали и стонали под его ударами.

А когда далекий гром гремел особенно явственно, старый мулла, на почетном месте возле очага, испуганно ежился, поднимал кверху глаза и скрипучим голосом обращался к богу:

— О алла! Опять грохочет. О алла! Да не падет твой гнев на нас, твоих рабов. Пусть горькая беда стороной минет наш дом. Будь милостив, о всемилостивейший!..

Гролом в безоблачном небе был орудийный гул, не успевший стать привычным для здешних жителей. Гражданская война, о которой столько ходило

разногласных слухов, достигла их степи и теперь надвигалась на аул.

Круглолицый Жуман — хозяин самой большой и добротной юрты — тяжело вздыхал и жаловался, ни к кому не обращаясь:

— Сердце у меня вот-вот разорвется... Даже еду, и то душа не принимает, вот до чего мы дожили! — При этом он сокрушенно поглаживал свой пухлый, величиной с подушку, живот. Очевидно, Жуман полагал, что душа находится именно там.

Ему никто не ответил, хотя народу у Жумана набилось довольно много. Почти вся родня. Небогатые, а то и просто бедные люди, они тянулись сюда из своих залатанных юрт, чтобы погреться у очага. И кроме того лучше быть вместе в это беспокойное время, когда не знаешь, что тебя ждет завтра, не говоря уже о надвигающейся ночи.

Жапар — батрак Жумана — только что вернулся с дальних отгонов и теперь устроился у порога. Он неторопливо, чтобы продлить удовольствие, макал лепешку в миску с айраном¹. Он еще не успел увидеться с матерью и сейчас думал о ней. Есть ли у нее дрова? Было ли что поесть? Нагима из гордости никогда не переступала порог дома, где в батраках жил ее сын. Она говорила ему: «Пусть хоть ветер продувает нашу юрту, но это наша юрта... И свой кусок, пускай черствый, не застрянет в горле».

От этих мыслей Жапара отвлекла хозяйка Жаныш. Она вошла, притворила за собой дверь и сказала, словно сообщила какую-то новость:

— Опять стреляют. Слышите?.. И когда только устанут! Из-за них никак не соберемся на зимовку перекочевать, что же — и зимовать будем в юртах?

Она шагнула мимо Жапара, полкой камзола мазнула его по лицу и, не обратив на это внимания, принялась снимать галоши.

¹ Айран — квашеное молоко.

— А ты, я смотрю, никак не набьешь свое бездонное брюхо? — заворчала она, даже не посчитав нужным повернуться в сторону Жапара. — Чем хуже тебя Уразалы?.. А он вот не сидит без дела, не жрет — с утра возит дрова.

Она сердито дернула ногой, и кусок кизяка, приставший к подошве, угодил в чашку, где еще оставалось порядочно айрана.

Живя в зависимости у чужих людей, Жапар привык сносить несправедливости, окрики, злые насмешки. А тут не выдержало у него сердце. Он отшвырнул к стене чашку, встал и молча вышел из юрты, ударом ноги распихнув дверь.

В очаге зашевелился огонь, потянуло едким кизячным дымом. Жуман поморщился и оглядел своих сородичей, которые постарались не заметить этого маленького происшествия.

Жаныш проворчала:

— Камчой бы его хорошенько, за наглость...

Жуман повернулся к ней:

— Прибери чашку и подотри, — приказал он. — Камчой сегодня не поможешь... Кто знает, что случится завтра и кто будет хозяином в ауле.

Старый мулла кивнул в подтверждение:

— Одному алаху известно, что написано в книге судеб. Один алах может насрать гром и молнию в чистом небе. Его одного мы должны молить, чтобы он отвел от нас беду. Он сказал это и медленно прощупал взглядом всех собравшихся. Но они ничего ему не ответили и даже старались не встречаться с ним глазами. Им был ясен скрытый смысл его слов: мулла намекает, что он готов помолиться за них, грешных. А где молитва, там и курмалдык, жертвоприношение.

Их затаенное молчание не сбило с толку многоопытного старика. Он немного выждал и продолжил:

— В трудное время люди должны помнить о боге, чтобы он не отвернул от них свое лицо. Так, Жуман, или не так?

Мулла рассчитывал на его влиятельную поддержку и вовсе не скрывал этого.

— В твоих словах — вся правда, молда-еке, — значительно сказал Жуман, который тоже отлично понимал, чего хочет от него старик. — Народ забыл бога. Народ перестал чтить память отцов, которые на веки веков завещали нам свои устои и порядки. А все это к добру не приведет!

В ответ раздалась робкие слова одного из присутствующих:

— Что можем мы, жалкие бедняки? Разве аллах услышит наши слабые голоса? Пусть почтенные, богатые люди нашего рода покажут добрый пример...

Его поддержали:

— Что может пожертвовать богу бедняк?

— Возле моей юрты даже следов бараньих не осталось!.. Принести в дар дырявую кошму? Такой курмалдык может только оскорбить нашего уважаемого муллу.

— Кто говорит, что я забыл бога, тот неправильно говорит. Но разве богу угодно будет, чтобы я оторвал от моих детей последний кусок лепешки?

Жуман сделал вид, что все это не имеет к нему отношения, а ведь сородичи явно старались все расчеты с богом переложить на него одного.

— Все мы — покорные рабы алаха, — вздохнув, сказал он и тоже поднял глаза к небу. — Все мы равны для него, и не делит он людей на бедных, на богатых... Всем одинаково придется держать ответ, когда придет за его душой Азраил¹.

Сидевшие снова помолчали. В наступившей тишине раздалась рокоцущие голоса орудий. Они подкатывались все ближе и ближе к аулу.

— Вы слышите? — с мрачной торжественностью спросил мулла. — Надвигается! Надвигается божья кара! Только молитвой можно отвратить ее от ваших грешных голов...

¹ Азраил — ангел смерти у мусульман.

Но времена действительно наступали другие, и прежние слова уже не имели той силы, того значения. Надо было еще разобраться: кого из них и за что может покарать аллах? С тех пор как в безоблачном осеннем небе стали слышны громовые раскаты, многие понятия изменились. То, что прежде было грехом, становилось благом, а бывшее благо приобретало обличье греха. Это хорошо понимал Жуман. Это понимали и его сородичи. Все дело было в том, чья дорога пересечет их аул: дорога белых или дорога красных...

Аллаху на этот раз было угодно испытать их волю и крепость духа, и в ауле появился Антонов. Тот самый, которого в степи прозвали ак-оба́, белая чума. Путь его отряда можно было легко проследить: зеленая трава становилась бурой от крови и дыма, ветер подхватывал и разносил горький пепел пожарищ.

Аульные собаки издали почуяли беду. Поджав хвосты, они потихоньку попрятались за юртами, а не встретили всадников залиvistым бесшабашным лаем. При появлении Антонова даже соседи, враждовавшие между собой много лет, забывали подлинные и мнимые обиды и старались, чем могли, помочь друг другу.

В отряде Антонова были и русские — колчаковцы, и люди алаш-орды — казахи, но такие казахи, от которых при случае вполне свободно можно было получить пулю в лоб.

В ауле, охваченном неуверенностью и страхом, один лишь Жуман быстро обрел былую важность.

Он говорил:

— Вот когда настало время посчитаться с нечестивцами, которые предали законы отцов, попрали их своими грязными лапами. Вот когда настало время покарать грешников, забывших аллаха!

Его слушали молча, чтобы не связываться. Но тревога, как холодная скользкая змея, рывками заползала в сердце и сворачивалась там тугими подрагивающими кольцами.

Антонову контрразведчики исправно докладывали о построениях: каждый здешний бедняк, каждый батрак спят и во сне видят приход красных.

Этому приходу он уже не в силах был помешать. Военная удача от него отвернулась, и Антонов отступал. Но одно он мог и собирался сделать: оставить по себе такую память, чтобы имя его мучило потомков этих бедняков до седьмого колена!

Посередине аула Антонов остановил коня. Люди молча ждали, с чего он начнет. Антонов тоже молчал, наслаждаясь тем страхом, который вызывает одно его появление.

Наконец он заговорил:

— Я хорошо знаю, что вы не меня ждали... А тех, у которых красные тряпки на папах. Так нечего играть передо мной, нечего прятать глаза! Красные еще где... А пока — опять я к вам пришел!.. — Он постепенно распалялся. — Пришел попрощаться... Понятно? Мы так с вами прощаемся, что никого не останется, кто бы мог убежать под рваные красные знамена.

И тут из него, как из дырявого мешка, посыпался мат. Старый мулла только вздохнул.

— О алла! И где он только набрал таких черных слов, проклятый? Да не осквернит нас его брань...

Но собравшиеся пропускали эту злобную ругань мимо ушей. Им важнее было узнать другое: Антонов в занальчивости проговорился, что скоро в аул придут красные. А судя по слухам, они не трогают простых бедных людей. Пусть тогда Жуман тревожится! Антонов, значит, уходит. Он действительно может на прощанье сотворить много зла, потому что загнанный волк, которому некуда деться, и огрызается отчаяннее... А им что оставалось делать, кроме того, как полагаться на милость божью? Оружия ведь ни у кого в ауле не было...

Когда поток ругательств иссяк, Антонов спешил и, поддерживаемый Жуманом, прошел в его юрту. Всадники стали располагаться на постой. Они повыгоняли хозяев и заняли их жилье. После этого, не надеясь, что аул

будет верен законам гостеприимства, антоновцы сами отправились к загонам — выбрать для солдатского котла овец пожирнее.

Мать Жапара — Нагиму — тоже вытолкнули из юрты. Она не успела еще и решить, где сегодня будет ночевать с сыном, как ее внимание привлекли злые окрики и знакомое натужное бляенье.

Два антоновца силком тащили барана, ее барана! Один из них тянул его за рога, а другой прикладом винтовки напирал сзади.

На этого барана Нагима и Жапар возлагали все свои надежды. Словно какой-нибудь падишах, он шествовал из одного овечьего загона в другой. А соседи потом платили ягнятами за его посещения. Мать с сыном часто мечтали: наступит когда-нибудь время, и Жапару удастся сменить батрацкую долю, у них наберется достаточно скота и денег для выкупа подходящей невесты.

Поэтому, забыв про все свои страхи, и кинулась Нагима навстречу солдатам.

— Зачем его? Зачем его? — кричала она. — Баран — жесткий, его мясо плохо жевать. Я приведу вам овцу, самую сыгую, самую толстую!

Они остановились.

— Овцу?..

— Да, да! Самую хорошую приведу.

Баран тоже остановился и, наклонив красивую лобастую голову, словно ждал решения своей участи.

— Как думаешь? Может, отпустим? — нерешительно спросил тот, что шел сзади. — Верно, какой толк с барана в котле?

— Ну, послушаем тетку, — согласился второй. — Пусть пригоняет овцу. Но смотри, чтоб молодая была, — повернулся он к Нагиме.

Тем бы и кончилось, но тут, на беду, откуда-то вывернулся офицер. Лицо у него было красное от водки, и он сосредоточенно следил за тем, чтобы ступать ровно, не пошатываясь. Неизвестно почему, но вид смиренного испуганного барана привел его в неистовство. Он рванул из

ножен шашку, свистнул рассеченный воздух, и голова барана тяжелым рогом ткнулась в землю, а туловище — отдельно от нее — судорожно дергалось, копыта сбивали кочки, струями била кровь, поднимая маленькие пыльные облачка.

Солдаты повернулись и пошли обратно к загону, за новой добычей, а возле юрты Жумана кто-то захлопал в ладоши.

Там стоял Антонов.

— Молодец, Рудаков! — крикнул он офицеру. — Просто мастерский удар! Сразу угадываешь конногвардейскую руку. Распорядитесь-ка теперь насчет ужина.

Нагима продолжала стоять возле затихшего барана, и руки у нее висели вдоль тела как плети.

Она не протестовала и тогда, когда ее заставили варить еду для антоновцев. Оглянувшись по сторонам — не наблюдает ли за ней кто-нибудь из чужих, Нагима швырнула в казан и ту баранью часть, которая от века служит для продолжения овечьего племени.

— Это вам, собаки, — проворчала она. — Это вам, потому что вы не люди, нет, не люди... Лучшей пищи вы не заслуживаете... Вот вам в зубы!..

Потом она с тайным злорадством наблюдала, как жадно накинулись на вареное мясо антоновцы, и ей казалось, что она хоть немного, но отомстила за их непрощенный приход, за их жестокость, за гибель своего любимца.

На следующий день антоновцы быстро заседали коней и уехали. Для всех этот мирный отъезд был полной неожиданностью. На прощанье, правда, Рудаков по приказу Антонова лично отобрал шестнадцать лошадей, но тем дело и ограничилось.

Жуман прикладывал руку к сердцу и громко высказывал свою обиду: почему же его друг Антонов заранее не предупредил, что собирается навестить их аул... Тогда бы он, Жуман, распорядился пригнать лучший косяк с дальних настибц...

Ни Антонов, ни Рудаков не стали долго говорить с

ним. Они с места пустили коней рысью, и вскоре пыль в степи, поднятая отрядом, улеглась.

Жуман повернулся к своим.

— Вот видите, сколько неправды можно услышать про этих достойных людей, — сказал он. — Они весь вечер у нас провели и всю ночь, все утро... А где убитые? Где сгоревшие юрты? Ничего такого они не сделали. Нескольких баранов мы недосчитались. Ну и что же? По законам нашей степи нельзя отпустить путника, не накормив его досыта. Грех...

Еще не успели в ауле стихнуть толки и пересуды, вызванные появлением и отъездом антоновцев, а под вечер всех всколыхнуло новое событие. Пятеро конных с ярко-красными ленточками на папахах подъехали к аулу и остановились возле юрты Нагимы.

Жапар как раз пришел домой навестить мать и к нему-то и обратился тот, что ехал впереди, видно, старший среди них.

— Здравствуй, друг... Ну, как тут у вас живут-поживают граждане? Можно нам у вас в ауле отдохнуть и подкормить коней, а? Разрешаете?

И Жапар, и Нагима, и подошедшие соседи были удивлены.

Это и в самом деле было удивительно по тем временам: чтобы вооруженные люди не кричали, не угрожали, не требовали ничего, а спокойно и вежливо спрашивали разрешения отдохнуть в ауле и подкормить коней... «Граждане» — такого слова Жапару слышать не приходилось. Что же оно может значить?

А старший, который обратился к нему, по-своему истолковал его молчание:

— Нас-то вам бояться нечего. Слышишь, товарищ? — продолжал он. — Мы видели тот отряд, что у вас ночевал. Но мы же понимаем, не по своей охоте вы привечали беляков. Так можно коней разнуздывать? Мы ненадолго. Дальше ехать надо.

Жапар уже немного освоился, да и слово «товарищ» ему было легче выговорить, чем «гражданин».

Он сказал:

— Отдыхать можно. Можно, табарьш.

Один из бойцов спрыгнул с коня и подошел к Нагима:

— Мамаша! Попить чего-нибудь не дадите?

«Табарьш», «мамьш»... Нагима, если и не все понимала из разговора, то во всяком случае по тону чувствовала, что эти люди не станут разбойничать и шарить по законам, не станут рубить своими шашками бараньи головы.

Она зашла в юрту и вернулась с чашкой айрана, но тревожный топот конских копыт заставил ее замереть на пороге. К аулу в два потока, чтобы арканом захлестнуть его, неслись всадники, антоновцы, и солнце ослепительными вспышками плавило обнаженные клинки и стволы карабинов.

В толпе пронеслось:

— Ак-оба!

— Антон вернулся!..

Да, это возвращался его отряд. Красноармейцы наметом понеслись к лесу, синевшему вдали. И антоновцы, на ходу меняя направление, потекли следом за ними. Вдогонку завывали пули.

Нагима — с чашкой в руках — следила за удаляющейся пятеркой всадников. И вдруг ахнула, подалась вперед, и айран плеснулся на землю.

Один из пятерых на всем скаку вылетел из седла, когда до спасительного леса оставалось уже совсем немного. Гнедой конь, очевидно, привыкший к своему седоку, нерешительно потоптался на месте, потом, испугавшись новых выстрелов, кинулся догонять остальных.

Антоновцы свернули наперерез — им было важно, чтобы никто из пятерых не ушел. На раненого они уже не обращали внимания. Считали, что он никуда не денется и его можно будет подобрать на обратном пути. Выстрелы постепенно удалялись.

Нагима хорошо видела, как раненый боец, тот самый, для которого она принесла айран, приподнялся, хотел встать на ноги, но снова рухнул в траву и медленно, очень медленно, но все же пополз в сторону леса.

Нагима, забыв про осторожность, на глазах у всех позвала сына:

— Жапар!..

Тот подошел.

— Жапар, сынок...— тихо заговорила она.— Видишь, у него совсем не осталось сил, он не сможет укрѣгться от них. Возьми коня — и к нему. Скорей. Укроешь его в Уйшик-Жале¹. Там год будут лазить, а не найдут.

Жапар только кивнул и ушел за юрту, где была привязала старая кобыла. Минуты не прошло, а он уже появился верхом, без седла, и всем было совершенно ясно, куда он направился.

Жуман побелел и задрожал от злости. Он подскочил к Нагиме и стал кричать на нее:

— Ты что? Ты что? Понимаешь, что делаешь, или без мужа совсем дурой стала? За это твой Жапар в тюрьму попадет! Только его еще раньше Антон кончит... Зачем ты послала сына?.. Ты одна так решила, а мы всем аулом должны отвечать за него? У русских свои дела, пусть они хоть все поубивают друг друга, а ты не вмешивайся!

Нагима не ответила ему. Успеет ли, успеет ли сын к раненому раньше, чем вернутся его преследователи, удастся ли Жапару утащить его в лес...

Жуман махнул рукой, плюнул и убрался к себе в юрту, лишь бы не быть свидетелем.

А женщина продолжала смотреть, как с каждой минутой уменьшается расстояние между Жапаром и раненым красноармейцем. Она дрожала при мысли об опасности, которой подвергается ее сын, но ведь иначе она и не могла поступить. Не могла не послать его на помощь. Сухой пыльный ветер вырвал у нее из-под кимешека прядь волос и теребил ее. Нагима даже не замечала этого.

Успел Жапар!..

¹ Уйшик-Жал — местное название непроходимой лесной чащобы.

Он соскочил на ходу, взвалил раненого на плечи и быстро — почти бегом — направился к лесу. Вот, уже совсем недалеко остается...

Правильно, что бросил лошадь. Она могла бы его выдать, отозвавшись на ржанье других коней.

Нагима облегченно вздохнула: антоновцев пока не видно, а Жапар уже исчез в длинной и густой тени, которую лес отбрасывал сейчас, на заходе солнца, и растворился среди деревьев.

Вечером Антонов сидел у Жумана, а его люди ходили по юртам и допытывались:

— Куда девали этого красного? Которого мы подбили... Куда девали? Ну, отвечайте, а то худо будет!

Свистели нагайки, антоновцы хватались за сабельные эфесы. Но все их угрозы не помогали. «Не видели», «Откуда мы можем знать», «Я из своей юрты не выходил», — раздавалось в ответ.

Потом всех согнали к юрте Жумана. Оттуда вышел Антонов и сделал несколько быстрых шагов к людям.

— Тебя зовут Нагима?

Этот вопрос обрушился на нее внезапно, имя, полученное ею при рождении, прозвучало как обвинение. Но она не дрогнула, она выдержала и его окрик и его взгляд — твердый и беспощадный, как сама смерть.

— А почему не видно твоего сына? Где он? Куда запрятали красную сволочь?

Нагима поняла, что ему все известно: Жуман пострадался. И она ответила так, будто все это ее нисколько не касалось.

— Они далеко. Они оба ушли, и вам их не найти.

Антонов взмахнул нагайкой, и на спину обрушился короткий удар. Она не шевельнулась. Она подумала, что была к этому готова еще в ту минуту, когда позвала сына и сказала ему: «Жапар! Возьми коня — и к нему».

Возле юрты Жумана было тихо, как может быть тихо лишь в вымершем ауле. А ведь все люди стояли здесь, стараясь не встречаться друг с другом взглядами. Они

ничем не могли облегчить ее положение, и им было страшно за нее, им было стыдно: на их глазах избивают женщину, которая никогда и никому не сделала ничего плохого, а они не могут защитить ее.

— Я тебя заставляю говорить, стерва! — срывающимся голосом закричал Антонов.

Его нагайка превратила синее платье Нагимы в клочья, на плечах, на спине, на боках обнажилось тугое тело еще не старой женщины. С каждым разом оно покрывалось новыми и новыми багровыми рубцами, рубцы кровоточили, и кровь струйками стекала к бедрам. И Антонов бил, бил тем яростнее, чем острее чувствовал свою безраздельную власть над этим незащищенным, податливым и зовущим женским телом, еще полным сил.

Сыромятная плоть стала красноватой, влажной, а Наги-ма молчала. Если бы только можно было убить глазами, Антонов уже давно валялся бы в пыли у ее ног.

То ли рука у него устала, то ли он хотел скрыть свое бессилие перед стойким мужеством женщины, но атаман отступил в сторону и приказал:

— Бейте! Бейте, пока она не заговорит, один за другим бейте!.. Ну!

— Я все вытерплю, — сказала Наги-ма. — Мне боль не страшна. Мне страшнее, что вы можете поднять руку на женщину, на мать. Или вас всех волчица выкармливала?

— Хватит! — крикнул Антонов. — Начинайте.

Он подтолкнул в плечо того, кто стоял первым, и сунул ему в руки свою нагайку.

Но тот вздрогнул и отступил:

— Нет, не могу...

Нагайка упала в пыль, и он еще поддал ее носком сапога — к другому, который тоже сделал нерешительный шаг в сторону, а не наклонился, чтобы поднять ее.

Антонов понял: если он сейчас, сию минуту, не заставит их выполнить приказ, то они навсегда выйдут из-под его власти, он никогда не сумеет заставить их повиноваться. И его рука потянулась к деревянной кобу-

ра, из которой высовывалась черная рукоять маузера.

Солдаты настороженно следили за ним.

Антонов ощутил ладонью привычный холодок металла. Он знал, что так просто, ничего не сделав, уже не сможет вложить маузер обратно. Главное сейчас — даже не эта баба, черт с ней!.. Прежде всего, он должен вернуть себе своих солдат.

Он отдал команду построиться.

Солдаты нехотя вытянулись в одну линию, как раз напротив Нагимы. Она все еще держалась на ногах, не чувствуя боли, словно застыв в своей ненависти, в своем горе, в своей непреклонности.

Аул замер — и женщины, и дети, и старики, и те немногие мужчины, которые оставались дома. Все с ужасом ждали, что теперь будет. Первую пулю примет грудью Нагима, а потом — потом польется рекой кровь, и красные огненные змеи начнут ползать в темноте от юрты к юрте. Рассказывали: с кого-то одного начинает обычно Антонов свои расправы.

Они ждали этого первого выстрела, первого залпа, но вместо него раздался знакомый голос Нагимы:

— Что же вы стоите? Поднимите свои ружья и стреляйте. Думаете, что мне страшно? Нет. Я сегодня видела других людей... У них тоже есть ружья и сабли, но они — добрые. Они говорят: табарыш... мамыш. А вы — ак-оба! Я знаю, красные дойдут и до ваших домов. Но я знаю и то, что у них рука не поднимется на ваших матерей. Даже на ваших матерей, которые выкормили таких волков, как вы!

Уже совсем стемнело. Рыжая луна вставала над тем лесом, в котором Жапар укрывал раненого красного. А может быть, потащил его дальше, к своим?.. Но этого она уже никогда не узнает.

— Молчать! — крикнул Антонов. — Солдаты!.. Слушай мою команду!

В слабом мерцании звезд блеснул клинок, раздался глухой удар и хрип, и чье-то тело наотмашь упало на землю.

— О алла! Прости этой женщине все ее прегрешения. Возьми ее под свою высокую руку, — пробормотал старый мулла, прятаясь за юртой Жумана.

Но он преждевременно сотворил свою молитву.

Нагима осталась стоять, как и стояла. А солдаты — возбужденные, встревоженные, оттащили в сторону уже переставшее корчиться тело начальника отряда.

Они не успели заметить, кто это сделал. Может быть, стоявшие рядом и видели, но предпочитали молчать. Трудно сказать, почему такой резкий перелом произошел в их настроении. Может быть, повлияло и то, что вдали, за лесом, в небе, усеянном крупными звездами, нарастал орудийный гром, полыхали мгновенные молнии и ветер пропах терпким запахом порохового дыма.

Силы оставили Нагиму. Она не в состоянии была сама добраться до своей юрты. И слов у нее больше не осталось, ни хороших, ни плохих. Она долго молчала, вся переполненная неожиданной радостью.

Это была не только радость избавления. Ни камча в руках Антонова, ни его шапка, ни маузер не могли поколебать ее мужества. Она радовалась тому, что люди, про которых она говорила: «Не волчица ли вас выкормила?», поняли ее и в самую решительную минуту, на краю могилы, заступились за мать.

Сейчас она не знала и не хотела знать, почему все так переменилось, все так произошло. С ней осталось несколько бывших антоновцев — и русских, и казахов. Другие бегали по аулу, — искали Рудакова. Но тот исчез, хотя из юрты Жумана вышел вместе с Антоновым и все время стоял рядом с ним. Все это видели, но найти его не могли.

— Я думаю, что будет с вами? — тихо сказала она. Солдаты в юрте не расслышали слов и наклонились над ней. Нагима продолжала:

— Я думаю, по какой дороге вы пойдете?

Бывшие антоновцы еще не знали, что они будут делать дальше. Поэтому ответить на вопрос Нагимы им пока было нечего.

Она подождала.

— Я простая женщина из бедного аула, — сказала Нагима. — Но я хочу, чтобы все люди говорили друг другу: табарыш... мамыш... Я верю, что так будет. А сейчас — идите. Я помолюсь за вас.

Ночью бывшие антоновцы долго обсуждали, как им теперь поступить.

Одни настаивали: выступить утром и всем пойти на соединение с красными частями. Другие боялись, что за прошлые дела их по головке не погладят, а поставят к стенке. Они предлагали уйти из аула, а там разбрестись и каждому в одиночку добираться домой, где никто не знает ни о чем.

К согласию они так и не пришли, и отряд разделился по-хорошему.

Разъезжались затемно.

— Ну, коль на этом свете не свидимся, на том уж — непременно...

— А мать говорит: молиться за вас буду.

— Ну, и чего? Материнская молитва силу имеет, будь она мусульманская, будь наша, православная.

До Нагимы, лежавшей в юрте, доносились их голоса.

На рассвете в аул пробрался Жапар, который и не подозревал, что здесь происходило. Он взнуздal старую кобылу, которая прибежала домой после того, как он оставил ее у леса. Вместе с раненым Жапар решил податься в сторону красных.

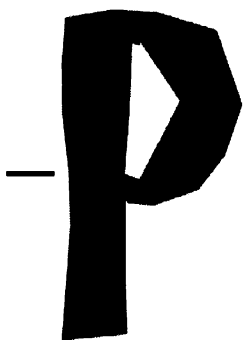
Нагима доползла до двери, потом через порог и встала на ноги, держась за шершавую кошму. Она смотрела вслед сыну и шептала:

— В добрый путь, дети... В добрый путь.

Вставало солнце.

Ночная темнота расступилась над степью, возник дальний лес с его надежным Уйшик-Жалом, и в безоблачном небе ближе, чем вчера, слышался нарастающий гром.

МАТЕРИНСКИЙ ГНЕВ

азрешите переночевать у вас?

В дверях юрты стояла одетая в лохмотья, исхудалая женщина.

Хозяин медленно поднял на нее неприветливый взгляд. В голосе незнакомки ему послышалась не просьба, а приказание.

Плотно сжав потрескавшиеся губы, она терпеливо ждала ответа. Глубокие тонкие морщинки соткали у глаз ее и на лбу мелкую сетку. Сквозь дыры разорванного короткого рукава виднелась темная, похожая на обуглившуюся деревянную кочергу рука с серебряным кольцом на пальце. Кольцо своим блеском еще больше оттеняло черноту руки.

— Кто вы? Откуда? — спросил хозяин.

— Если я даже всю свою родословную расскажу... Такой домосед, как ты, вряд ли что разберет. Ты, видно, никого, кроме жениной родни, не признаешь! Ну, да об этом после, а сейчас давай решим о моем ночлеге... — Гостья усмехнулась.

Хозяин растерялся и, не находя ответа, забормотал:

— Если хотите переночевать...— трусливо мигая глазами, он посмотрел на жену, словно прося ее своим взглядом: «Избавь ты меня от этой бедовой бабы, не то она меня своими глазами насквозь пронзит».

Но жена решила по-своему:

— Что ж, ночуйте, оставайтесь,— сказала она незнакомке.

Гостья вошла, повесила у порога выцветший, изношенный до дыр камзол и, приблизившись неторопливыми, усталыми шагами к очагу, протянула к огню свои исхудалые черные руки. Дети, сидевшие вокруг огня, потеснились, давая ей место.

— Озябла я,— сказала женщина.— Издалека иду...
Долюшка моя несчастная!

И столько горечи было в ее словах, что хозяин устыдился своей недавней неприветливости, хотел было с ней заговорить, но не посмел ни о чем спрашивать, ждал, когда женщина заговорит сама. А та молчала.

Хозяйка тем временем достала мисочку муки и принялась наскоро месить тесто, с беспокойством поглядывая на гостью.

— Ну, что же, — проговорила она. — Вы, видно, очень устали, но все же, если не трудно, расскажите, откуда и кто вы?

— Расскажу, расскажу,— ответила женщина и поправила выбившиеся из-под косынки черные с проседью волосы.— Хозяин твой совсем, кажется, с толку сбит, меня испугался. Что это, мол, за старая ведьма навязалась!

Она с усмешкой взглянула на хозяина и продолжала.

— Из города я. Уже десять дней, как оттуда плетусь. А родом — из дальних аргынов¹, из аула Бадена.

Женщина тяжело вздохнула, помолчала и начала рассказ:

— Овдовела я рано: муж в голодный год умер...

¹ Название главного рода Среднего жуза.

Осталась одна с малолетним сыном. Назвала я его Бахытом¹, а пришлось мне из-за него семнадцать месяцев в тюрьме просидеть. Вот так...

Хозяйка дома, поправляя волосы тыльной стороной ладони, испачканной тестом, так и застыла, разинув рот от удивления.

Хозяин заерзал на кошме.

— Вот так, — повторила гостя. — Родное-то дитя для матери всегда дороже собственной жизни. Чем только не пожертвуешь ради него. Моему Бахыту в прошлом году пятнадцать лет исполнилось. Он уже два года в пастухах у бая Алтыбаса. Коров пас. И вот говорю я сыночку. «Попроси у хозяина то, что заработал за два года»... Отказался проклятый бай платить сыну. «Ты, — говорит, — работаешь за молоко, которое у нас берет твоя мать». Куда пойдешь жаловаться? Конечно, к волостному. А волостной — сын бая Алтыбаса. Молодой — двадцать один год ему, но головорез страшный: один глаз кровью залит, как у бешеной собаки, другой с красными прожилками, и волосы на голове дыбом торчат. Как пришел к нему мой Бахыт, избил его волостной до полусмерти и жаловаться на отца своего запретил. «Не буду я у вас больше работать!» — крикнул им тогда Бахыт и убежал. Домой вернулся. Господи!..

Женщина снова вздохнула.

— С этого и началось, — сказала она, помолчав. — Разве беда обойдет бедняка стороной? Объявили тут мобилизацию на тыловые работы, и дошел до меня слух, мол, сын мой в черный список попал. Не поверила я сначала. Как так, думаю, не подходит Бахыт мой по возрасту, молод ведь он, совсем еще молод! Только сбылась худая молва. Должен был уйти мой сыночек на тыловые работы в далекие края. Чем же я ему помочь могла? Не женить же его раньше времени, чтобы дома оставить?! Смирилась я. А народ не смирился, поднялся против царских законов. Восстание началось. И не успе-

¹ В переводе означает «счастье».

ла я опомниться — поскакал мой соколик на своем стригунке вместе с другими джигитами. И побежали дни, а за ними — месяцы. Разгромили восстание. Кого на виселицу, кого в Сибирь. К счастью, на Бахыта и тень не легла за то, что он вместе со всеми был. Но опять заговорили о тыловых работах, опять моего сынка в списке поминают. Народ в смятении, но молчат испуганные матери, будто забыли, что совсем еще недавно проклинали и царя и его порядки. Пошла я к женщинам нашим аульным ли поделиться своим горем, а от меня стараются поскорее отделаться: «Ничего, говорят, не поделаешь против царской воли. На милость аллаха надейся». Ладно. Прислушиваюсь я к разговорам людей: многие, кто побогаче, сумели освободить сыновей своих от мобилизации. Как, не знаю. Но только мы, люди бедные, ничего сделать не можем. «Люди добрые! Помогите! Мой сын-кормилец в список попал. Молод он еще... Пожалейте!» А мне в ответ: «Мирись! На то божья воля!» Где правду найти, у кого? Пошла к баю Алтыбасу, обливаюсь слезами, молю его: «Освободи сына... Ведь пропадет он ни за что, ни про что! Освободи, в вечную кабалу тебе его отдам!» А бай говорит: «Не могу. Таких, как твой сын, теперь у меня больше, чем баранов в отаре». У него молодая жена была, гордая, надменная. Прогнала меня из юрты: «Иди, иди! Здесь тебе не место! Скоро к нам люди придут!» Хотелось крикнуть мне: «А я кто, разве собака?» Но сдержалась, хоть и зло меня брало, вспомнила, что недаром народ прозвал Алтыбаса твердолобым. Разве такого слезами преймешь?

Пошла я к его сыну, волостному управителю. «Не беда, — ответил он мне нагло. — Народ без твоего сына не осиротеет, женщины не овдовеют. *И я*, говорит, тут ни при чем. Мужа своего вини, это он записал твоего сына на несколько лет старше...» Сказал он так и велел своему посыльному вывести меня из канцелярии.

Пошла я обивать пороги судей да аульных старшин. Все слезы выплакала. В конце концов меня и слушать

перестали. Писаря умоляла, а он смеялся надо мной: «Пусть идет, пусть. Это ему на пользу... Разжиреет на русской свинине!» У писаря встретился мне один чернобородый, он всегда при волостном состоял. «Ты еще молода, хороша собой, — сказал мне чернобородый. — Сын только мешает тебе жить в свое удовольствие. Пусть идет окопы рыть, тебе руки развяжет».

И чего только я не предлагала за сына. Все возьми-те: лошаденку последнюю, последнюю корову, только освободите моего сына. Но разве такая им нужна была взятка?

С неделю крутилась я около канцелярии волостного, питалась крохами со скудного стола батраков, спала под открытым небом. Обессилела я совсем и устроилась однажды на ночь под телегой Алтыбаса, груженной кизяками. Только дремать начала, кто-то схватил меня сзади. Оглянулась: чернобородый. Тянется ко мне ручищами, обнять хочет. Известно, что ему от вдовы надо. Не стану скрывать, было время — славилась я красотой, и люди называли меня тогда Айна-коз¹. Насилу вырвалась я из его лап, пнула его что было силы, прямо в рот угодила, взвыл он от боли и повалился навзничь. Быстро вскочила я на ноги, и он поднялся. «Дура, — говорит, — любой стыдливой девушке тебя предпочту. Помочь тебе хотел. Зачем отказываешься?» А я ему: «Врешь, сатана черномазый! Живой меня не возьмешь!» — и схватила топор, что неподалеку на земле валялся. Чернобородый или струсил или устыдился, но только вижу: попятился от меня. «Злая, — говорит, — какая, проклятая сука!»

И ведь не он один ко мне приставал, пока я ходила, кланялась. Придешь просить за сына, а на тебя пялят жадные, бесстыжие глаза и начинают елейные речи: «Подожди говорить о сыне, вдовушка. Давай о другом поговорим». Ох, и закипела у меня на людей злоба! Уже сын

¹ Айна-коз — в переносном смысле «очаровательные глаза».

меня стал упрашивать: «Мама, перестаньте. Лучше мне на тыловые работы идти, чем вам из себя посмешище делать. Поезжайте домой, мама». А меня еще больше зло разбирает.

Решилась я на последний шаг. Взяла сына за руку и повела его к управителю. Приходим. Волостной у себя в юрте на белых тугих подушках лежит, кумыс пьет. И чернобородый с ним. Увидел меня, смотрит волком. «А-а-а! — заулыбался молокосос-управитель. — Вдовушка пришла, Айна-коз пришла. Проходи, голубушка, садись поближе ко мне». И давай надо мной издеваться, а сам голодными глазами на меня смотрит, сына моего не стесняется. Не выдержал Бахыт насмешек надо мной. Не в силах он был заступиться за меня, а слушать надругательства не мог. Заткнул мальчик уши и выбежал вон из юрты. «Ты поживи с ним, — говорит мне управитель, показывая на чернобородого, — с месяц.. Я позражать не буду». Бросилась я из юрты бежать, а сын мой уже вскочил на своего стригунка и вскачь из аула... Все потемнело в моих глазах, ноги подкашиваются, голова кругом идет. Чуть было я не упала. Кто я такая? Рабыня... Кто они? Знатные люди... Что хотят, то и делают. Но неужели, думаю, всю жизнь мне терпеть издевательство? Человек я или собака? И вдруг увидела: джигит несет в юрту блюдо с бесбармаком¹. Сверху — баранья голова, а на краю блюда — острый ножик... И уж не знаю, как это случилось, не помню. Схватила я нож, метнулась назад, в юрту, прямо к волостному управителю, лежавшему на подушках. Ударила его в глотку ножом, потом под сердце. Помутился мой рассудок, озверела совсем. Бросилась к чернобородому. «Ой, ой... о-о-о!» — закричал он, отмахиваясь руками и вытаращив на меня остекленевшие от ужаса глаза. Помню я, как вывалилось из рук джигита блюдо с бесбармаком, как покатила по земле баранья голова с оскаленными зубами. Помню,

¹ Название казахского национального блюда из крошеного мяса и тонко раскатанной пресной вареной лепешки.

как ударила ножом чернобородого. Кажется, раза два. Больше ничего не помню. Упала без памяти.

Рассказчица замолчала, задумалась. Хозяин и его жена тоже молчали. Жались друг к другу дети, испуганные рассказом гостыи.

— Когда я очнулась,— вновь, как бы через силу, заговорила женщина,—едва разлепила дрожащие веки, стоя мух слетала с моего лица. Надо мной небо, ясное, голубое. Где я? Не пойму. Что со мной было? Не знаю. Голову повернуть нельзя—больно. Хочу встать—не могу: все тело будто свинцом налито. Рукой бы двинуть, ощупать себя, но рука не слушается, и ноги не двигаются, словно чужие. Все чужое, только глаза мои. Злодеи, изверги... Мне казалось, будто они изрубили меня на части, а потом бросили где-то в степи, за аулом. Долго не могла понять, что со мной. А меня не изрубили. Меня приковали. За руки, за ноги, да за косу к пяти кольям. Били плетью... Сколько били, не знаю. И что они еще творили со мной, тоже не знаю. Знаю только, что не рассталась еще с телом злосчастная, проклятая душа моя. Вспомнила я про сына, заплакала горячими слезами. «Где ты, сынок мой»,— и застонала. «Эге, ожила, сука!» — сказал кто-то рядом со мной. Посыпались на меня новые удары плетью. Думала, смерть моя пришла.

Гостыя посмотрела на хозяйку.

— Вам слушать меня и то страшно,— сказала она.— Твой муж, наверное, уже бежать из собственного дома собрался от страха... А мне какво было? Ладно уж! Покороче стану рассказывать. Через месяц и семь дней меня в тюрьму бросили, холодную, темную, как могила. И вот вышла я из этой могилы. Царь, говорят, от престола отрекся, а меня, слышала, большевики освободили... Не знаю, что за люди. Должно быть, хорошие, раз говорят, что теперь они извергов да палачей в тюрьмы сажать будут... — И она вопросительно глянула на хозяина — мол, понятно ли это тебе? И тот, дрогнув, отвел от нее глаза.

— Вот и все... Теперь в аул свой бегу... Сыночка найти тороплюсь. Сам-то он меня едва ли същёт.

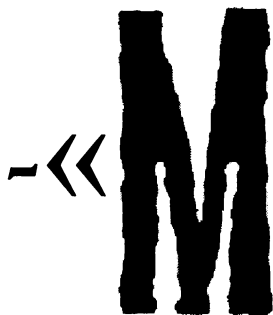
Она не притронулась к чаю, не попробовала лепешек, приготовленных для нее хозяйкой. Мысли ее улетели далеко. Может быть, в эту минуту она уже представляла себе, как обнимет своего Бахыта, как скажет ему самые миметные ласковые слова. Дети, попрятавшиеся было по углам, постепенно приближались к ней, припадали к ее коленям, не сводя глаз с ее лица. И когда со словами «все для вас», она ласково коснулась их головок, они потянулись к ней.

А хозяин не отрывал взгляда от гостыи, уши его малахая были высоко приподняты, он боялся пропустить одно ее слово.

Перед ним сидела женщина — сильная и бесстрашная. Она прошла через все муки своей беспросветной жизни и все выдержала. Перед ним сидела мать, знающая, как надо бороться за свое право быть счастливой.

АКЛИМА

ама!» — так начиналось письмо солдата. «Мама» — это прекрасное слово облетело весь свет.

— «Родная моя, как я соскучился по тебе...»

Многоточие. Почему оно здесь? Зачем? Оно напоминало капли упавших слез. Может быть, пишущий задохнулся от душившей его тоски и, не найдя нужных слов, поставил точки? А может быть, просто не захотел солдат продолжать, все его чувства вместились в эти три слова: «соскучился по тебе».

У Аклимы, получившей письмо, все закачалось перед глазами. Четыре года назад ее единственный сын Касым ушел на фронт. Каждый день израненное тревогой сердце матери вздрагивало от всякой весточки с фронта, как туго натянутые струны домбры при малейшем дуновении ветерка. Два года назад пришла последняя весть — извещение о смерти Касыма. До сих пор оно хранилось на

дне сундучка, и до сих пор надежда не переставала стучаться в сердце матери: «Вернется, придет, живой».

И вот пришел почтальон, принес письмо. Письмо с грифом полевой почты.

— Нурила! Милая! Иди сюда скорее! — крикнула Аклима, выбегая на террасу.

В те дни люди быстро сближались друг с другом. Бывало, что одна ночь роднила их на всю жизнь. Аклима подружилась со своей молодой соседкой недавно, у них нашлись общие интересы, они помогали друг другу.

Как только Нурила выбежала на террасу, увидела расстроенное лицо Аклимы и письмо в ее руке, она все поняла и, ни о чем не спрашивая, ловко перескочила через барьерчик, разделявший террасу на две половины.

Ее белоснежное лицо заалело легким румянцем, а губы, свежие, как бутон только что приоткрывшейся розы, приветливо улыбались. Она взяла из рук Аклимы письмо.

— Только чур, не плакать! — проговорила она.— А то и читать не стану... Это же радость, апа!

Она заставила Аклиму улыбнуться, но, прочитав слова «истосковался по тебе», запнулась, у нее от волнения задрожали руки. Голубая жилка на шее затрепетала, и слезы затуманили прекрасные черные глаза. Безмерная тоска солдата бушевала в письме, подобно бурному, ниспадающему с высоты водопаду. Для выражения чувств он находил такие слова, что Нурила не в силах была читать вслух письмо. Она пробежала глазами первую страницу.

— «Мама. Первое свое письмо я послал на станцию Агадырь. Думал, что ты уже вернулась туда... Но я рад, что ты в Караганде...»

— Подожди, подожди! — растерялась Аклима.— Какая станция? Какой Агадырь?

Нурила продолжала читать.

— «Мама, ты, конечно, спросишь, почему так? Об этом я расскажу тебе после. Сейчас слушай, мама».

Аклима слушала. Она впитывала в себя каждое сло-

во письма, каждую интонацию в голосе Нурилы, следила за каждым движением девушки. Глаза ее, еще не потерявшие своей былой привлекательности, отражали все ее чувства и мысли. Они то теплели от любви к сыну, то расширялись от страха за него, то жмурились от облегчения.

— «Мама,— писал солдат.— На этой войне я прошел две тысячи сорок девять километров. То, о чем я хочу рассказать тебе, произошло на последних сорока девяти... Если мне не изменяет память, в тот день тебе как раз исполнилось сорок девять лет. Такое совпадение! Извини меня, что я не поздравил тебя с днем рождения... Письмо осталось в моем нагрудном кармане, я не успел отправить его».

— Неужели он забыл, что мне и теперь сорок четыре?! — с обидой и горечью воскликнула мать.— Ой, Касым, Касым!

— «На войне, мама,— продолжала читать Нурила,— сорок девять километров не такое уж большое расстояние, а тем более для нас, танкистов. Но бывает и так, что один километр заставляет тебя остановиться надолго. Вот я и остановился. Столько прошел, а до Берлина не удалось дойти».

Голос Нурилы дрогнул от какого-то нелепого предчувствия, она на мгновение прервала чтение, а Аклима смотрела на нее с ожиданием. «Что же случилось, что помешало ему?»

— «Мама, я знаю: ты умеешь по-геройски встречать и радости и горе. Я помню, так раньше бывало. Поэтому выслушай без страха, ведь я рожден тобой, я твой сын».

— Касым, Касым,— тяжело вздохнула Аклима.

— «Я все хорошо помню,— читала Нурила.— Это была моя последняя ночь на передовой. Три дня и три ночи без сна и отдыха стояли мы на берегу речушки и не могли, никак не могли форсировать ее. Противоположный берег, опоясанный проволочными заграждениями, про-

инвотанковыми надолбами, минными полями и дотами, открывала от нас завеса огня. Немцы без передышек шли из орудий по нашим позициям, снаряды рвались то там, то здесь, река кипела от разрывов. Речка-то узкая, неглубокая, а переправу навести нельзя.

Так вот— третья ночь. Пахнет гарью. На востоке мерцают редкие звезды. Низкие, густые свинцовые тучи, поднимаясь из-за горизонта, застилают небо. Вражеские позиции медленно погружаются во мрак. Я уже не помню: рассеялся этот мрак или нет. Да и не в том дело. Нужно было во что бы то ни стало сбить немцев с укрепленных позиций. А там не удержаться им против нас. Мы все так думали.

Помню, пришел к нам командир дивизии полковник Ревизов, широкоплечий, сильный. Ночью он великаном казался. Прошелся вдоль строя танкистов медленным шагом. Мы стоим, вытянувшись в струнку, и догадываемся, что получен, наверно, какой-то особо важный приказ, и по лицу командира видно, да и по младшим офицерам, прибывшим с полковником. Ну и вот. Остановился Ревизов посредине строя и заговорил. Спокойно так, не повышая голоса, как близкий друг наш. А солдаты уважают такой разговор.

— Товарищи, давайте посоветуемся! — сказал полковник. — Получено ответственное задание. Говоря откровенно, тому, кто выполнит его, не хочу ничего обещать: ни орденов, ни званий. Их у вас много, а за то, что надо будет сделать, трудно придумать достойную награду... Одним словом, как вы считаете: не пора ли нам быть на том берегу?

Мы стояли молча, а полковник смотрел на нас испытующим взглядом, и мне казалось, что он читал наши мысли.

— Не успели с ходу проскочить. Время упустили. Так вы думаете? А? — спросил нас Ревизов.— Верно... Знаю... А вперед идти все равно надо!

Эти слова были сказаны дружески, спокойно, без лож-

ного пафоса, без брани и угроз, они не звучали как приказ, а ведь солдатам, стосковавшимся по теплу родного дома, уставшим от окриков и команд, доброе слово командира дороже всего.

И выход был найден: попытаться в танках на предельной скорости прорваться по дну речушки на тот берег и закрепиться там.

Пять командиров шагнули вперед. Я был среди них.

Молча шли мы потом к машинам, прикидывая в уме расстояние, которое придется пройти под водой, стараясь представить себе преграды, которые могут там встретиться. Разведчики-водолазы не скрывали, что неприятель постарался и дно реки превратить в неприступный рубеж: железобетонные надолбы сбросил, проволочные петли. Тут уж не поможет безрассудство, тут необходим разумный расчет, выдержка и смелость. Только бы не наткнуться на подводные мины, только бы не застрять в тине, только бы вода не успела залить мотор, а нам хватило бы воздуха! Не то окажемся мы, как рыбы, в крепкой сети.

Молча построились мы с товарищами, крепко пожали друг другу руки, посмотрели на темную поверхность воды, взлохмаченную разрывами снарядов. Немцы, боясь нашего наступления, не прекращали огня и ночью. И я подумал про себя:

— Прощай, мама, если мы не увидимся больше.

Но нет, мама! Нет! Я не сказал «прощай»! Эта проклятая мысль несколько раз приходила мне в голову, но я гнал ее прочь. Я не хотел прощаться даже с дымом паровозов, везущих уголь из черных шахт Караганды... Я все время помнил о тебе. Я думал так: возьму с собой письмо, которое утром написал тебе. Возьму его на тот берег, а завтра припишу два слова «жив и здоров» и отправлю. Ох, мам! Оказалось: между сегодняшним числом и завтрашним, между той ночью, когда я шел в свой последний бой, и этими вот минутами лежит целая вечность...»

Обе женщины понимали скрытый смысл этих слов и не смели поднять друг на друга глаза, полные смятения и скорби.

Светлокаштановые волосы Нурилы, слабо зашпиленные на затылке, рассыпались по плечам.

— Что с тобой, девочка? Ты плачешь? — тихо спросила ее Аклима, и голос ее дрожал от волнения.

— Нет, что вы, апа... У вас такой сын, разве можно плакать, — ответила Нурила и попыталась улыбнуться, но ее волнение выдала дрожь в голосе. Она продолжала шггтать.

— «И вот началось, мама. Наш танк на полном ходу окунулся в воду. Мы неслись, то ныряя в какие-то ямы, то поднимаясь. Оглушительный грохот моторов стал тише. Товарищи не спускали взглядов с приборов. Я отдавал приказ.

— Прямо держи... Влево... Жми напрямик... Вправо... Мелко дрожали передо мной стрелки хронометра, как крылья озябшей бабочки. Прошло две секунды. Две с половиной. Три. О, тут я впервые в жизни понял, что такое доля секунды. Это целая вечность, за которую можно обойти весь земной шар. Мне казалось, что все происходит во сне. Непонятное чувство безразличия сковывало движения. Запах сырости щекотал ноздри. Воды было в танке уже по колено. Только бы не заглох мотор! Вода вдруг всколыхнулась, поднялась нам по грудь и стала быстро спадать. Мы поняли, что выскочили на противоположный берег.

Наш танк шел вторым, позади были еще три машины. Кто из них форсировал реку, а кто нет, мне до сих пор неизвестно. Тогда не было времени проверять. Перед нами немцы, позади — наши войска, которые ждут своего часа, ждут начала наступления.

— Вперед! — кричу водителю. — Не сбавлять скорости!

И мы несемся... Вспышки разрывов вырывают из

тмы разрушенные проволочные заграждения, надолбы, мечущихся немецких солдат.

— Огонь! — кричу стрелку.

А по броне танка царапают уже пули и осколки. Мы — в полосе огня. Наш стрелок, Петя Чернов, не перестает бить по немцам. Пот ручьями течет по его лицу. А Рахим Сарыбасов, водитель, бросает танк в самую гущу немецких солдат, в панике удирающих от нас. Оборачивается ко мне, черные глаза его блестят.

— Коля! — кричу я Николаю Сорокину, радисту. — Ну, как там? Пошла пехота?

Он отрицательно покачал головой. Да, пожалуй, еще рано ей переправляться. Но скорее бы! Скорее!

Мы углубились уже на десять километров от берега. Значит, всего пройдено две тысячи сорок девять километров, — подумал я. И вспомнил, что тебе сегодня сорок девять лет исполняется. Потрогал нагрудный карман. Письмо на месте.

Чернов обернулся ко мне от пушки, хотел что-то сказать, и в тот же миг танк вздрогнул, пахнуло едким дымом. Чернов со стоном повалился вниз. Я хотел было броситься к нему на помощь, но что-то морозное, колющее ударило меня в лицо. Посмотрел: на руке кровь, теплая, моя кровь.

— Товарищ командир! — слышу голос радиста. — Пехота переправляется. Взвод автоматчиков уже на этом берегу... — Он внезапно запнулся и крикнул мне: — Нос... Нос...

А я показал ему на Чернова. Вдруг внутри танка вспыхнуло, заметалось пламя. И первое, что бросилось мне в голову: «письмо»... Письмо, которое я не успел отправить тебе, сгорит в моем кармане. Кровь заливала лицо, я хотел было утереться рукавом гимнастерки, но одежда вспыхнула на мне... Попытался тушить, хотел добраться до люка, открыть его и выбраться наружу, но что-то тяжелое и острое ударило меня по ногам. Я почувствовал, что стремительно падаю в черную бездну,

из которой могу не подняться... Вот и все. Что было дальше со мной, я не знаю. Очнулся через шесть месяцев и десять дней...»

У Нурилы, читавшей теперь письмо стоя, внезапно подкосились ноги, и она схватилась за стенку, чтобы не упасть. Листки письма выпали из ее рук, рассыпались по полу. У Аклимы не нашлось сил наклониться и поднять их. Горький комок подкатился к горлу и мешал ей дышать.

А рядом с террасой стояли и слушали чумазные мальчишки, только что вернувшиеся из школы. У одного из них была на голове большая отцовская пилотка, а в руке школьная сумка.

— Понял, как надо фашистов бить? — спросил он у своего товарища. — Я-то уж знаю. Мне папа рассказывал... Сперва в тыл надо зайти, а потом — трах! И ударить!

Он хотел показать, как надо ударить, размахнулся, но товарищ его юкнул в сторону, и мальчуган в пилотке, потеряв равновесие, плюхнулся на землю. Книжки, лежавшие у него в сумке, рассыпались... Другой мальчишка, не теряя времени, сел ему на грудь, зажимая рот рукой.

— А потом... Еще раз — трах! — приговаривал он. — Рот этому немцу завязать и тащить его к командиру!

Они играли в войну. А на террасе сидели две женщины, потрясенные самой страшной правдой настоящей войны.

— Читай, Нурила. Читай все, до конца! — с трудом выговорила Аклима, желая допить наконец безмерную чашу горя. И Нурила стала читать:

— «Первое, что я понял, когда очнулся, — руки целы. Обрадовался. Все десять пальцев сохранились полностью. Обнимаются друг с другом, как старые друзья после долгой разлуки. Где же я? Что со мной? Почему так темно вокруг, так тихо? Наверное, ночь... Да, да! Ночь, — думал я. — Та самая ночь, когда загорелся танк. А может быть, он и не загорелся. Может быть,

просто я уснул тогда, и все, что было, — сон, множество тяжелых снов! Ощупываю руками грудь... Цела... Сердце стучит. Поддерживая друг друга, руки движутся к голове... Вот — губы. Целы и губы, и зубы... Вот — нос. Но вместо носа пальцы нашли мягкую повязку, а под ней, словно расплавленный свинец, — боль. А ноги?

Чувствую, что левое бедро немеет, а в пальцах правой ноги — ломоту. Руки скользнули вниз и... не нашли ног. Вместо них — обрубки.

Я потерял сознание, а когда снова пришел в себя, была все та же тишина, та же мягкая койка, и были чьи-то руки, которые меняли у меня на голове повязку.

— Послушайте? Сколько времени? — спросил я. Никто не ответил мне. Я снова спросил, но не услышал своего голоса. Что же случилось, оглох я или нем? Поднял руку. Тогда чей-то низкий голос у самого моего уха едва слышно проговорил:

— Успокойтесь. Вы спасены и будете жить. Вы в Саратове, в госпитале. Месяца через два начнете ходить. Поняли? — голос неизвестного мне человека повторил все снова.

Да, я понял: буду жить, буду ходить. Но двух месяцев мне все-таки не хватило для того, чтобы подняться с постели. Теперь я уже мог считать дни, недели, месяцы... Прошло полгода с той минуты, как я пришел в себя, а подняться с койки все еще не мог. Постепенно возвращалось зрение, с трудом и понемногу я начал говорить, госпитальные хирурги восстановили мне нос. Но одного боюсь я все время: не узнают меня друзья-товарищи. Лицо мое обезображено, ног нет... Я долго не решался написать тебе обо всем этом, мама родная.

Но я хочу жить... Ведь руки-то мои целы, сердце-то бьется. Значит, не все еще потеряно.

Мама, я могу писать. Какое это прекрасное слово — могу! Какое это большое счастье — писать! На фронте я часто пел какую-то песню. Слов я теперь уже не

помню и мотива не помню. Но это были мои слова и мой мотив. Хороши они или плохи для других,— не знаю. Знаю другое: что-то большое всегда поднималось во мне, будто я плыл по бескрайнему морю или стоял на вершине высокой горы. Я забывал все горести, уныние, страх, злость. Я пел... А почему бы и сейчас не запеть мне? Почему? Пусть попробуют взлететь к небу слова моей песни, как птенцы с неокрепшими крыльями. Ведь не сразу, но все-таки они научатся летать!

И последнее, мама. Сейчас, когда ты читаешь это письмо, я — на курорте. Учусь ходить на протезах. Обрубки ног болят. Но я все равно буду ходить. Буду!

Жду твоего письма. Как только получу его, вылечу в Караганду. Жду свидания, жду, когда ты крепко обнимешь меня. Твой сын Сапар».

— Сапар?! — вскрикнула Аклима. — Кто? Какой Сапар? Может быть, Касым, ты хотела сказать?

— Нет. — Нурила растерялась не меньше Аклимы. — Здесь написано ясно... Са...апар...

— Са...аапар? — выдохнула Аклима, выпрямляясь. Успокоилось сердце... Не он!

Она не могла скрыть радости: эти нечеловеческие страдания не коснулись ее сына; другой, чужой, совсем не знакомый ей остался калекой, но не Касым, нет! Аклима посветлевшими глазами взглянула на Нурилу и вздрогнула. Девушка так изменилась, что ее не узнала бы и родная мать. Она поникла, сгорбилась, даже темно-красное шелковое платье с голубыми цветочками, плотно облегающее ее тонкий стан, казалось помятым, словно увядшим. Вся тяжесть страданий солдата ложилась теперь на нее одну. В ее взгляде, остановившемся на лице Аклимы, были удивление и упрек.

Аклиме стало стыдно за свою минутную радость.

— Он, наверное, так любил свою мать, — сказала она скорее самой себе, чем Нуриле, и в голосе ее зазвучала тайная материнская забота.

— Да! — воскликнула девушка. — Ведь я застала
9 — 1547

ее. Она жила здесь, в этой комнате, где вы теперь живете...

И Нурила рассказала все, что знала. Во время войны, когда она, окончив институт, приехала в Караганду, случай столкнул ее с Сапаром и его матерью. Однажды Нурила возвращалась домой после собрания. Была ночь. Вдруг мимо девушки пробежал голый человек. Зимой в Караганде она увидела человека, бегущего в одних трусах по морозу! Конечно, Нурила испугалась. Она бросилась к дому и на террасе у соседки тети Улбалы увидела человека, надевавшего гимнастерку. Утром, когда Нурила, направляясь на работу, вышла из дома, ей встретился молодой лейтенант, рослый, с густыми ресницами и черными, причесанными назад волосами.

— Сестренка, — сказал он, улыбаясь. — Я, кажется, испугал вас вчера... Вы меня извините... Я каждый вечер обтираюсь снегом. Я вовсе не хотел пугать вас. Честное слово!

Это была их единственная встреча. Вечером молодой лейтенант уехал на фронт. Но он надолго остался в памяти Нурилы. Потом она узнала от Улбалы, что это ее сын, что зовут его Сапаром. Через два года Улбала умерла, а в ее комнате потом поселилась Аклима. Вот и все, что могла рассказать Нурила.

И снова в душе Аклимы четко зазвучали слова письма, далекий и сильный голос солдата. Как он был понятен ей! Но что делать? Как помочь Сапару? Как написать ему, что никогда материнские руки не обнимут его израненную солдатскую голову, что никогда не услышит он голоса своей матери?

— Нуркеш¹, — нерешительно сказала Аклима. — А если я... Если я вызову его... Ну, напишу ему от имени матери... Приезжай, мол, сынок. Что будет, Нуркеш? Я ведь теперь знаю: мой-то Касым не вернется...

Нурила ничего не ответила ей. Она только подняла

¹ Нуркеш — ласкательное от Нурила.

свои большие карие глаза, наполнившиеся слезами, быстро схватила руку Аклимы и крепко сжала ее.

В тот же день полетела из Караганды телеграмма Сапару:

«Приезжай, сынок, жду. Мама».

И Аклима стала ждать. Только не инвалида Сапара, нет! Такие, как он, никогда не становятся инвалидами, думающими только о своих несчастьях, о своей горькой участи...

Каждый самолет, пролетающий над ее домом, заставлял сильнее биться материнское сердце. Может быть, что он летит — ее сын-солдат, ее Сапар?

1943

СТЕПНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

екретарь райкома второй раз напоминал мне:

— Ты что же?.. Ты бы поторопился с поездкой в тот аул. Не понимаю, чего тут тянуть!

В его голосе звучало беспокойство, и я не стал оправдываться. Он и сам знал, что меня держат занятия, которые я веду в Боровском лесном техникуме. Знал — и все же настаивал.

Месяца четыре назад на самой окраине района шесть или семь аулов объединились и стали называться — колхоз. Слово было новое, и дело было новое. И у нашего секретаря никак не укладывалось в голове, почему все в колхозе были против того, чтобы принять своих соседей из аула Жанбырши. Тем более, что «тот аул», как мы называли его между собой, владел лучшими землями.

По рассказам выходило, что обитатели его тоже не проявляют особого нетерпения и не собираются пока увеличивать процент коллективизации в районе. Может быть, дошли до них раз-

говоры о том, что в колхозе все люди должны носить одинаковую одежду, спать под общим одеялом, укладываться и вставать — одновременно, по команде... Если бы хоть жили богато, тогда можно было бы как-то понять. Но инструктор, ездивший к ним, застал там неприкрытую нищету — и все равно ничего не добился. На все его увещевания в ответ раздавалось: «Да свершится то, что предначертано аллахом».

Рассчитывать на аллаха секретарь райкома не мог, и поэтому мне пришлось прервать лекции.

От Борового до Жанбырши — путь неблизкий. Я решил, что удобнее проделать его в телеге, на мягком сене. Но тут была одна загвоздка. Не так давно я не удержался и купил вороного мерина-четырёхлетку: шея серпом, горбоносый. Под седлом шел легко и проворно, а со стороны взглянуть — было в нем то изящество, которое без всяких слов отличает хорошего коня от жалкой посредственности. Меня даже не остановило, что у него была короста. Я рассчитывал ее вылечить.

Настоящий степной конь, к седлу приучен, но стоило заложить его в упряжку, как он мгновенно начинал пятиться назад и ухитрялся в оглоблях кружиться на месте, словно больной вертячкой. В поездке я надеялся отучить его от дурной привычки. Одному сделать это было трудно, и я пригласил с собой двух ребят — студентов техникума.

Намучились мы порядком, но все же трое молодых парней оказались упрямее и сильнее своенравного мерина. Солнце пошло на закат, когда появились угоды аула Жанбырши, и я убедился, что этот аул действительно владеет лучшими землями.

Малонаезженная дорога вела по густым ковылям. После жаркого дня их влажное дыхание приятно холодило лицо. Вдали полукольцом синели рощи, оберегая от суховея все урочище. По пути попадались озера, и тогда ветер, дувший в спину путникам, запутывался и утихал в сплошной стене камыша. Казалось, этот уголок нарочно

был создан для того, чтобы лишний раз подчеркнуть неповторимость, красоту и приволье нашей степи.

Впереди я увидел сильно поредевшую березовую рощу. Надали казалось, что к деревьям вплотную подступили бесчетные полчища тли. Но стоило подъехать ближе, и взгляду предстало то, что там было на самом деле: примятые землянки, оплывшие от дождей и тронутые штрами.

Зимовка аула Жанбырши встретила нас полной тишиной, и мы отправились дальше. Вскоре открылся просторный лог. В буйной зелени чернели юрты, десятка полтора. По дороге стали попадаться лошади, ходившие без привязи; коровы паслись по две, по три; кучками разбрелись овцы и козы. Первое, что бросалось в глаза, — это их невероятная худоба. Какие-то живые скелеты, обтянутые кожей... А ведь минувшая зима была милостива к скотоводам. Их табуны, стада и отары вышли на весенние пастбища в хорошем состоянии.

Мы въехали в небольшой аул, продолжая удивляться и строить разные предположения, почему здешний скот выглядит так, словно едва уцелел после жестокого джута.

Одни девчонки, прислонившись к войлочным стенам юрт, лениво наблюдали за нашим приближением. Та из них, что была постарше, безразлично зевнула и босой ногой почесала щиколотку другой ноги. Не было тут ни одного мальчишки, который бы непременно попытался прицепиться сзади к телеге и которому пришлось бы пригрозить кнутом.

На пригорке посередине аула неподвижно сидели мужчины, человек восемь или десять. Неподалеку от них я натянул вожжи, и мерин, порядком уставший от борьбы, которая велась с самого утра, покорно стал.

День был по-настоящему теплый, но все мужчины сидели, нахлобучив тымаки — ушанки. Из ушанок кло-чьями торчала шерсть.

Мужчины давно заметили появление чьей-то чужой телеги, но по-прежнему хранили гордое, независи-

мое молчание, только чуть повернули головы в нашу сторону.

Несмотря на все их высокомерие, надо было начинать знакомство. Я подошел и протянул руку первому с краю.

— Нет, нет, айналайын!¹ — запротестовал он и еще глубже засунул руки в рукава оборванного халата. — Не со мной... Сперва полагается поздороваться с нашим аксакалом! — и он кивнул в сторону старика, который беззвучно шевелил впалым ртом, отчего казалось, что слова застревают у него в бороде, наполовину седой, а наполовину — рыжей.

Старик, исполненный собственного достоинства, поднял ко мне голову:

— Уагаляйкум ашшалаям!..

И снова замолк. Ему, видно, не приходило в голову, что его надменная осанка не вяжется с беспомощным шепелявым «уагаляйкум ашшалаям», с дырявыми юртами, с тощим скотом, который мы встретили, подъезжая к их аулу.

Надо было здороваться дальше, и я повернулся влево, но моя протянутая рука повисла в воздухе.

— Нет, поздоровайтесь с тем, кто сидит справа от уважаемого Атеке...

Сообразив, что рыжебородый и есть Атеке, я подал руку бородатому, но безусому человеку. Он звучным голосом, раскатистым, как у муллы, привыкшего нараспев выкрикивать молитвы, ответил мне:

— Уа-га-ляй-кум ас-са-лям!

Я хотел было продолжить знакомство в этом же направлении, и опять невпопад.

— Не туда, не туда,— поправил меня распорядитель.— Теперь — по-старшинству— надлежит подать руку тому, кто слева сидит от Атеке...

Я пересекал круг, соблюдая строгую очередность в приветствиях, и пока я это делал, прошло столько време-

¹ Айналайын — дорогой.

ни, что его вполне хватило бы целому аулу собраться в дальнюю перекочевку.

Наконец все руки были пожаты, и Атеке прошамкал:

— Кораш, ты потеснись... Для молодого гостя это место будет самое подходящее.

Кораш недовольно поморщился, но послушаться не смел и немного подвинулся — ровно настолько, чтобы я мог втиснуться рядом с ним.

О аллах всемогущий! Смешно и грустно было видеть этих надутых спесью людей, которые даже здесь, под открытым весенним небом, чванились и не позволяли ни себе, ни другим сесть свободно. О таком неукоснительном соблюдении древних обычаев я знал только по рассказам, но в жизни не встречал — ни раньше, ни позже.

— Пусть счастлив будет твой путь, юноша, твой и твоих достойных товарищей, — обратился ко мне аксакал.

— Да сбудутся ваши пожелания, — почтительно наклонил я голову, приложил руку к сердцу и робко начал:

— Мы приехали в ваш аул, чтобы...

Но Атеке не дал мне договорить:

— Пока достаточно и того, что ты сказал: «Да сбудутся ваши пожелания». Об остальном ты расскажешь нам, когда наступит для этого время.

Мне оставалось только еще раз наклонить голову и еще раз приложить руку к сердцу.

Атеке уселся поудобнее и начал расспросы, с которых обычно начинается в степи всякое знакомство.

— Скажи нам, а какого ты рода?

— Я — керей.

— Из каких кереев?

— Из кзылжарских,¹ Атеке.

— Все ли в порядке у вас? Не терпите ли бедствия или нужды в чем-либо?

¹ Кзыл-Жар — казахское название города Петропавловска.

— Когда мы выезжали, все было благополучно.

— Слава аллаху всеблаговому и всемилостивому, — добавил он за меня. — А выехали вы сегодня откуда?

— Из Борового.

— А-а, из Бурабая, — поправил он. — И где кончается ваш путь?

— Здесь, в вашем ауле, Атеке.

Старик неторопливо обвел взглядом всех собравшихся мужчин, не пропустил ни одного. Он советовался с ними, как поступить, и, видимо, прочел согласие в их ответных взглядах.

— Есенгельды! — обратился он к тому, с кем я по неразумению хотел поздороваться первым. — Отведи приезжих юношей в большую юрту для почетных гостей. Их место — там...

Его поддержал безусый бородач, тот, что сидел справа:

— Верно говорит Атеке... Если они ехали к нам, то место их только в большой юрте.

Но и при его словах Есенгельды не поднялся с места. Видно, полагалось, чтобы еще кто-то что-то сказал.

Я не ошибся.

— Наш Атеке прав. Отведи приезжих юношей в большую юрту... Их место — там.

Распоряжение старика слово в слово повторил мрачный густобровый мужчина; глаза у него были расставлены так широко, что казалось, будто они смотрят с висков. Он произнес должное и снова застыл, как изваяние.

Но, по всей вероятности, его голос имел решающее значение, потому что Есенгельды тотчас поднялся и торжественно изрек:

— Молодые друзья! Пойдемте, я провожу вас в большую юрту, туда, где мы принимаем почетных гостей.

Мы последовали за ним все трое. Мои молодые смешливые ребята еле удерживались, чтобы не расхохотаться во весь голос. А мне приходилось еще труднее, чем им. Улыбнись я хотя бы чуть-чуть, хотя бы уголками губ, и

они бы разошлись вовсю, и наше дело оказалось бы безнадежно испорченным.

Чтобы этого не случилось, я завел серьезный разговор с нашим провожатым.

— Есеке! Время еще раннее... Нам бы хотелось сегодня поговорить о деле, которое привело нас к вам, в Жанбырши. Как вы думаете, когда мы сумеем это сделать?

— На все установлен свой порядок, — отозвался он.

— Атеке сам позаботится о ваших делах. Он спросит: а с чем вы пришли к нам? Тогда и расскажете.

Оставалось одно: подчиниться этим незыблемым правилам и покорно следовать за Есенгельды. Вид у него был важный, словно он являлся посланником какого-нибудь султана! Есенгельды, как, впрочем, и остальных его сородичей, ничуть не смущало, что он мало подходит для этой роли. Из его старой шапки клочьями торчит верблюжья шерсть, а черная юрта, к которой он нас вел, обтянута ветхой кошмой.

Он хотел широко распахнуть перед нами дверь. Но дверь висела на одной верхней петле и подалась с тягучим скрипом, подрыв при этом землю у входа.

— Добро пожаловать! — сказал Есенгельды и уставился на меня немигающими глазами.

Смесь бывшего величия и крайнего оскудения — вот что я увидел внутри. Начать с того, что вся юрта светилась. У самого последнего пастуха мне не приходилось встречать такой дырявой кошмы. Его жена давно бы наложила заплаты на все зияющие дыры.

Пять или шесть ууков,¹ в ладонь толщиной, еще носили следы искусной резьбы. Остальные были самодельные: одни толстые, другие как прутики, а несколько штук — ровные, без обязательного изгиба, копытами вонзались в купол.

¹ Ууки — изогнутые жерди, образующие купол (шанрак) и соединяющие его с деревянными стенными решетками (кереге).

На деревянной кровати с причудливо изогнутой спинкой валялось одеяло, сшитое из лоскутьев, а поверх него — какое-то жалкое тряпье.

Есенгельды величественным жестом указал нам занять почетные места. В центре корчились плохо выделанные шкуры, одна козлиная, две телячьих и одна конская, но небольшая, снятая, должно быть, со стригунка.

— Отдыхайте, — сказал наш провожатый и вышел.

А мы трое, не в силах больше сдерживаться, с выпученными глазами катались по полу, зажимали ладонями рты, и слезы у нас катились от хохота, и мускулы живота болели, а мы все не могли остановиться.

Когда прошел этот неудержимый приступ, мои ребята отправились распрячь присмирившего мерина. Я от нечего делать снова принялся рассматривать юрту.

Первое впечатление не было обманчивым: былой уверенный достаток уступил место самой убогой нищете. Справа у входа на низкой деревянной подставке покоился старинный сундук, окованный железом. Рядом с ним — «кебеже», большой ящик для хранения посуды и всякой утвари. Кебеже был тоже старинный, местами сохранились следы костяной инкрустации.

Я не удержался, заглянул внутрь. Ящик был пуст.

На решетчатой стене висело седло. Его передняя лука, покрытая темным лаком, в серебряных разводах, напоминала утиную голову. Такое седло когда-то стоило очень дорого. А сейчас... Если бы кому-нибудь, не дай бог, взбрело в голову затянуть подпругу или сунуть ноги в массивные стремена, то полуистлевшие ремни распозлись бы от малейшего прикосновения.

Вернулись студенты. Они принесли наши вещи. Жесткие шкуры пришлось застелить черным одеялом, которое мы захватили с собой из техникумовского общежития.

— Хорошо... Мы так и будем одни? А где же хозяйева этого дома? — спросил один из них. Другой ему ответил:

— А вот... Видишь?

Лохматый пестрый пес нахально просунул морду в одну из дыр и, нимало не смущаясь нашим присутствием, соприкасался уже протиснуться сюда.

— Кет! — прогнал я его.

Мы условились с ребятами поменьше разговаривать и стараться не выказывать своего отношения к тому, что происходит на наших глазах. Только так удастся получше разузнать, что же представляет из себя аул Жанбырши.

Снаружи донесся голос Есенгельды. Он кричал кому-то:

— Карашаш! Оу, Карашаш!.. В большой юрте у нас сегодня гости. Слышишь? Атеке велел, чтобы ты их обслуживала!

— Какие еще гости? Откуда они взялись? — послышался ему в ответ густой женский голос.

Мы с опаской переглянулись. Что-то еще нам предстоит перенести?.. Но ничего другого не оставалось, кроме как ждать.

К юрте приблизились шаги, закрипела дверь. Это опять был Есенгельды.

— В ауле, куда привела вас ваша дорога, — наставительно сказал он, — не принято, чтобы гости сами распрягали своих лошадей. Это забота хозяев.

— Спасибо. Не беспокойтесь, — почти подобострастно ответил я, стараясь приладиться к их нравам. — Мы люди молодые, как видите, можем и сами посмотреть за нашим меринком.

Есенгельды тоном, не терпящим возражений, повторил:

— В этом ауле, который зовется Жанбырши, не принято, чтобы гости сами распрягали своих лошадей и ухаживали за ними.

Он удалился, и мы бы, конечно, снова залились, но нас удержало появление пожилой женщины. Она переступила порог тотчас вслед за тем, как юрту покинул Есенгельды.

Карашаш приветливо поздоровалась с нами.

— Слава аллаху, я не жалею на жизнь, — сказала она в ответ на наши скромные расспросы о житье-бытье и тут же добавила: — Должно быть, привыкла... А потом — жалуясь, не жалуясь, все равно ничего для меня не изменится. Но вы-то какими судьбами попали на это кладбище?

Как видно, Карашаш, в отличие от нас, не собиралась скрывать своего отношения к жителям аула Жанбырши, к укладу их жизни. И я понял: вот женщина, единственная, у кого можно поподробнее разузнать все, ради чего и предпринималась эта неблизкая поездка.

Ей даже намекать не пришлось, что нас интересует. Карашаш долго копила раздражение, и ей надо было выговориться.

— Не знаю, вы слышали или нет?.. — начала она. — В Жанбырши с древних пор живут тѐре¹... Это их земля. Но сами они рукой не пошевелият, чтобы хоть царапнуть ее плугом. Считают, что и счастье, и достаток, и удача — все им от бога, свыше дано! Прежде тут с ними жили толенгиты². Тридцать семейств толенгитов. Они-то все и делали. А потом, вскоре после того как переменилась власть, они все ушли. Стали жить отдельно. Колхоз у них... Вчера я ходила — пригнать коров — и видела: поля у них вспаханы, сеять начали. Разве плохо им? А наши!.. — Она безнадежно махнула рукой. — Из десяти мужчин ни одного нет, кто бы стал седлать своего собственного коня! Я уж не говорю — привезти дров, сена на зиму накопить... Руку не поднимут паршивую козу зарезать. Даже если брюхо от голода совсем подведет! Все я делаю. Я дочь толенгита. Вот, осталась с ними, с этими живыми мертвецами.

¹ Тѐре — знатный род, берущий начало от монголов; тѐре занимали в степи привилегированное положение.

² Толенгиты — слуги тѐре (они могли принадлежать к разным родам).

Рассказывая это, Карашаш несколько раз выходила (она ставила самовар) — и снова возвращалась. Я и раньше слышал о жанбыршинских тѐре, но не мог себе представить, что тут у них происходит теперь.

В окрестностях многие земли принадлежат им. Стоило кому-то из их рода появиться на свет или умереть не дома — и это урочище в степи считалось принадлежащим тѐре. Таков был закон. Но на этих землях и колышка не было вбито их руками. Знатным людям не приличествовало трудиться. Все заботы брали на себя толенгиты. Они пасли скот и косили для него сено, они севали пшеницу и овес. И коней седлали они, когда кто-то из хозяев собирался ехать на охоту, в гости или по делу. От былого благополучия осталась драная кошма. Но потомственная спесь у них в крови...

Карашаш внесла огнедышащий самовар.

— Вскипел вот... — сказала она и, стараясь не встречаться с нами взглядом, предупредила: — Только угощать вас придется забеленным кипятком, молока-то я найду. А вот чаю — поверьте, во всем ауле заварки нет.

Заварка была у нас. Узнав об этом, Карашаш повеселела и отправилась разыскивать чайник.

Чайник оказался под стать рваной кошме, ветхому седлу: по фарфору расползлись черные трещины, его стягивали жестяные полоски, и жестяная трубочка была приделана к верху отбитого носика. Десяток пиал. Разного цвета и разной величины. Ясно, собирали по юртам.

Карашаш расстелила залатанную скатерть, а поверх мы кинули свое полотенце. Хорошо еще, что догадались захватить с собой хлеб, масло и сахар.

И вот, как только мы собрались не то пообедать, не то поужинать, дверь отворилась, и в юрту вошли мужчины. Входили они гуськом, соблюдая старшинство. Первым — Атеке. Он остановился возле меня с гордо поднятой головой, и по выражению его лица я понял, что опять занимаю не свое место.

Я тотчас приподнялся, чтобы пересесть, но

старик движением своей сизой бороденки остановил меня:

— Так далеко не надо... Место рядом со мной принадлежит старшему из гостей.

Я остался. Зато мои ребята после всех перемещений очутились довольно далеко от меня. И, что важнее, — далеко от хлеба и масла.

Отсутствие зубов не мешало Атеке: масло вообще не надо жевать, а кусочки хлеба он отламывал и быстро отправлял в рот, делая всем телом глотательные движения. Все остальные аксакалы не уступали ему в проворстве, стараясь опередить один другого.

Мы трое выпили по пиале чаю, а на скатерти не осталось ни куска. А когда все исчезло, словно корова слизнула своим шершавым языком, Атеке нарушил молчание:

— Я должен сказать, что масло было свежее... Есть можно.

И опять — слово в слово — посыпались те же подтверждения, как будто ни у кого не было ни одной своей мысли, и все ждали, что изречет их аксакал.

— Атеке сказал правильно, — подхватил безусый, который устроился рядом со мной, только с другой стороны. — Масло было свежее. Есть можно.

Я подумал: я сам и мои студенты — единственные, кому не пришлось в этом убедиться. И подумал еще: а что же будет дальше, но как-то не сообразил, что на скатерти разбрелись еще и кусочки колотого сахара.

— Грех на душе у того, кто, насыщаясь, забывает про детей и внуков, плоть от плоти своей, — сказал Атеке. — Побалую-ка я свою крошку... — Узловатыми черными пальцами он прихватил со скатерти три-четыре куска и сунул в карман.

— Атеке прав, как всегда, — согласился с ним безусый и тоже потянулся за сахаром.

Их примеру последовали и все остальные — и Есен-

гельды, и Кораш, и тот, у которого глаза были почти на гамых висках.

Скатерть опустела. Держа пиалы на самых кончиках пальцев, тѣре стали шумно потягивать пустой чай. Одна только Карашаш, устроившаяся у самой двери, испытывала неловкость от того, что гости остались голодными.

Несколько раз я порывался выйти к своему коню, но меня останавливал знаток старых обычаев Есенгельды, повторяя, что забота о лошадях гостей в их ауле всегда лежит на хозяевах. И я вынужден был садиться обратно, хоть мой вороной по-прежнему стоял на привязи голодный, как мы. А Атеке, которому надлежало меня расспросить, с чем я приехал в аул, тоже молчал, прислушиваясь к бурчанию в животе.

Карашаш зажгла лампу. Стекла не было, и фитиль тускло чадил. Ветерок, доносившийся в юрту сквозь бесчисленные дыры, время от времени пригибал пламя, и тогда становилось совсем темно. Огонек выпрямлялся снова и бросал беспокойные отблески на лица хозяев. Они казались мне неживыми.

Да, их вполне можно было принять за мертвецов, тем более, что ни один из них не произносил ни звука, и в юрте стояла могильная тишина. Мне стало не по себе, как в страшной сказке.

Но тут Атеке поднял голову и откашлялся.

— Время ждет, — сказал он. — Для гостей, которых мы сегодня принимаем в большой юрте, надо бы заколоть барана.

— Как всегда мудр Атеке, — поддержал его безусый. — Для гостей, которых мы сегодня принимаем в большой юрте, надо бы заколоть барана.

Эту мысль повторил и тот, с глазами на висках, чье слово звучало как призыв к действию.

Я попытался возразить — зачем лишние расходы... Но никто не посчитал нужным обратить внимание на мой робкий протест. И я замолчал, соображая, что поесть

мяса — совсем не плохо. Утром, собираясь в дорогу, мы завтракали наспех.

Но до ужина было еще далеко, как до Борового. Все тѣре снова замерли, исполненные чувства собственного достоинства. Они были просто набиты этим самым достоинством, как коржун — протухшим мясом, не успевшим хорошо проявиться.

Но если нам, гостям, ничего не оставалось, кроме как терпеть, то Карашаш прямо-таки кипела и наконец прорвалась.

— Если уж решили колоть, то зачем медлить? — сказала она, ни к кому не обращаясь прямо. — Сказать сказали, а сами сидят, будто задами приросли к земле. О аллах! Аллах всемиловитый. Ты видишь?.. Избавишь ли ты когда-нибудь их от проклятых привычек?! Ведь живые же люди все-таки, а не мертвецы!

Она вскочила и вышла из юрты. Следом за Карашаш выскочил и пестрый пес, который отирался тут же в юрте без всякой надежды чем-нибудь поживиться.

Но несдержанность женщины не могла поколебать достойного спокойствия мужчин. Атеке выждал еще какое-то время, прежде чем вымолвил свое решение.

— Я вижу смысл в словах Карашаш, хоть она и сказала их сгоряча. Время идет... Если уж надумали колоть, то надо колоть.

Как эхо в горах, откликнулись двое из наиболее почитаемых аксакалов. Но никто и не подумал сдвинуться с места, чтобы совершить намеченное.

Карашаш знала, что делать: она принесла и бросила возле очага охапку дров, во второй раз появился закопченный казан, в третий — треножник. А между делом она продолжала тормошить своих хозяев.

— Ну, скоро ли?.. Чью овцу будете колоть? Надо же еще пригнать ее, — говорила она, а стоило ей выйти наружу, как оттуда доносились ее причитания и брань.

Но решить — чью, было не так-то просто.

— Есенгельды! — повелительно сказал Атеке. — Что же ты молчишь? У вашей бабушки есть овца, семья... По-моему, эту серую овцу и надо пустить в казан.

Дважды повторяются — справа и слева — его слова, и Есенгельды молча поднимается со своего места и выходит. В юрте снова тишина, на этот раз тишина ожидания. С улицы доносится всхрипывание моего бедного ироного, который, видимо, уже совсем отчаялся получить хоть клоч сена, не говоря о торбе овса.

Вернулся Есенгельды. Он сел на свое место и только тогда обратился к Атеке.

— Айша-келин говорит: серая овца вот-вот должна принести ягненка... И грех совершит всякий, кто поднимет нож на овцу в такое время.

— Айша-келин знает, — подтвердил Атеке. — Это действительно грех. Не сегодня, так завтра серая овца должна окотиться.

Приятная возможность полакомиться свежим мясом все же оживила хранителей древних обычаев. Очевидно, поэтому Атеке сократил время мудрых размышлений.

— Сделаем так: приведи черного ягненка из дома Канши-женгей. Ягненок этот — из самых ранних, его вполне можно пускать под нож.

Нетерпение, наверное, овладело и Есенгельды. Он поднялся, не дожидаясь, пока безусый и глазастый подтвердят мудрость Атеке, и их слова раздались, когда он переступил порог юрты. Вернулся он значительно быстрее, чем в первый свой уход.

Но и сейчас поход оказался безуспешным. Есенгельды мрачно сказал:

— Айжан-келин меня встретила... Она говорит, — в пятницу исполняется ровно год со дня смерти Канши-женгей.

Айжан бережет барашка, чтобы было чем помянуть достойную женщину.

— Да, да, — сокрушенно сказал Атеке. — Айжан права. Он снова задумался, но голодный желудок заста-

вил его думать четче и быстрее. Атеке тут же сообразил, кого можно принести в жертву гостеприимству.

— Хватит пустых разговоров! — решительно сказал он. — От разговоров наш казан не наполнится! Есенгельды, приведи нам серого козла, который принадлежит Кареке.

Время перевалило за полночь, когда снаружи дурным голосом закричал упиравшийся козел. Но Есенгельды был полон решимости и, кажется, наш ужин из мечты становился действительностью.

Козел этот, которого я не мог видеть, густым тяжелым запахом дал знать о своем приближении. Значит, невыхолощенный... Производитель. Простой смертный мог бы задохнуться, что со мной чуть и не случилось. Другое дело потомки ханов. Ноздри их, надо полагать, были устроены по-особому. На запах они не обращали никакого внимания. Глаза у них горели, они шумно проглатывали слюну. Дай сейчас каждому из них по козлу, и они справятся с ним живьем, и костей не останется.

Возникла еще одна помеха. Ни у кого не оказалось достаточно острого, хорошего ножа. Атеке хорошо помнил, в каком доме есть какой нож, но посланный Есенгельды вернулся ни с чем.

Один из моих товарищей по несчастью, выведенный из себя долгим нудным сидением, голодом, зловонием, исходящим от козла, быстро вскочил с места, вытащил из кармана нож и ткнул им в сторону Есенгельды.

— Вот... Возьмите, — вежливо сказал он, хотя я по его глазам видел, с каким бы наслаждением он послал всех тере к шайтану, а сам поскорей исчез бы из аула Жанбырши.

Только под утро серый козел вновь явился к нам, но уже в сваренном виде, в корыте. И тут же следом вошли женщины — их было не меньше десяти.

Каждая из них вела с собой девочку. Да, почти все дети у них были девочки. Я заметил только двух мальчишек. Разбуженные среди ночи, дети зевали, терли гла-

за. Вид у них был хилый. Тот же древний закон, которого так строго придерживались в Жанбырши, повелевал хранить чистоту знатного рода, и потому браки здесь заключались между близкими родственниками. На детей жалко было смотреть.

Женщины с вожделением принюхивались к запаху мяса. Но козел, как известно, своими размерами значительно уступает быку... Вряд, ли одним козлом накормишь такую ораву.

По праву старшего Атеке взял голову, отрезал одно ухо и передал его мне, а всю голову положил перед собой. Безусый бородач отрезал с тазовой кости небольшой кусочек мяса — для меня, а всю кость тоже оставил себе. Остальные хватали куски, подходящие им по положению. Остатки мяса крошились над корытом, но как-то не успевали туда попасть. Они на лету кем-то подхватывались и тут же исчезали.

Угощение проходило с такой быстротой, что времени заняло немного. Наши хозяева запили козлинное мясо сурпой¹, передали детям обглоданные кости и, пожелав нам спокойной ночи, разошлись по домам.

Юрта опустела.

Мы еще немного побеседовали с Карашаш. Добрая женщина сокрушалась, что мы ляжем спать голодными.

Но мы вовсе не собирались ложиться спать. Не дожидаясь, когда Атеке сочтет возможным поговорить с нами о деле, и, нарушая обычай, по которому гости в Жанбырши не могут сами заниматься своими лошадьми, мы пошли запрягать вороного мерина.

Мы не просто уехали. Мы бежали. Бежали на простор степи из этого аула, превратившегося в живое кладбище, бежали от высокомерия и тупости этих людей.

— Ой-бай! — воскликнул один из моих парней. — А сколько же времени нужно, чтобы в этом ауле произнесли хоть одно дельное слово?!

¹ Сурпа — бульон.

— Это еще что! — добавил второй.— А сколько времени пройдет, пока слово, сказанное с такой важностью, превратится в дело?..

Я молча слушал их. Я возмущался несправедливостью истории. Сколько же веков, сколько бесплодных веков потеряли мы, казахи, пока такие тѣре правили нами?

...Сообщение, которое я на следующий день сделал секретарю райкома, было предельно кратким. Я сказал:

— Аул Жанбырши владеет землей, на которой свободно разместится десяток колхозов. Но в самом ауле Жанбырши есть только один человек, который может работать в колхозе. Это женщина по имени Карашаш, дочь толенгита.

— Вот как? А куда же мы денем остальных?

Я был молод тогда и ответил:

— Ну, не знаю. Но там — им не место.

Секретарь райкома задумался.

ПЯТЫЙ ВИД

сли бы мохнатый сары-атан¹ мог однажды задуматься о своей судьбе, то ход мыслей повел бы его по далеким тропам, пройденным им. Если бы сары-атан мог сказать о своей судьбе, то он выбрал бы, вероятно, такие слова: «Неторопливые столетия прошли по этой земле, и разве я отставал в дороге от большого каравана? Нет, никогда. Случалось, я достигал таких краев, куда не могли доскакать самые быстрые скакуны».

Верно... Не случайно люди, которые миновали долгие века, покачиваясь на верблюжьих горбах, называли самых легконогих и выносливых лошадей — «Ботатирсек». А с кем сравнит молодой казах девушку, которая поразила его воображение? Он проводит ее пылким взглядом: «Ботакоз, настоящая бота-коз». И тот, кто видел глаза верблюжонка — глубокие, черные, с поволокой, с длинными загнутыми ресницами, — тот оценит это сравнение.

Если же не хватит слов воз-

¹ Сары — желтый; атан — молодой верблюд.

дать должное неутомимому и верному спутнику человека, то надо взять в руки домбру... «Бозинген» — белая верблюдица — называется неторопливый, задумчивый кюй, созданный в незапамятные времена, и слышится в нем мерная поступь каравана, раздается глухое позвякивание колокольцев... Сколько раз под искусными пальцами звучали струны, передавая все это, и невидимый караван медленно удалялся от джайляу, скрывался за перевалом, и люди, зачарованные мелодией, мысленно уходили вслед по дороге, которая всегда манит своей далью и неизведанностью.

А если дорога, — то как же обойтись без верблюда?.. Кто, кроме него, преодолет бесконечность необозримой степи, вытерпит иссушающую жажду пустыни? Ведь уже и в наше время верблюд безотказно помогал строить Турксиб, таскал карагандинский уголь, вез изыскателей на берега озера Балхаш, где нашли много медной руды.

Может быть, от неосознанного упоения своими заслугами, своим величием, сары-атан и держит голову высоко поднятой.

Сейчас он не спеша приближался к аулу, который уже виднелся впереди. На этот раз сары-атан тащил телегу с широким плетеным коробом. Он шагал, уверенно переставляя длинные голенастые ноги. Он словно не чувствовал груза, а ведь от его тяжести задняя ось даже гнулась и скрипела.

В плетенке удобно расположился самодовольный хряк — до того жирный, что розовое сало просвечивало сквозь толстую шкуру и густую щетину. Даже дородная свинья выглядела по сравнению с ним более худой. Но это было и понятно — семеро смешных поросят то и дело начинали недовольно попискивать и успокаивались только тогда, когда их суетливые пяточки утыкались в материнские сосцы. Писк прекращался. И какое-то время слышалось торопливое чмоканье.

Конечно, ни поросята, ни отец их, ни мать не ведали, что дорога ведет в такие места, где народ издавна счита-

ст их презренными, нечистыми, погаными животными. Чтобы не оскверниться, их даже не называют по имени, а прибегают к иносказаниям. Например, говорят — талпактану, что значит широкие ноздри.

Как раньше бывало? Если возникала ссора между русским и казаком, то каждый из них старался похлеще обозвать друг друга:

— Ах ты, крикливый верблюд!..

— А ты — ты грязная свинья!

Хрюкающее семейство въехало в колхоз «Жана жол»,¹ не подозревая, какое смятение они вызовут своим появлением. Привез их сам Саден — председатель колхоза. Кому бы другому он мог поручить такое щекотливое дело?

Саден спрыгнул с телеги как ни в чем не бывало. Его сородичи молча толпились в стороне и, вопреки своему обыкновению, не торопились подойти к нему: узнать, что слышно нового в районе, рассказать, какие события произошли в ауле за время его отсутствия.

Саден с подчеркнутой приветливостью улыбнулся им всем и сказал:

- Спасибо вам, что встретили меня... Давайте, джигиты! Помогите мне выгрузить этих... ну, этих самых, что я привез... Мне одному не справиться.

Голос его звучал без обычной уверенности. Единодушное молчание было ему ответом.

— Вы что же — к земле приросли? — продолжал он. — Чего испугались, спрашивается? Животные как животные...

Такое утверждение возмутило собравшихся, раздался голоса:

— Животные, говоришь?..

— Может быть, для кого-то это и животные, но...

— Что, что — «но»? — спросил Саден, уже начиная сердиться.

— А то!.. Ты сам посмотри как следует. Рыло —

¹ Жана жол — новый путь.

тупое, будто топором кто обрубил. Ноздри — широкие...

— А рот, а рот!

— Да уж! Как будто они все время ехидно улыбаются, как будто издеваются над нами!

— Разве у нашего скота бывает такой ехидный рот?!

Собрав все терпение, какое у него было, Саден возвратил:

— Что — у нашего скота?.. Вы не видели, что ли? Копыта... Копыта у них раздвоенные, такие же, как у баранов.

— Брось, брось, Саден! — резко оборвал его сухощавый старик. — Не смей сравнивать эту погань с нашими баранами. Ты скажешь! Ты видел когда-нибудь, чтобы у наших овец все брюхо было сплошь в сосках? Тьфу!..

— Не уговаривай нас, Саден. Мы и сами знаем, все знаем.

— А кто вам сказал, что свиньи не скотина?..

— Ну, может, для кого и скотина, только наши деды, и отцы, и мы сами никогда не ухаживали за такой.

— Эй, Саден! А вот ты разве когда-нибудь держал такую?

Колючие вопросы, язвительные насмешки со всех сторон сыпались на бедного Садена. Никто из колхозников и не подумал приблизиться, чтобы помочь ему. Наоборот, люди постепенно отходили все дальше и дальше от нечистой телеги.

— Да-а... Слава аллаху, порадовал ты нас, председатель!.. Это ты съездил по делу, оказывается, — сказал все тот же старик, повернулся и пошел прочь.

Садену нелегко было подыскать убедительные возражения в ответ на негодующие выкрики. В глубине души он был на их стороне. Брезгливое чувство не покидало его с той самой минуты, когда в соседнем совхозе — по разнарядке из района — в телегу погрузили двух свиней и поросят, и всю дорогу его сопровождал неумолчный визг, глухое подозрительное хрюканье, непрестанное причмокивание...

А тянуть дальше волюнку с ними было просто невозможно. Он должен был взять их еще два месяца назад. И в районе и в совхозе ему все время напоминали: «Саден, когда же ты заберешь своих свиней?..» А он долго не решался везти их в свой аул, заранее зная, какая встреча ждет его... И потому каждый раз находил новые отговорки. То просил подождать, пока свинья опоросится, то говорил, что помещение не готово...

Наконец, когда почувствовал, что тянуть больше нельзя, запряг сары-атана и поехал, не сказав в ауле ни слова, куда и зачем собрался. Саден даже пытался настроить себя так, чтобы свиньи ему понравились. Спина у них плотная, мощная... Говорят, не глупые они... Но тут же на глаза попадалась морда — тупая, обрюзгшая. И живот, усеянный, как пуговицами, дряблыми сосками. А уши, уши! Одно утешение, что копыта, как у порядочного животного, — раздвоенные.

— Вот уж погань так действительно погань! — говорил сам себе Саден, но тут же возражал: — Что значит — погань? И что значит — нечисть? Для кого — нечисть? Казах свинину ни за что в рот не возьмет. А русский — конину не станет есть. Кто как привык. Не стали бы русские, украинцы разводить свиней, если бы это не было выгодно. И не только они — многие народы едят свинину. И ничего. А все запреты — это просто болтовня мулл! Свиней разводят, да еще как ухаживают за ними! Зоотехник рассказывал в районе — в бане их купают, а поросят — так даже в чистые простыни заворачивают.

Подумать только — в простыни! Более веских доводов быть не могло, и Саден махнул рукой. Решил, — будь что будет, а он привезет свиней на свой страх и риск. «Расскажу своим все, что знаю сам, пусть поразмыслят сами, а остальное сейчас не имеет значения». Но оказалось, что люди не хотят толком и выслушать его. Предпочитают говорить сами и не прочь потешиться над председателем, попавшим в трудное и дурацкое положение.

Саден поначалу растерялся. Потом разозлился. Но настаивать на своем, кричать, принуждать их делать то, к чему не лежит душа, тоже бесполезно. У него в запасе был испытанный прием, который не раз выручал его и приходил на помощь в самую последнюю минуту: исчерпав слова, добиться чего-то вопреки мнению большинства.

Он упрямо замолкал в таких случаях и сам принимался за дело, пусть в одиночку, но на глазах у всех. Тогда им становилось неловко от сознания, что вот человек трудится, а они бездельничают. И все мало-помалу, с воркотней, тоже включались в работу, сперва нехотя, потом все охотнее и охотнее — и дело доходило до конца.

Саден и сейчас задумал то же самое. Ни с кем больше не вступая в пререкания, он молча обошел телегу и для начала распутал взрослым свиньям ноги. Потом принялся перетаскивать в саманный сарай отчаянно визжавших поросят. Он брал поросенка на руки, успокаивающе гладил по хребту, осторожно трогал холодный пяточок и нес к сараю, держа на вытянутых руках, словно торсук¹. Он нарочно перетаскивал их по одному — хотел, чтобы люди привыкли к их виду и увидели, что скотина как скотина и обращаться с ней нужно, как обычно...

Визг поросят привлек аульных собак, которые никогда ничего подобного не слышали. Они окружили телегу и недоверчиво принимались к новому для них запаху.

Саден ходил от телеги к сараю и обратно. Он не посчитал нужным ответить даже тогда, когда один из колхозников крикнул ему:

— Саден!.. Смотри, этот маленький талпактану на твоих руках успокоился. Значит, ты для него ближе матери!

Он твердил про себя: «Ничего, ничего... Привыкне-

¹ Торсук — мешок из козьей шкуры, в котором обычно держат кумыс.

те... Я привыкаю, и вы привыкнете, чем вы лучше меня?»

А вслух сказал:

— Если бы вы не были такими трусами и подошли бы поближе, то могли бы увидеть, что животное это — очень чистоплотное.

— Что животное — это всем ясно. А вот что чистоплотное — вряд ли...

— А ты откуда знаешь? — спросил Саден насмешливо. — Поближе подойти — ноги от страха дрожат. И сам же говоришь: таких мы никогда не держали, и отцы наши не держали. Так откуда же тебе про них все известно?

Пока что проверенный прием не действовал. Но сам Саден почувствовал себя увереннее и уже не боялся вступать хотя бы в словесную перепалку один против всех.

— А кто же за ними ходить будет?

— Найдем, найдем! — отвечал он.

— А-а!.. Слава аллаху, он послал нам русскую келин¹. Марьям это дело и поручим, кому же еще...

Саден делал вид, что его не затрагивают их колкости и по-прежнему сосредоточенно таскал в сарай поросят. А когда перетаскал их всех семерых, вернулся к взрослым свиньям. Хряк не выражал никакого беспокойства. Зато матка тревожно вертела головой, прислушиваясь к надрывному поросячьему визгу. Она обеспокоенно захрюкала во весь голос, не обратив никакого внимания на слова Садена, который негромко сказал ей:

— Ничего с ними там в сарае не сделается... И хоть бы ты, ты подождала со своими криками.

Ее хрюканье вызвало новый приступ веселья и новый поток насмешек:

— Что за прелестный голосок у этой уродины!

— Голос такой, потому что шея короткая.

— Где ты увидел шею? Никакой у них шеи нет.

— А нос! А ноздри! Они же ноздрями кричат.

¹ Келин — сноха.

— Я слышал — они голову не могут поднять, чтобы вверх посмотреть.

— Вот сказал!.. Не хочешь ли ты, чтобы свинья считала на небе звезды?

Саден, почесывая свинье жесткую спину, отозвался:

— Чтобы звезды считать, на то и ученые люди есть. Смейтесь, смейтесь... Потом наступит мое время смеяться! Вот будет их на следующую осень голов тридцать да каждая даст по пять пудов сала... А то молодежь пристаёт — домбра нужна, шахматы в красную юрту давай... Женщины говорят: эй, Саден, нашим детям ясли нужны. А я сало продам, деньги у меня будут. Но я вам скажу: нет вам домбры, нет вам никаких яслей! Эти же деньги — поганые деньги!

— Ты, Саден, нас не уговаривай... Бараны — это бараны, коровы — это коровы. А свинья, как была, так свиньей и останется.

— Кто тебе поверит, председатель, что она чисто-плотная?

— Если хозяин хороший, то и она будет чистая. Разве коровы в хлеву сами за собой убирают?

Саден снова стал приводить разные доводы. Он и себя убеждал и своих сородичей. Его слушали, не перебивали. Но к сараю все же не приближались. Всегда трудно перешагнуть порог старых предубеждений. Установил же пророк однажды и навечно: казахи, как и все мусульмане, должны пользоваться четырьмя видами домашнего скота: баранами, коровами, лошадьми и верблюдами. Другие виды были запрещены.

И тут невдалеке появилась Мария... Та самая русская келин, чье имя называли, когда речь зашла о том, кому же ухаживать за привезенными в колхоз свиньями.

Когда Апен, родной брат Садена, привез из района русскую жену, дочь Ефима, над ним подшучивали:

— Ты нашел свое счастье, Апенджан... Будешь теперь есть мясо этой... ну, знаешь, которая хрюкает и в небо не смотрит... Смотри, чтобы у тебя не выросли такие же уши, как у нее.

Другие поддакивали:

— Апен, друг, как же твоя Марьям обойдется без своих любимцев? Заскучает... Ты купи ей парочку этих самых, — слышал, они называются: талпактану!

Сейчас Апен стоял позади всех ни жив ни мертв. Шутки шутками, а, кажется, слова насмешников начинают сбываться.

Мария возвращалась из школы. Она ходила туда к учительнице читать по-казахски. Алфавит она освоила быстро, да и говорила довольно свободно, как-никак выросла в этих краях. С трудом ей давалось только склонение и спряжение.

В руках у нее была книжка с надписью на обложке: «Казах тили», учебник казахского языка. Она шла и повторяла вслух:

— Мен бардым... Сен бардын. Олар — они... Сиз — диниз. Ол — он, онымен — с ним.

Услышав шум, Мария подняла глаза от книги и увидела у сарая большую толпу. Она подошла к Садену, остановилась возле телеги.

— Агай!..¹ Привезли наконец свиней? А эти друзья боятся их, да? Но ничего... — Она еще что-то хотела добавить, но тут в сарае пронзительно завизжал поросенок, оторванный от матери, и Мария побежала туда.

Одного из них она вынесла на руках.

— Вот, посмотрите... Чем он хуже ягненка, например?.. Что он, — может укусить или лягнуть? А ты где, Апен? А-а, вижу. Почему ты прячешься позади всех и боишься поднять глаза? Тебя тоже пугает этот страшный зверь?

Апен, переминаясь с ноги на ногу, не успел ничего ей ответить, как снова посыпался град насмешек:

— Марьям! Для тебя-то что ягненок, что поросенок, что теленок — все одно... А каково бедному Апену?

¹ Агай — дядя; здесь — уважительное обращение к старшему брату мужа.

— Апен! Апен, смелей! Ты уже не маленький,— кричали ему ровесники.— А если не подойдешь, ночью придется одному спать. Подумай хорошенько,— что хуже, что лучше!

Неизвестно, что подумал Апен, но все же он первым рискнул приблизиться к телеге и теперь стоял рядом с женой. В это время Саден забрался наверх и позвал:

— Келин, давай вместе попробуем спихнуть их... Мария, не говоря ни слова, сунула поросенка в руки Апену и быстро вскочила в короб.

Апен замер, не зная, то ли швырнуть на землю маленькое тельце, то ли отнести в сарай, то ли стоять так... Он держал поросенка на вытянутых руках, и все его чувства тотчас отражались на лице. Лицо сморщилось, можно было подумать, что его вот-вот стошнит, или он вот-вот неудержимо расхохочется, а может быть, — заплачет.

Большое скопление людей, их смех, шум, лай собак, которые тоже неодобрительно относились к незнакомым пришельцам, — все это раздражало взрослых свиней. Они свирепо хрюкали, урчали и тыкались носами в плетеные стенки короба.

Саден понял: если сейчас не принять решительных мер, то им придется тут возиться до ночи. Он сказал громко, спокойно, как будто ничего особенного у них не произошло:

— Эй, джигиты! Мужчины вы или совсем не мужчины? Нам с келин вдвоем не справиться. Помогите-ка поднять их и спустить на землю. А дальше они уж сами на своих раздвоенных копытах побегут.

Его слова произвели впечатление: раз уж так случилось, нехорошо отказывать в помощи своему председателю. Джигиты медленно, нехотя, но все же начали снимать чапаны, засучивать рукава рубашек, и — по одному — подходили к телеге.

Поначалу ничего не удавалось. Каждый старался взяться за свиную шкуру только для виду, в надежде, что кто-то другой будет стараться и напрягаться. А от таких

легких прикосновений большой грузный кабанище даже и не пошевелился.

— Взяли! Взяли! — прикрикнул Саден.

Пришлось приналечь — и большое тяжелое тело совершило короткое и быстрое путешествие по воздуху и боком легло на землю. Хряк тут же вскочил на ноги.

Таким же способом переправили вниз и свинью. Она заспешила в сарай на голос своих поросят, которые почувствовали ее приближение и завопили еще отчаяннее и успокоились только, когда она разлеглась и все семь пятачков потянулись к соскам.

А хряк осмотрелся, шумно втянул носом воздух и решил проверить, нет ли тут в земле вкусных кореньев. Он подрывал носом землю, и ему не было сейчас никакого дела до собравшихся недоверчивых, недружелюбно настроенных людей.

Вот так — 2 мая 1933 года — в колхозе «Жана жол» совершилась поправка в установление пророка Мухаммеда. Кроме назначенных им четырех видов животных, появился еще и пятый: презренные талпактану — тупорылые.

О том, как же быть с ними, речь зашла на следующий день в колхозной конторе. Дело снова не обошлось без насмешек и подшучиваний.

— Уж если, они такие чистоплотные, как нам про то втолковывал Саден, давайте отдадим им свои юрты, а сами пойдем жить в сарай...

— А как подзывать их? Вот коз мы скликаем «шоге, шоге». А разве свиньи поймут козий язык?

— Кто имеет опыт, тот пусть и ходит за ними.

— Откуда ты этот самый опыт возьмешь? Они и по-казахски не понимают, и по-казахски тоже не понимают.

Мария слушала их, слушала — и нетерпеливо вскочила со своего места:

— Ну, раз никто из вас не решается к ним подступиться, я возьмусь за это дело! Так и запиши, агай! — повернувшись она к Садену, который сидел за столом, не принимая пока никакого участия в общем разговоре.

Ему очень хотелось, чтобы кто-нибудь из казахов сам, а не по принуждению, выразил желание принять на себя заботы о «пятом виде». Он встретился глазами с братом. Апен растерянно улыбался, боясь, что выбор падет на него... Если нажать, пойдет, куда денется. Но Апен нужен на ферме, и потом — брат все же...

— Кто согласится пасти талпактану, тому будем платить полтора трудодня за день, — сказал Саден.

Марьям?.. Но Марьям нельзя отпускать из полеводческой бригады. Она там и бригадир, и полевод, и учетчица. Она с детства привыкла к крестьянской работе, и потому в молодом казахском колхозе, который не так давно начал заниматься земледелием, нужны не только ее неутомимые руки, но и опытный глаз, и добрый совет в поле. Жаль заставлять Марьям тратить свое время и свои силы на то, чтобы пасти свиней.

— Я ошибся, — сказал Саден. — Не полтора, а два трудодня будем платить тому человеку... Вы меня слышите, Есеке?

— Нет, я тебя не слышу, — отозвался Есен, одинокий старик, который перебивался в колхозе на разных работах. У него уже не хватало сил — пасти беспокойные резвые табуны, оберегать от волков отару...

— Два, два трудодня, — повторил Саден.

Два трудодня не могли прельстить Есена. Он отбивался, как мог, от этого поручения, он чуть не плакал. Но Саден, когда хотел, умел настоять на своем. Старик вдруг подумал, что это сам аллах посылает ему наказание за какие-то грехи. Но грехи, очевидно, все же не очень тяжкие — в утешение будет Есену начисляться два трудодня...

Все равно с того дня жизнь Есена превратилась в сплошное мучение. Он стыдился показываться со своим стадом на людях, и поэтому еще задолго до рассвета выгонял двух взрослых свиней и семерых поросят на берег озера, густо заросшего камышом и осокой. А сам устраивался поодаль от них, как человек, который просто занят тут своим делом, чтобы, не приведи аллах, ни один

прохожий не подумал, будто он имеет какое-то отношение к талпактану.

Возвращался Есен в аул совсем затемно, запирал свиней в сарае и шел домой. Но прежде чем переступить порог, он снимал чапан, обувь и все это вместе с палкой оставлял снаружи. Долго умывался, и только после этого разжигал огонь в очаге и растягивался на кошке, мысленно прося у аллаха прощения. И еще он спрашивал у него: искупил ли он свою вину и долго ли ему заниматься этим нечистым делом.

Своими пастушескими заботами Есен ни с кем, кроме Садена, не делился. Стыдно было. Он даже старых чабанов старательно избегал.

Постепенно в «Жана жоле» стали привыкать к талпактану, и на заседании правления, например, без всякого смеха и шуточек обсуждался вопрос о том, что для маленького свиного стада надо выделить фураж.

Есен мог теперь пораньше возвращаться домой. Его встречали уже не насмешками, а другими словами:

— О Есеке! Смотрите, какие они стали жирные! И как только их ноги держат столько мяса и столько сала!

— Пожалуй, Саден сможет не одну домбру купить для красной юрты...

— А где это поросенок зацепился боком?..

Но однажды утром, когда Есен гнал свиней на берег озера, сзади его нагнал чей-то голос:

— Пусть умножится ваше стадо!..

Он, как всякий пастух, не задумываясь, ответил:

— Да сбудутся ваши слова...

И обернулся. Следом за ним верхом на коне ехал Мухаммеджан, сын покойного Касена-муллы. Ехидная насмешка, игравшая на его губах, достаточно убедительно говорила о том, что свои слова он произнес не от чистого сердца, а чтобы лишний раз попрекнуть старого Есена его недостойным занятием.

— О Есеке,— сокрушенно продолжал он.— Глаза бы мои не видели, как старому и уважаемому человеку

приходится пасти этих тупорылых! Какой грех вы берете на душу!

Но теперь и Есен стал иначе относиться к таким колкостям. Он не умолкал застенчиво, а резко обрывал насмешников.

Вот и сейчас он сердито сказал:

— Мухаммеджан! Учил ли тебя твой отец насмеяться над старыми людьми? Тебе не нравится, что я пасу талпактанау?.. Все знают, что наши дела тебе вообще не нравятся. Убрался бы ты куда-нибудь подальше! И постарайся не путаться под ногами на моей дороге. Ты понял?

Говоря это, Есен достаточно выразительно поигрывал толстой пастушеской палкой. Он несколько раз потер о землю конец, словно утихомиривая его зуд.

Мухаммеджан не стал объясняться с ним. Он побыстрее отъехал и, только удалившись на порядочное расстояние, запел старинную насмешливую песенку:

Он свиней пас, и сам стал хрюкать...

Есен погрозил ему палкой. Ничего больше он сейчас не в состоянии был поделаться с непочтительным сыном муллы. Но вечером старик отправился в школу, где учителя помогали выпускать колхозную стенгазету, и попросил их сочинить ответную песню против Мухаммеджана и его издевок.

Учителя были не бог весть какими поэтами. Но почти любой казах в случае надобности может сложить несколько строк, хотя бы и для домашнего употребления. Песню для Есена сложили. Он с голоса наизусть заучил слова и часто напевал ее.

Особенное удовольствие ему доставляло то место, где речь шла о недостойном человеке, о сыне муллы, который воображает себя умнее и чище всех на свете, а на самом деле всегда питался объедками с отцовского стола, да и теперь ничего не умеет делать, даже пасти свиней и то не способен! А свиньи... Что ж, свиньи знают свое дело, они спокойно жиреют, и нет им никакого

дела, что говорит про них этот глупый и нечистоплотный человек.

Пожалуй, это была первая в степи уважительная песня про талпактану, про то, что они могут быть такими же равноправными в хозяйстве животными, как баран или конь, бык или верблюд. И колхоз «Жана жол» первым пустил эту песню гулять по свету.

...Через год в «Жана жол» было уже двадцать восемь свиней, всего на две меньше, чем предсказывал Саден. За счет их сдали большую часть мясопоставок, сберегли добрую отару овец. Осенью старого хряка пришлось забить, сало и мясо продали, а на вырученные деньги купили в совхозе двух стельных породистых коров.

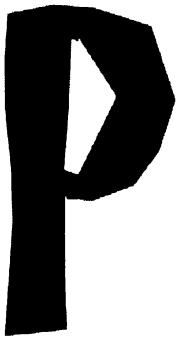
Спокойно жиреют свиньи, разгуливая на берегу озера под присмотром Есена. Издали они похожи на кожаные бурдюки, в каких держат кумыс.

Иногда рядом с ними пасется сары-атан. Пережевывая жвачку, он высокомерно поглядывает на них сверху. Но для такого высокомерия у него есть все основания: к тем славным и многотрудным делам, которые он успел совершить за долгие века, теперь прибавилось еще одно...

Это же он ярким весенним днем доставил в «Жана жол» телегу, в плетеном коробе которой попискивали маленькие подслеповатые талпактану.

ЛЕГЕНДА О ЕР-КАПТАГАЕ

ассказывают люди из большого и древнего рода найман — те, что и по сей день живут на юге Казахстана, в Сарканде, по берегам речки Аксу, которая направляет свой бег к Сыр-Дарье.

Рассказывают люди из рода найман, а я — прилежный переписчик — доверил бумаге их рассказ, каким он сохранился с незапамятных времен.

* * *

Холодные ветры, не останавливаясь, мчались на юг от скованного льдом озера Балхаш.

Последний в тот год буран яростно метался от юрты к юрте в ауле найманов, словно хотел стереть его с лица земли. Он злобно выл в отчаянии от того, что кончается его время. И если уж он вынужден уступить скорой весне, то, по крайней мере, надо оставить по себе такую память, чтобы всех бросало в дрожь до следующей зимы!

Немного в стороне от аула, возле острых скал, похожих на зубы

дракона, стояла большая черная юрта Ер-Каптагая¹. Из дымового отверстия вылетали искры, каждая величиной с большой пчелиный рой. Буран, не боясь укусов, подхватывал их и швырял об скалу.

Иногда из юрты доносился протяжный трубный звук, который перекрывал неумолчный гул бурана. Это чихал Ер-Каптагай.

Он удобно устроился у очага, смотрел на багровые языки пламени и думал о том, что ему сегодня пришлось услышать от своих сородичей. Говорили, будто бы известный своими подвигами великан по имени Азрет Али находится на пути в земли найманов. Будто бы он намеревается в своем походе пройти еще дальше, чем когда-то проходил Эскендер Зулькарнайн². У Азрета Али есть аргамак, которому достаточно сделать всего девять шагов, чтобы преодолеть путь длиной в девять месяцев.

Еще говорят, Азрет Али несет какое-то новое слово и требует, чтобы все принимали это слово и повторяли его с восторгом и верой. Кто не хочет его слушать, того он заставляет силой оружия. А секира у Азрета Али в девять раз длиннее, чем обычная. Там, далеко, на его родине, могучие львы, которые вообще не знают страха, и те покорно уступают ему дорогу при встрече.

Пока Ер-Каптагай думал обо всем этом, Азрет Али и в самом деле остановил своего аргамака у скалы, укрывавшей большую черную юрту от бурана. А когда он переступил порог, Ер-Каптагай только-только принимался за ужин.

В доме этом жили такие люди, что есть из одного блюда они не могли. Их пальцы мешали бы друг другу. Поэтому перед Ер-Каптагаем, перед каждым из четверых его взрослых сыновей стояло отдельное блюдо. А вареного мяса было наложено столько, что по нынешним

¹ Ер — богатырь.

² Эскендер Зулькарнайн (двурогий) — Александр Македонский.

временам хватило бы накормить досыта целый аул. Сыновья не начинали ужинать, они почтительно ждали, когда их старый отец первым прикоснется к пище.

Азрет Али, увидев их, удивился. До этого он предполагал, что таких великанов можно встретить только у него на родине.

— Ассалам агалейкум,— сказал он, но никто не ответил на приветствие. Не зная еще, как ему повести себя теперь, он молча наблюдал: огромными пальцами старик поднял с блюда верблюжью голову. В те времена великаны и скот держали великанский. Голова верблюда была величиной с нынешнюю юрту.

Ер-Каптагай успел проголодаться, и потому он разом отправил в рот все мясо, снятое с верблюжьих скул, верблюжий язык, мягкий горловой хрящ. Только проглотив все это, он поднял глаза на Азрета Али, который по-прежнему стоял у порога.

Поначалу вид гостя пришелся по душе старику, хоть он и не понял, что тот сказал. Густые черные усы, такая же черная борода, круглая, ухоженная. Высокий, статный... Настоящий джигит. С таким Ер-Каптагаю приятно разговаривать как равному с равным.

— Садись к нашему огню, приезжий батыр,— сказал он и протянул гостю уместившиеся на одной ладони самые лучшие куски: половину огромной печени, отделил от лопатки тающий во рту жир, выбрал кость, на которой было много мяса.

По закону гостеприимства он хотел почтить гостя, чтобы тот принял еду из его рук. Но Азрет Али, видно, не знал этого степного обычая и немного отступил, как бы сторонясь предложенного ему угощения.

Азрет Али сказал:

— Перед тем как поесть, я бы хотел, чтобы мне предложили в этом доме ночлег...

Он мягко выговаривал незнакомые певучие слова, и слова эти коснулись ушей Ер-Каптагая. Но откуда старику было понять их смысл? Он не знал языка при-

шельца, а пришелец — из арабов — не знал его языка.

— Что ты мне поешь? — спросил Ер-Каптагай, начиная раздражаться. — Слов наших не знаешь?.. Но это же поймет, кто хочешь! Тебе мясо протягивают, значит, надо это мясо съесть. Будешь или не будешь?

Азрет Али приложил правую руку к сердцу и снова повторил свою просьбу о ночлеге. И снова Ер-Каптагай не понял его. Уязвленный тем, что его угощение отвергается дважды, старик сам проглотил и печенку и жир, потом схватил с блюда верблюжью голову и запустил ею в пришельца.

Голова с ощеренной пастью пролетела совсем рядом с Азретом Али, он еле успел отклониться, произнеся: «О алла!»

Слышно было, как верблюжий череп снаружи глухо стукнулся о скалу.

Наверное, в других местах, по которым шел его долгий немирный путь, Азрет Али не был таким терпеливым. Но что он мог поделать здесь, на речке Аксу, если в юрте перед ним сидели богатыри — Ер-Каптагай и его сыновья.

Азрет Али в третий раз повторил просьбу, но не было рядом толмача, который бы сделал его слова понятными для хозяина. Поэтому сердце Ер-Каптагая не смягчилось, и он не спускал с пришельца подозрительных глаз.

Он весь напрягся, когда гость полез за пазуху... Но не оружие достал Азрет Али, а какую-то книгу и сказал, шелестя ее пергаментными страницами:

— Я принес вам зикр¹, чтобы такие отсталые люди, как вы, задумались о своем пути, о своей судьбе. Я принес вам новое слово, которое заставит вас завести новые порядки и жить по-новому. Я сказал, а вы слушали...

Но теперь, после того как гость нарушил закон гостеприимства, отказавшись принять еду, ему уже невоз-

¹ Зикр — предостережение; одно из древних названий корана.

можно было расположить к себе старого Ер-Каптагая.

Ер-Каптагай не дал ему договорить:

— Прекрати свою болтовню! Не то... — Он схватил с блюда кость величиной с молодое дерево и грозно пома- хал ею.

И сыновья его тоже вооружились. Один поднял тяже- лую, как дубина, бедренную кость задней ноги, другой такую же, только переднюю, а двум достались острые, как секира, верблюжьи лопатки. И так они стояли, гото- вые по первому знаку отца обрушить на пришельца не- отразимые удары.

Но Ер-Каптагай остановил их движением руки. У него самого было достаточно силы справиться с кем хочешь, не зовя на помощь сыновей.

Азрет Али понял, что ему не одолеть их, и, пятясь, он вышел из юрты.

Наверное, ему не очень было приятно стоять на ветру и слушать злобный вой бурана. Ведь у великанов и самолюбие тоже великанское. До сегодняшнего вечера Азрету Али и в голову не могло прийти, что на его долю выпадет когда-нибудь такое унижение!..

Ведь он с войнами прошел и по Африке и по Азии, он покорял людей с самым разным цветом кожи: черных и белых, красных и желтых. Многие отдавались под его руку, даже не рискуя вступать с ним в единоборство. И вот, повстречавшись с Ер-Каптагаем и его сыновьями, Азрет Али невольно думал: а случайно ли, что сам Эскендер Зулькарнайн не смог двинуться дальше? Не сама ли судьба ставит и перед ним глухую стену, кото- рую не перескочишь на самом легконогом коне, которую не объедешь?

Азрет Али, готовый уже ко всему в этой стране богатей, постоял в ожидании, не выйдет ли кто следом за ним.

Но Ер-Каптагай и его сыновья кроме силы обладали еще и благородством. Они не стали преследовать незна- комца, покинувшего их дом.

Азрет Али взял своего аргамака под уздцы, завел его к скале с подветренной стороны и лег на землю, привалившись к большому камню.

Какой-то запах приятно щекотал ему ноздри, и Азрет Али сообразил, что это запах вареного костного мозга. Верблюжья голова, пущенная могучей рукой, ударилась о скалу и разлетелась вдребезги. Азрет Али почувствовал, что он голоден, и ощупью отыскал кости и куски мяса, которые еще не совсем успели остыть.

Один за другим он отправлял их в рот и думал: «Да, эти люди, оказывается, знают толк в еде». Потом ему пришла мысль, что надо было, прежде чем начинать разговоры, принять угощение старика. Тогда бы все могло обернуться иначе.

Поев мяса и вытерев снегом руки, Азрет Али уверился в том, что ничего еще не потеряно: утром он вернется к Ер-Каптагаю и будет говорить с ним.

Решив так, он немного расслабил кольчугу, плотнее завернулся в теплый халат, надвинул шлем на самый нос. Он спал всю ночь, не шелохнувшись, как спят богатыри.

Перед рассветом навстречу снежному колючему бурану подул ветер с юга и — одержал верх. Буран был вынужден убраться севернее, к озеру Балхаш, куда позднее приходит весна. С восходом солнца южный ветер принялся за уборку и вскоре растопил весь снег, который на прощанье успел накидать буран.

И по черной влажной земле пришлось гнать лошадей пятому, самому младшему сыну Ер-Каптагая — Мунайпасу. Он сжимал пятками бока молодой гнедой кобылицы. Он торопился домой, как торопится верблюжонок, отбившийся от старших.

Еще издали он обратил внимание на то, что полож юрты откинут и что его старшие братья двинулись навстречу табуну, неся в руках наборные уздечки, должно быть, собрались куда-то ехать, а его, как всегда, оставят дома, скажут: ты мал...

Потом Мунайтпас заметил: какой-то незнакомый богатырь пустил пастись своего аргамака, а сам вошел в юрту. Это Азрет Али, проснувшись, решил исполнить свое вчерашнее намерение и отправился еще раз увидеться с Ер-Каптагаем.

Мунайтпас не знал о случившемся. Он мог бы расспросить братьев, когда они подошли к нему. Но до того ли ему было?.. Он не в силах был оторвать глаз от аргамака.

О, такого коня мальчику еще не приходилось видеть, хоть и кони его отца были далеко не из худших на сто переходов в округе. Теплый ветер играл длинной серебристой гривой, словно хотел заботливо расчесать ее. Глаза у прекрасного арабского коня сверкали, как драгоценные камни. Чуткие уши ловили малейший шорох, и голова на гладкой изогнутой шее тотчас повернулась в сторону появившегося табуна.

Аргамак заливисто заржал, приветствуя кобылиц, предупреждая жеребцов, чтобы те не вздумали с ним соперничать.

Мунайтпас так и замер, продолжая любоваться невиданным роскошным конем, а в это время Азрет Али в юрте стоял перед Ер-Каптагаем и продолжал речи, прерванные накануне.

Азрет Али понял, что силой тут не возьмешь, и потому голос его звучал мягко, журчал, как речка Аксу, когда она пронесет уже шальные талые воды и успокоится к середине лета.

Азрет Али, как и вчера, вытащил из-за пазухи сверток кожаных листов — тонких, почти прозрачных. Листы были испещрены непонятными знаками.

Этот сверток он громко назвал: «китаб»¹ и запел стихи звучным приятным голосом. Ер-Каптагай не стал прерывать его, хотя слова, которые пел пришелец, по-прежнему ничего не говорили старику.

¹ Китаб — книга; тоже одно из древних названий корана.

Но все же ему начало казаться, что в этих звуках скрыта какая-то большая тайна, и он вот-вот постигнет ее и сразу станет ясно, зачем покинул свой дом этот человек... Но чудилось в этих звуках старику и другое: если поддастся им, то неузнаваемо изменится его жизнь и перестанет он быть похожим на самого себя...

Азрет Али кончил петь и протянул китаб старику, чтобы тот прикоснулся к нему и подержал в руках. Это было признаком высшего доверия: дать священную книгу.

Но Ер-Каптагай этого не понял, а потому и не оценил.

Он принял китаб в надежде, что он и в его руках станет издавать те же чудесные звуки.

— Какой прекрасный, ни с чем не сравнимый голос у твоего китаба, — сказал Ер-Каптагай, думая, что если он похвалит таинственный сверток, то опять польется песня, которая неизъяснимым образом действует на душу.

Но китаб молчал.

— Ты, как вчера, морочишь мою седую голову! — сказал старик Азрету Али. — Что мне толку, если твой китаб поет только в твоих руках? Ты тогда и держи его у себя. И уходи, уходи. Я не хочу тебя видеть, и мои сыновья не хотят тебя видеть!

А пока шел между ними этот разговор, не понятный ни тому, ни другому, Мунайтпас продолжал мечтательно смотреть на аргамака и представлял, какое это счастье — хоть раз проехаться на таком коне! После этого и умереть было бы не жалко. Кони его отца выглядели жалкими клячами по сравнению с этим аргамаком, и сердце мальчика сразу остыло к ним.

Он спрыгнул со своей гнедой кобылицы и, ведя ее в поводу, направился к аргамаку.

Мунайтпас, как замороженный, еще не знал, что он сделает: то ли угонит коня, а там будь что будет, то ли

просто проедется на нем, пока хозяин не видит, за это не обидно получить один-другой удар камчой.

Аргамак, поставив уши торчком, следил за его приближением. Но, понятно, до мальчика ему не было никакого дела. Его внимание привлекла гнедая кобылица — самая красивая, самая изящная в табуне, отмеченном тавром Ер-Каптагая.

А кобылица тоже не могла устоять перед таким мужественным красавцем. Она не тянула в сторону, она покорно следовала за Мунайтпасом, как только заметила, что он ведет ее по направлению к высокому жеребцу светлой масти.

В дальних суровых походах Азрет Али не пускал своего коня в табуны, и тот был лишен ласки, без которой не может существовать не только человеческое сердце. И потому жеребец вздыбился, едва не задев головой облака, показывая, какой он ловкий, сильный и статный, и так — на задних ногах пошел к гнедой кобылице, которая ждала его, раздувая ноздри и горделиво подняв голову...

Мунайтпас мгновенно сообразил, что если даже он и не угонит аргамака, то хоть в табуне у них останется его потомство. Мальчик проворно отскочил в сторону.

Азрет Али, разговор которого с Ер-Каптагаем опять кончился ничем, вышел из юрты в тот момент, когда короткая любовь аргамака и гнедой кобылицы уже кончилась, и он ничему не успел помешать.

Он кричал и бранился, а у великанов и ругань великанская. Но рядом стояли с мечами в руках четверо старших братьев Мунайтпаса, и Азрет Али даже не мог себе позволить влечь наглому мальчишке хорошую затрецину. В гневе он собрался было вскочить на аргамака, но тот еще не пришел в себя от любви и не хотел трогаться с места.

Азрет Али покачал головой и сказал так:

— Многие неприступные вершины пали передо мной

ниц. А сейчас мой путь уперся всего лишь в какую-то маленькую скалу, и я вынужден повернуть обратно. Я, никогда и ни перед кем не отступавший!

Мунайтпас и его братья не поняли пришельца. Они увидели только, как Азрет Али в поводу повел своего коня прочь, и скоро скрылся за скалами, а ветер замел его следы.

И больше, пока живы были Ер-Каптагай и его сыновья, он сюда не показывался.

* * *

Та скала и сегодня стоит в Саркандском районе, на юге Казахстана.

Местные жители называют ее Скалой Аргاماка.

А в напоминание о тех далеких временах у найманов осталась легенда о том, что ни силой, ни хитростью, ни притворной лаской нельзя победить таких богатырей, как Ер-Каптагай и его сыновья. И еще остались кони, обгоняющие ветер.

СКАЗАНИЕ ОБ ОРЛАХ

- *Это мне нравится...*
— *Тогда посвящаю вам.*
— *Это мне не нравится.*
— *И тогда посвящаю вам...*

Автор.

ржан настойчиво звал уходящего орла:

— *Кял, кял, кял!*

Он выкрикивал это по-своему, по-ержановски, и короткий окрик был понятен только ему и его орлу, и мало кто разгадал бы в нем обычное «кел» — иди.

— *Кял, кял! Кял!*

Орел не полетел к хозяину и даже не оглянулся. Он легко набирал высоту. Для него не существовало ни Ержана, ни шустрого зайца, которого он успел заметить, едва освободившись от кожного наголовника — томаги. Внезапно он подобрал крылья и камнем стал падать. Охотнику показалось, что орел вот-вот расшибется об острые скалы. «Куда тебя понесло, что тебе привиделось?» — обеспокоенно подумал Ержан. — «Может быть, лиса? Или волк?» В последние дни — охотник только

теперь понял это — орлу было не по себе, и он вел себя загадочно, будто одержимый какой-то тайной страстью.

Подгоняя гнедого, Ержан направился в горы, туда, где метался его орел. А может быть, это уже не его орел?..

На тропе лежал глубокий, по грудь коню, снег.

— Эх, ушел, ушел!..

Ержан хлестал гнедого, который увяз в плотном, чуть дымящемся сверху сугробе.

— Кял, кял, кял!

— Кял, кял, кял! — отозвалось чуткое эхо.

Только позавчера Ержан привез с охоты двух красных лисиц, шкурки их так и полыхали огнем. Это был так называемый алтайский отсвет. Солнце заставляло переливаться пушистый мех, и сквозь густое червонное золото на боках проступали белоснежные штрихи, а лапки отливали чернотой. Все радовались его редкостной удаче: четырехлетняя дочка охотника вся сияла, примеряя на шею мягкий, как пух, лисий хвост; двухлетний Есентай громко хлопал в ладоши и требовал лисьих почек на обед (привык, что ему достаются почки зайцев и баранов). Соседи прибежали, поздравляя с алтайскими красными. Они желали Ержану такой добычи, которая бы по своей ценности не уступала сказочному вознаграждению, состоящему, как известно, из девяти частей, и одна лишь из них — три косяка лошадей! И пусть в юрте Ержана всегда пахнет свежей кровью дичи, пусть никогда не переводится в ней жирное мясо!..

И по старым и по новым законам охотнику грешно пользоваться добычей в одиночку. Время было трудное: на исходе длинной зимы толстый становится тонким, а тонкий — похожим на тень. И все равно Ержан устроил званый обед: был бесбармак, была водка (без нее теперь даже в ауле не обходятся), были разные лакомства: курт, сахар, конфеты.

— Твой Шапшан¹ — настоящий орел, всем орлам орел!

¹ Шапшан — быстрый, стремительный.

— Ну и везет же нашему Ержану в нынешнюю зиму на лисиц... Верно, уже за двадцать перевалило? А, Ержан?

Ержан скромничал:

— Ну, до двадцати, положим, еще далеко... Трех не хватает.

Но похвала была ему по душе, и он спешил наполнить стакан соседа, сказавшего эти слова.

— Что может быть лучше охоты с беркутом? Недавно же ее воспел сам Абай. Помните?..

— Как же не помнить! Там у него сказано: когда мощный беркут сминает на снегу красную лису, то видишь дивное сочетание красок и мужественные резкие движения...

— И невольно представляешь, как купается румяная белотелая дева и как она косы отжимает на берегу.

— Абай знал, как сказать... А ведь есть что-то абаевское и в нашем Ержане, — вставил свое мнение другой сосед, и все вспомнили, как в свое время их радушный и щедрый хозяин ради охоты наотрез отказался от должности заведующего фермой.

За такие лестные слова нельзя было не наполнить стаканы, и Ержан опять потянулся за белоголовкой.

Их разговор, ставший уже немного беспорядочным, внезапно нарушил орлиный клекот.

Что это случилось с Шапшаном?.. Орел сидел на своем обычном месте, в холодных сенях, за перегородкой. Засыпал он рано, еще до наступления сумерек, а вот сегодня, несмотря на поздний час, никак не мог успокоиться. Трудно было судить, что могло вывести его из равновесия: или эти редкие алтайские красавицы, в честь которых сейчас собрались люди в доме Ержана, или в нем пробудилась досада на свою неосмотрительность, из-за которой он однажды упустил волка. Но так или иначе, орел ерзал на своем пне, бил крыльями о дощатую перегородку, чутунным клювом пытался раздолбить цепь на ногах. У него был приступ тоски. Он тосковал по

свободе, его жгло желание взметнуться в небо, он хотел стать свободным и независимым...

Но ничего этого ни гости, ни сам Ержан не поняли. Они решили, что просто Шапшану не терпится снова на охоту, и он с помощью аллаха добудет еще не одну красную лису. За это снова пришлось налить.

Ержан проводил гостей, вернулся, прошел в спальню и сказал жене:

— Уложи Есентая... Да и тебе самой пора.

Через день после этого Ержан вновь отправился на охоту.

Жена предупредила его, что на ужин особенно не приходится рассчитывать, если он не привезет ей зайца, а лучше — двух. И поэтому, когда Ержан наконец увидел лопухого серого, выскочившего из кустов, он сразу снял с головы Шапшана колпак и резко толкнул его в ту сторону, куда кинулся бежать заяц.

Но Шапшан вместо того, чтобы камнем упасть на добычу, стал уходить от своего хозяина.

— О алла! Куда же он подался?

Если бы орел увидел зверя, более видного, чем заяц, пора бы ему кинуться, высоту он набрал достаточную. Но Шапшан и не помышлял об этом. Он был один на один с чистым небом, он был свободен, и ничто больше его не занимало. Он то взмывал вверх, сливаясь с бездонной синевой, то камнем кидался вниз, то делал плавный круг в сторону. Порой он складывал крылья и начинал падать вниз, но тут же резко поворачивал, подставляя грудь встречному морозному потоку. Только мелькали в воздухе его огромные крылья.

— Кял, кял, кял!

Но Шапшан был глух к тревожному зову хозяина. Он увидел наконец то, что не давало ему покоя все эти дни, о чем он так жаждал в неволе. Он знал, что это случится сегодня, знал, когда еще сидел на гнедом коне, покрытый томагой.

О том, что так будет, говорило все: и ясный морозный

день, и чудом услышанный звук невидимых крыльев, и сердце, которое не может не заставить быть орлом, если оно действительно орлиное, и молодость с ее огненной энергией, искавшая себе выхода.

То, что заставило верного орла забыть про все земное, заметил теперь и Ержан. И все понял. На большой высоте, доступные лишь зрению охотника, летали три орла: два из них беспечно играли, а третий — постарше — держался несколько в стороне. В свое время он смело кидался на самых сильнейших сородичей, теперь же спокойно парил и сдержанно любовался игрой молодых.

А игра только начиналась. Шапшан понял это сразу, с первого взгляда, но вступать в нее пока воздерживался, и лишь однажды, когда игравшие налетели друг на друга так близко, словно готовясь броситься в объятия друг друга, он не выдержал: бурей пронесся над ними.

«Силен! Горд! Напорист! А на ногах что-то такое сверкает, никогда ни у кого не видела», — подумала орлица, невольно любуясь незнакомцем. Горячась, она залетала очень высоко, с удовольствием подставляя грудь ледяной стуже.

С орлом из породы тас-кара¹ она встретилась на рассвете, когда вылетала из душного бора. Тогда черный привлек ее внимание. Играя, они поначалу держались на небольшой высоте. Потом, присмотревшись друг к другу, забирались все выше и выше, и Тас-Кара временами плохо поддерживал предложенный ему орлицей бурный темп.

Мир и широк и тесен для орлиного племени. И друзей у него много и врагов хоть отбавляй. Поэтому нужно такое потомство, которое бы не боялось ни сибирской стужи, ни азиатского зноя. Такое потомство, которое не принималось бы дремать после первого же сытного обеда. Такое, которое не довольствуется сурками и не таится у мышинной норки, хоть оно и сподручней, и не

¹ Тас-кара — каменный черный.

требует никакого риска. Это орлы знают от рождения, знают без каких-либо умственных усилий. Это у них от природы. Вот почему орлица ни за что не подпустит до себя будущего отца своих орлят, не изучив его как следует. Брачному союзу предшествует долгое состязание. И если орел покажет себя низменным, мелким, то пусть не ждет пощады: орлицы умеют постоять за себя, и иной Тас-Кара валится на землю с разорванным зобом.

Хоть Тас-Кара иногда и хитрил, отставая от нее, все же орлица пока не осуждала его, продолжала игру. Справедливости ради надо заметить, что она держала в поле своего зрения и внезапно появившегося незнакомца.

Уже вечерело, но Шапшан все еще летал, просто так, в свое удовольствие, внезапно появляясь и исчезая. Два два он подлетал к орлу, который по-прежнему держался поодаль. Летая с ним в паре, Шапшан вел себя скромно и уважительно:

— Ассалям агалейкум, аксакал. Вы летаете безупречно. Отчего же все время уходите в сторону?

— Оттого, милый, что мое время прошло, и я люблюсь своей сменой, люблюсь ее полетом, хочу разгадать ее помыслы. Я по себе знаю: каждый должен назначить себе высоту, которой он стремится достичь. Но даже если ты не достигнешь ее, все равно — пусть осенит тебя высшая цель! Пусть не позорят тебя низменные страсти, даже если ты и заберешься высоко... Запомни: всегда и во всем нужно быть достойным своего орлиного звания... Вот этого я тебе и желаю, мой друг. Будешь поступать так, как я говорю, то поймешь, что значит подлинная высота.

Не словами, разумеется, все это было выражено, но орлы поняли друг друга. Старик показался Шапшану немного назидательным, но это можно было понять, если учесть его возраст.

И тут хвастливый Тас-Кара, желая блеснуть удалью, допустил оплошность. Он вздумал напасть на старого орла! Он развил с высоты скорость и ринулся вниз, на старика, целясь ему в горло: не жди пощады!

Но старик и не думал ее просить. Грозно блеснув глазами, он выставил заскорузлые, словно из витой стали, когти, и приготовился к решительной схватке: только подойди! Когтистым и мускулистым, опытным в битвах оказался старый орел: и лихач не выдержал, метнулся в сторону, сделал вид, будто и не собирался ни на кого нападать!

Этот исход не понравился орлице. Не потому, что она желала чьей-либо крови. Кровь ни к чему во время игры смелых и мужественных. Нет, она жаждала смелости, щедрости и широты. Чем больше этих качеств у орла, тем милее он ей. Молчаливо осудив Тас-Кара, она полетела прочь, вдоль гор, к востоку. Зачем надо было приставать к мирному старику? А если уж пристал, то где же твое мужество? Трус не может стать спутником орлицы.

Она повернула в сторону и понеслась непринужденно, стремительно. Тас-Кара с трудом поспевал за ней. До этого было просто: небольшие круги, на высоту забирались лишь однажды — словом, полет был не из утомительных. Другое дело теперь, когда началось самое трудное — испытание на дальность. Вся в морозном инее, орлица не замечала ни стужи, ни яростного сопротивления встречного потока.

И скоро Тас-Кара отстал, ему оказалось не по силам лететь в паре с юной и сильной красавицей. Утешало его одно: сзади, едва поспевая за ним, летел старый орел.

Орлицу, которая теперь опередила всех и летела в одиночестве, легко нагнал Шапшан.

— Здравствуйте!..

Орлица сдержанно ответила, и они полетели рядом. У них одинаково белели от инея плечи.

— Что это у вас на ногах? — поинтересовалась она.

— Называется — путы...

— А что это блестит?

— Медные кольца.

Не сговариваясь, орлы дальше летели вместе. При-
сматривались друг к другу. С удовольствием отметили:

одинаковые взмахи, одинаковое дыхание, одинаковая скорость. Редкая и завидная слетанность! В морозном воздухе звенели крылья. Холод не страшен, их грела горячая кровь, звавшая дальше, выше, туда — к солнцу. Безумной скорости орлов завидовал свистевший в крыльях ветер.

К заходу солнца они выбрали ночлег — ветвистую в два обхвата, старую сосну. Выбрали после долгого и тщательного облета густого бора. Уселись рядом, чутко следя друг за другом.

— Что, если здесь сошьем наше гнездо?

— Гнездо? Наше? — она удивленно шевельнула крылом.

— Эти толстые ветви особенно хороши для гнезда — стоит натаскать прутьев... Да и крона густая, она защитит наших птенцов от дождя и ветра, укроет от посторонних глаз...

— Не зря ли вы так стараетесь... Ведь еще неизвестно, что я думаю на этот счет....

Тут в бору появился черный лихач, про которого они уже и забыли. В нем, оказывается, все еще жила ослиная надежда, и он хотел пристроиться рядом с орлицей, но не решился: та неодобрительно задвигала головой, а у Шапшана глаза вспыхнули недобрый пламенем. Тас-Кара засуетился, неуклюже запрыгал с ветки на ветку, пока наконец не примостился на высоком суку. Там он справился со своим смущением, и к нему опять вернулась обычная самоуверенность. Красивая поза должна была загладить недавнюю неловкость, показать, что он равнодушен к орлице, от которой бы он и не отстал вовсе, если бы только захотел сопровождать ее и дальше.

Прилетел и старик. Ему не было дела до молодых, и он устроился отдельно. Не всякая ветка выдерживала его грузное тело. Он усаживался долго и не спеша, как не спеша раздевается старый человек, пришедший домой с мороза. Наконец старый орел нашел подходящую ветку и затих.

Притихли и молодые, они неподвижно застыли в ожи-

дании утра. Ночь, темень — не для орлов. Им нужен свет и простор.

Первым проснулся старик. Заскорузлые когти зудели, чую добычу, и он, не мешкая, отправился в степь, надеясь раздобыть если не зайца, то хотя бы песчаника.

— Полетим? — встряхнулся Шапшан.

— Полетим! — Его бодрость передалась орлице.

— Разминая занемевшие за ночь тела, орлы летели вместе: орлица посередине, Тас-Кара и Шапшан — по бокам. Орлица не гнала черного, хотя и испытывала влечение только к Шапшану. Видимо, небесные красавицы тоже не прочь иметь поблизости лишнего поклонника.

К обеду тройка была уже далеко от места ночлега: внизу простиралась степь. На небе не было ни облачка. Вдруг, приглашая начать игру, орлица взметнулась вверх. За ней тотчас же бросился Тас-Кара. Не сбавляя скорости, орлица продолжала подниматься. Неожиданный маневр застал Шапшана врасплох. Но, несмотря на это, он без труда обогнал соперника и помчался дальше. А Тас-Кара догнал и опередил орлицу. Та, казалось, не замечала ни того, ни другого. Она то круто взмывала вверх, то камнем бросалась в бездну.

Подзадориваемые орлицей, соперники начали поединок. В то время, как Шапшан делал большие заходы, ведя честную игру, Тас-Кара хитрил: не залетал так далеко, как его противник, норовил напасть неожиданно.

Хитрить в игре вообще-то не возбраняется. Но если вся ваша хитрость сводится только к уклончивости (а Тас-Кара постоянно уклонялся от единоборства, даже пытался спрятаться за орлицей!), то этого орлы вам не простят. Поведение соперника разозлило Шапшана. И он, выждав очередной ложный заход, мгновенно лег на правое крыло и с ходу бросился в атаку. Железный удар пришелся слева и сверху. С подбитым крылом Тас-Кара кое-как дотянул до земли, где сидел старый орел. На обед у него сегодня был пойманный незадолго до этого песчаник.

Теперь уже сердце орлицы безраздельно принадлежало Шашпану.

Орлы, если они настоящие орлы, играют открыто, не таясь ни от кого — ни от сплетников, ни от завистников. Их не смутит ни подглядыванием, ни подслушиванием. Потому что они играют не ради забавы, а ради продолжения рода гордых, смелых и благородных.

Задорная игра, которую затеяла орлица, захватила Шашпана. Играли они с упоением, страстно и пылко, то далеко отлетая друг от друга, то сближаясь вплотную, готовые броситься в объятия друг другу, и снова отдаляли это мгновение.

Поздно вечером, прилетев на ночлег ко вчерашней сосне, которая теперь принадлежала им, им двоим, они уже не спорили о том, где и как строить гнездо.

* * *

Двое птенцов, вылупившиеся весной, окрепли, и родители озабоченно подумывали об их первом полете.

Целых сорок дней, отдавая все свое тепло, высиживала орлица два пестрых яйца. Неподвижное сидение истощило ее. Но не беда, что она так похудела — кожа да кости, еще нагуляет жир; не беда, что крылья плохо подчиняются, еще разомнутся и окрепнут. Завтра чуть свет она отправится на озеро, выкупается. И напьется вволю. Она была счастлива от сознания, что дни, когда приходилось довольствоваться пушинками снега и каплями дождя, остались позади.

Время шло, орлята росли и мужали. Глотали дымящиеся теплые куски мяса. Ревниво озираясь друг на друга, пили свежую заячью или лисью кровь. Дрались между собой. Словом, становились настоящими орлами.

Менялась и сама орлица. Прежде, когда она высиживала яйца, у нее не было никакого другого чувства, кроме материнского: она была холодна с Шашпаном, но теперь птенцы начали мужать, и она снова признала его, отца своих детей, и становилась с ним все нежнее. Теперь у них как-то само собой возникло одно желание, тоже воспи-

танное в родителях мудрой природой: поскорее бы птенцы познали жизнь и испытали горечь неудачи. Зима не за горами — успеть бы научить их жизни. Скорее бы увидеть, когда они наконец поймут: то, что они едят здесь, в гнезде, бегают на четырех ногах в степи, в горах, и зайцев, сурков, лис приходится добывать самостоятельно. Скорее бы поняли, что все дается в труде и борьбе.

Отец и мать ждали осенних штормовых ветров, чтобы выпустить орлят в первый полет. Надо вытолкнуть птенцов из уютного гнезда, а сильный ветер подхватит их, завихрит и закружит, — невольно полетишь! Посмотреть бы тогда на птенцов, послушать их тревожный клекот. Или, не дай бог, начнут беспомощно пищать? Вот что заботит орлов. Они так жаждут увидеть своих птенцов орлами, так хотят услышать их первое клекотание.

Осень с ее сильными ветрами не заставила себя ждать. Орлице не терпелось выпустить детей, но Шапшан был неумолим. Он ждал настоящей бури. Что может сравниться с ураганом, который рушит все подгнившее, сносит все отжившее, который очищает лес от всей трухи, от всего застоявшегося! И пусть птенцы начнут свой первый полет именно в такую бурю!

В ожидании настоящей бури Шапшан и сам не знал покоя и не давал покоя орлятам. Решительно отстранив мать, он целыми днями гонял их по просторному гнезду: заставлял махать крыльями, вынуждал цепляться за ветки — пусть натрудят себе мышцы, пусть будут цепкими, пусть крепнут их крылья.

Однажды вечером начал дуть ветер. Он гудел всю ночь и наутро достиг штормовой силы. Чуть свет Шапшан прерывистым криком позвал орлицу.

— Ну, как, выпустим?

— Выпустим.

Сначала они облетели гнездо, размялись. Потом вернулись к орлятам и вытолкнули их против ветра. Толчок был необычный, не из тех, к каким они привыкли. Послушно, еще не понимая, что их ждет, орлята нырнули в бушующее небо. Их подхватил ураган. Орлята взлетели.

Взлетели просто, ничем, ни клекотанием, ни писком, не выдавая своих чувств. Только горели глаза, суровые и смелые, точь-в-точь отцовские. Суетливые поначалу, они становились теперь спокойнее, увереннее. Теперь они смело парили среди бури, выражая радость неожиданным для них самих торжествующим звуком — орлиным клекотом.

— Ух, как хорошо летать! А как велик мир! Отчего мы не знали об этом прежде? Отчего мы так долго сидели в гнезде? А буря? Как хороша эта буря! Она кого хочешь научит летать! Нам бы еще долго топтаться в гнезде, если бы не она, буря! Буря нас вознесла к небу! А теперь... выше и выше... Какая радость, какое счастье — летать!

Отец и мать слушали своих птенцов, и родительская тревога начала рассеиваться. Опасаться нечего. Их дети выдержали свое первое столкновение с бурей.

И они взмыли вверх, чтобы лететь вместе с орлятами.

1966

ЗОВ ЖИЗНИ

мурые ползут над морем тучи, сырыми космами тумана льнут они к вспененным волнам. Нет конца и края им, нет конца медленному их движению. Но вдруг ветер, шальной и теплый, налетит с далекой земли. Сомнет он, раздвинет тучи, и глянет на сердитое неласковое море синими глазами весеннее небо.

Вздогнет, изогнется сильным, как стальной прут, телом самец-рыба Серый-Ярый — из породы Азат-Мая, серебряным мечом прынет над бурным морем навстречу солнцу и весенней сини.

В обычной будничной жизни Серый-Ярый тускл, словно водоросль зимнего моря, но сейчас...

Пришло время яростно мчаться. Оттого блестят глаза его и тело сплошь покрыто жемчужными пестринами. Как жгучую черноту неба пронзает падающая звезда, так темно-зеленую толщу морской пучины пронзает сейчас Серый-Ярый.

Сегодня он плывет широким кругом. Он забыл про осмотри-

тельность и осторожность, навсегда забыл опасные места для выслеживаний и выжиданий. Он горд, он буен и высоко прыгает, стремясь быть видным всем. Теплый ветер с земли сообщил ему великую тайну, синева весеннего неба глянула ему в глаза.

Пусть весь подводный мир смотрит на меня — говорит он всем своим видом. И нет у него больше робости и трепета перед острозубыми хищниками.

Вырывается на широкие просторы, куда прежде не ходил, Серый-Ярый. Самок-рыб породы Азат-Мая, живущих мирно под толстым льдом, он гонит, направляет к берегу, будоражит, торопит. Как орел, свободно парящий в высоком небе, затеял он великий полет.

Сколько раз подводный мир в страхе бежал от него, горюя и оплакивая жертвы. Сколько раз он сам спасался от более сильных. В морских глубинах нет пощады слабым.

Но сегодня зубастые, изогнутые его челюсти плотно сжаты. Нет ему больше дела до слабых, нет страха перед сильными. Презрев все, словно объятый огнем и гонимый чудо-силой, он покинул тишину и сумрак дна, вышел в открытое море. Он мчится без устали...

И вдруг заметил Серый-Ярый, что не один он раскает морскую пучину. Все самцы одной с ним породы Азат-Мая взыграли, волнуя и взъяривая морскую глубь: все больше и больше серебряных молний пронизывает море.

Эти молнии зовут, увлекают самок-рыб, указывают путь великого похода. Они зовут к могучей реке, которая впадает в море далеко на юге.

Только ленивые, равнодушные самцы-кретины спокойны и выжидают время, чтобы примкнуть по пути к великому торжеству. Они еще пасутся у дна, слабо шевеля плавниками, и жмутся к седым от старости Серым-Ярым, которым уже нет дела до таких походов.

Не все еще готово к великому походу: есть беспомощные и слабые. Все это безразлично самцам-кретинам. Они заботятся только о своей утробе. Они даже сами

не готовы к пути, они тусклы, потому что не обновили своего наряда.

Серый-Ярый не позвал их в поход. Он пронесся мимо — сильный и гордый, полный презрения.

Похожие на камбалу, тупорылые, прятались среди лилий у дна морские коты, подстерегая добычу, выставив вперед ядовитые костяные шила. Тысячи хищных обжор рады великому празднику. В суматохе они легко наполняют свое брюхо, покрывают свои ребра жиром.

Серый-Ярый не испугался их, промчался сквозь кровожадную свору. Кто может, кто посмеет схватить молнию?

И миноги готовят ловушку. Хоть и зовутся рыбами, но, как пиявки, тонки они, злы и коварны. Подкрадутся, прилипнут к жабрам, и не оторвешь, не избавишься. Так и тянутся тонкой кишкой до пресных вод, до нерестилищ, и пожирают там свежую икру. Но не страшны сегодня миноги Серому-Ярому.

В дремучих подводных джунглях покой и тишина. Розовые, желтые, коричневые, слабо шевелят своими щупальцами морские звезды. И среди них сонно плавают, погруженные в свои заботы, самки-рыбы Азат-Мая.

Огонь еще не охватил их тела. Им еще невдомек, что впереди их ждет великий путь. Брюхатые, готовые лопнуть от тяжести икры, они спокойны и безразличны, и нет в них пока игривости. Разве не эти вислобрюхие самки — краса предстоящего похода, буйного и искристого веселья?! В них будущее поколение Азат-Мая. Потом, когда они дойдут до пресных вод, до заветного места, разве жаль будет десятка прекрасных Серых-Ярых, погибших за одну из этих толстобрюхих?

Но рыбицы еще не воспламенились, еще не начались у них пляски. Они по-прежнему спокойны и надеются на всезнающих, вездесущих самцов...

И Серый-Ярый понял, что пройдет еще немало времени, прежде чем безудержным своим полетом, своей игрой и блеском удастся заразить самок жаждой похода.

О, эта песня лилась с вышины! Эта песня без слов всколыхнула холодные рыбы души. Это был огонь, сжигающий и в воде, это было таинство, чудо, оживляющее даже мертвых.

Серый-Ярый мчался, разбивая в осколки воду, легко касаясь своим телом, покрытым алым жемчугом, самок. И они, словно объятые пламенем, вспыхивали в тот же миг радугой.

Засверкало, забурлило море. Теперь уже никакая сила не могла остановить Азат-Мая. Все самцы и самки помчались стаями и косяками в сторону нерестилища — реки. Вздогнуло великое море от великого похода. Раскачались, зацвели огненно-красным светом испуганные медузы. Чавыча и Нерка, Кижуч и Сина — рыба родня Азат-Мая — двинулись следом.

Тонкоталии рыбы-девицы со впальми боками, без единой икринки, тоже было устремились вместе со всеми. Но никто не позвал их с собой. А как им хотелось участвовать в великом походе, упиваться общей радостью. Ведь косяк поднимется по реке, дойдет до мелководья, и помечут самки красную икру, самцы же обольют ее белыми молоками. Сколько веселья будет в многодневном пути! Окружат самцы самок, засверкают клинками, оберегая их.

Серый-Ярый знает, о чем думают тонкоталии девицы. Гонит он их в пустые заросли, бьет. Не всякому дано приобщиться к великому веселью...

Стараясь умолить, смягчить своими чарами Серого-Ярого, шаловливо увиваются молодухи вокруг, но, испугавшись неприступного и лютого его вида, в страхе бегут в морские заросли. Они не могут нарушить закона природы.

Это прекрасно знают бурые от старости самцы. Они не трогаются в путь, не мешают остальным, лишь взглядом провожают отправляющийся косяк. Сколько раз в молодые годы проделывали они этот путь, сколько раз возглавляли поход! Теперь им даже неизвестно, что происходит вокруг, только иногда блеснут глаза, словно тра-

зится в них далекая зарница, и сейчас же погаснут под мутной поволокой старости, словно что-то забытое вдруг всколыхнется в рыбьей душе. Мир надежд им уже непонятен. Они все позабыли. Оттого и тянет их в глухие заросли, во мрак, к замшелым камням, где прилепились морские звезды, не умеющие плавать.

Не раз вставало над морем низкое солнце, не раз падало за край его, зажигая небо весенней семицветной радугой, не раз опускалась над миром тьма, пока наконец самцы и самки не достигли устья полноводной реки, впадающей в море.

Беда ждала великий поход в узких речных протоках. Со всего моря сплылись, собрались здесь хищники. Они не утруждали себя погоней, а накнулись на косяк из засады.

Горечь бессилия охватила всех самцов породы Азат-Мая, всех Серых-Ярых. Ведь они страшны только на вид, но у них нет другого оружия, кроме быстрого, сверкающего, как молния, движения.

И тогда, мчась взад и вперед, они собрали широко разбросанный косяк и упрямо пустились против течения, окружив самок плотным кольцом.

Теперь хищники хватали Серых-Ярых, но караван упрямо поднимался вверх, все выше. И отставали нападающие, возвращались в море. А десятки тысяч Азат-Мая неслись в едином порыве, и никто не отклонился в сторону.

Увлек всех поход, собрал воедино и властно погнал вперед. Серый-Ярый ведет, возглавляет косяк.

Ударились вдруг сильные тела рыб о сети, расставленные ворами-браконьерами. Но разве есть на свете такая преграда, которая может задержать поток жизни? Мчится он, сметая все на своем пути. Гибнут одни, другие идут вперед.

Есть ли на свете лучше песня, чем та, которую поет встречное течение могучей весенней реки?! Разве может быть что-нибудь более сильное, чем единый порыв к

великой цели?! Чувствуя это, выравнивался косяк и стремительными тенями несся в быстрых струях.

На другой день перед восходом солнца Серый-Ярый почувствовал, что скоро им встретится водопад. Давила в грудь упругая тяжесть воды, убыстрился бег течения, и уже чудился грохот.

Заметался он вокруг косяка, подгоняя слабых и нердивых. Прянул он над водой и увидел белопенную трехметровую стену. Вода падала с высоких скал, тучи бриллиантовых брызг вставали к небу.

Заволновался косяк. И тогда снова метнулся Серый-Ярый, увлекая всех за собой. Расступилась спокойная выше водопада вода, проглотила его. Гордый подплыл к тенистому берегу Серый-Ярый и стал поджидать свой косяк.

Первыми последовали примеру Серого-Ярого самцы, что плыли вместе с ним впереди. На миг показалось, что кто-то забавляется у водопада, бросая серебряные кинжалы. Влетит вверх клинок, блеснет на солнце и исчезнет, вонзившись в воду.

Трудно приходится самкам. Раскачивает быстрая вода из вислые животы. Взмывают они вверх и, не долетев до гребня, падают на камни и большими сгустками теряют драгоценную икру.

Те, кому не удастся с первого раза преодолеть водопад, отступают, чтобы снова взмыть в воздух.

Еще труднее приходится рыбам, к жабрам которых присосалась подлая минога. Как кони, запутавшиеся в поводьях, бессильны они. Не только самок одолели миноги, но и ленивым, малоподвижным самцам приходится туго. Бьются в кровь они об острые камни, теряют силы.

Серый-Ярый спокоен. Он не жалеет их. Он не первый год в походе и знает: кто не преодолеет преграды, тот не вернется в море. Зачем их жалеть? Погибающие находились в конце стаи, во всем и всегда они были последними. Плыли они толкаясь, суетливо тычась, и движения их были беспомощны.

А вокруг Серого-Ярого снова сгрудился весь косяк, играя. Самки усталые льнут под берег.

«Дошли, наверное... Отдохнем...» — говорят они всем своим видом.

Теперь уже через водопад летели редкие рыбы-одиночки. И снова заметался, сверкая, Серый-Ярый, снова повел вперед подвластную ему армию.

Два дня и две ночи шел косяк по реке. Исчезла тяжесть воды, что давила на грудь и сжимала бока. Бледная, вставала над миром ранняя заря.

Серый-Ярый, шедший впереди, словно убеждаясь в чем-то одному ему известном, взлетел вверх и, разбивая тяжелым телом спокойную гладь реки, радостно взыграл. Он узнал знакомые места. Здесь каждый год метали икру самки Азат-Мая, здесь когда-то родился он.

И тогда, переполненный радостью, счастьем и ощущением силы, Серый-Ярый стал врываться в гущу косяка, ломать строй, словно хотел сказать самкам: «Дошли... Здесь остановка... К делу...» Все самцы поняли его — заиграли, запрыгали.

Здесь было потаенное царство тишины и покоя. В большую реку впадала малая, выстилая дно желтым бархатом песка и мелкими камнями. Сюда вошел косяк, и разбрелись по мелководью усталые рыбы.

Но ни одна из самок не искала покоя и корма, и не погас праздничный блеск в глазах Серых-Ярых.

Встав головами против течения среди мягкого песка и цветных камешков, они стали рыть ямки, круглые, как блюдца.

Из студеного моря шли Азат-Мая, спасались от хищников, рвали сети и бились об острые камни у водопада для того, чтобы излить икру вот в эти ямки, в устье этой тихой далекой реки, где родились сами, где можно дать жизнь своему потомству. Оттого и спешат они завершить приготовление к великому таинству, оттого забыли про голод и усталость.

Гордые самцы-красавцы выются рядом с самками, оберегая их от опасности.

Два дня и две ночи усталые, исхудавшие в пути рыбы делали свое нелегкое дело, а когда пришло время...

Золотисто-красные икринки полились в ямки, как падающие звезды. Серые-Ярые, соблюдавшие порядок во все время похода, теперь словно обезумели. Они бились друг с другом, стремясь облить икру только своими молоками.

Яростную, беспощадную битву затевают орлы в вышине, люди на земле, рыбье же царство вершит ее под водой. Серые-Ярые опьянели. Глаза их не видели, уши не слышали. Десять дней, десять ночей длилась великая битва.

Всё забыли умные и мудрые самцы. В дни похода они думали о потомстве, охраняли косяк, но сейчас... Над ямками, полными нежной икрой, бьются они, брызжа упругими молоками, показывают ловкость и отвагу. Но все чаще чудится в их движениях усталость — все отдали они ради будущего. И уже плывут от тенистых берегов самцы, которые терпеливо выжидали, не участвуя в великой битве любви, предоставив другим участвовать в ней. Предоставив битву другим, они теперь захватили ее упоение.

Млея от сладостного чувства, они жадно глотают золотистые зерна и, сыто подергивая хвостами, обливают остатки икры своими молоками. Они не умеют драться, меряться по-мужски силами. Они приходят после того, когда устанут другие. Они довольны, счастливы и этим.

А когда кончилось великое таинство, когда кончился огненный танец любви и все ямки были покрыты песком, увидел Серый-Ярый, что выбились все из сил. Многих недосчитался он. В пути погибли одни, другие, отдав себя до конца, качались на волнах с незрячими глазами. Но их потомки — много миллионов — лежали в песчаной колыбели, и чистая вода, лаская, омывала их. Через

полгода заиграет у золотого светлого дна, заснует трепетная молодь. Поблескивая желтыми брюшатами, поплывут они по прозрачной воде.

Сильно исхудал, ослаб за месяц похода Серый-Ярый. Потускнели, потухли глаза, движения вялы. Едва плывет он вдоль берега. Невзрачен внешний вид его. Даже в ледяном северном море был он полон огня и силы, а сейчас, в теплой, ласковой реке зябко вздрагивает телом. Проглотил немного пищи, и клонит его в сон.

Но недолго туманит голову Серому-Ярому усталость. Он знает, нет в реке столько пищи, чтобы прокормить подвластный ему косяк. Может случиться страшное — изголодаются рыбы и самые слабые разроют заветные гнезда и станут пожирать икру. Это горе пережил он не раз. Сейчас уже ничто не насытит самок с провалившимися пустыми животами, только безбрежное щедрое море с подводными джунглями может спасти их.

Почувствовав все это, Серый-Ярый поплыл размашисто, кругами обходя свой косяк. Не песня походная была на сей раз в его движениях, другую песню пел он, полный великой любви и тревоги за потомство. Сильна и захватывающая была его новая песня.

Ожил косяк, и стали собираться по всей реке рыбы породы Азат-Мая, и снова, подчиняясь зову вожака, поплыли они за ним. Другие самцы, почуяв, что задумал Серый-Ярый, погнались, заторопили косяк в сторону моря.

Голубая луна кудрявит гребни волн, но не сверкают больше над ними серебряные клинки играющих рыб. Темна речная глубь, и торопливо, подгоняемые течением, дружно несутся к морю быстрые тени. Только самцы изредка обходят косяк, стерегут его от врагов.

У водопада, который все так же гремел валами и грыз камни, как и раньше, остановился Серый-Ярый, пропуская мимо себя косяк. Шли мимо усталые, свершившие великое дело рыбы, и он с грустью смотрел им вслед. Другим суждено отвести их в море.

Он повернулся против течения и медленно, преодолевая усталость, поплыл назад, к заветным ямкам. Ласкала

ночная река, лунное серебро текло навстречу, звеня на камнях. Не покой, а тревогу несли с собой беспокойные струи. Вечная тишина стояла над миром, словно и не было совсем недавно радостного торжества, и не волновались морская и речная глубь от огненного танца любви.

Но знал Серый-Ярый: не кончена радостная песня. Он плыл назад, чтобы уберечь, выпестовать потомство, а когда придет время, привести миллионы новых Азат-Мая в глубокое море, чтобы, повинувшись вечному зову жизни, они повторили через много лет великий поход, великую песню моря.

1958

РАССКАЗЫ
С
НАТУРЫ

КТО СТРЕЛЯЛ В ВОЛКА?

Н

ас было трое. Министр, ученый и я, писатель. У каждого за спиной тяжелая связка убитых фазанов. Их яркие перья блестят, переливаются на солнце, словно перья павлинов. Фазаны — сплошь самцы. Самок мы не стреляли.

Связки тащим с трудом. Мы набрали на глухое место, где, как видно, и человеческая нога не ступала и где было полно фазанов. Одни после наших выстрелов падали камнем, другие — распутив перья. Были и такие, что попадали чуть ли не прямо в коржун. Охота была удачная, настолько удачная, что разговоров теперь, надо полагать, хватит на два года.

Нам давно говорили, что в пойме реки Или есть одно тихое местечко, где фазанов видимо-невидимо. И действительно, посреди реки было три небольших островка. На них, видимо, за весь год никто не бывал. Здесь рос густой тальник, джида и джингил. Кустарники так переплелись, что невозможно было пройти. А трава — по пояс.

Один из островков находился несколько в стороне. Кустарники там перемежались песчаными холмами. Посреди островка высилась одинокая могучая туранга...

Утомленные, но довольные удачной охотой, мы отправились на этот остров. Ведь настоящие охотники не отдыхают там, где много дичи. Мы тоже решили подальше уйти от соблазна.

Был конец августа, стояла сухая жара.

Мы вошли в теплую воду и медленно побрели к острову. Роста мы все подобрались среднего, один чуть пониже, другой чуть повыше.

Связки фазанов волочились за нами по воде. И мы только сейчас поняли, что немного перестарались. Каждый из нас имел разрешение на трех фазанов. На троих, следовательно, приходилось девять. А настреляли столько, что едва несли. Всем было немного неловко, поэтому мы брели по воде молча.

Первым заговорил министр:

— Кажется, перегнули палку, а, джигиты? Задержат, неудобно будет.

— Ничего. Ночью поедем. Не заметят... — неуверенно ответил ученый.

Я промолчал. Но связка фазанов за моей спиной показалась мне вдвое тяжелее.

Добрались до острова и стали торопливо прятать свою добычу. Ученый проворно вырыл яму у подножья песчаного холма и закопал своих фазанов. Мы с министром спрятали добычу в кустарник возле туранги.

Настоящие охотники не разжигают больших костров, не дымят бестолку на всю округу. Поэтому мы выгасили термосы и поставили их перед собой. Истинные охотники щедры. Мы тоже раскрыли друг перед другом наши сумки, развязали узелки. Появились красные и белые головки бутылок. Не в правилах настоящих охотников поднимать шум. Поэтому мы тоже разговариваем тихо, сдержанно. Бывалые охотники всегда настороже. Мы тоже начеку. В руках держим чашки, но глазами зыркаем вокруг, и уши слышат каждый шорох.

— Ой-бай, лань! — тихо вскрикнул вдруг ученый и мгновенно припал к земле. Шея его вытянулась и напрыглась, глаза лихорадочно и хищно заблестели. Чашка его опрокинулась, по газете растекалась коричневая лужа коньяка.

— Это не лань, это косуля, — прошептал министр и тоже притаялся, прижавшись к земле. Его чашка наклонилась, через край ее потекла струйка коньяка.

Я ничего не увидел, но тоже прижался к земле, опрокинув свою чашку с коньяком. Сердце запрыгало в груди.

Не было ни министра, ни ученого, ни писателя. Остались одни охотники.

К водопою через джингиловые заросли прошли три косули. Самка с двумя детенышами. Чуткие и трепетные животные пугливо озираются, словно чуют опасность. Настороженность чувствуется и в поведении детенышей, но их еще не покинула доверчивость и детская шаловливость.

Ушки их насторожены, а сами они ласково жмутся к матери.

Один из детенышей вошел по колени в воду, робко обмакнул острую мордочку и поднял голову. Отглянулся, прислушался. Древний инстинкт как будто предостерегал его. Вот козленок снова наклонился к воде...

И вдруг косуля-мать со вторым детенышем прыгнули в сторону и, взметнув песок, мгновенно скрылись за холмом. Из зарослей джингила выскочил огромный матерый волк. Козленок прынул в воздух перед самой мордой хищника. Мы слышали, как лягнули зубы. Козленок помчался по воде прямо на нас. От страха он сжался в комок и стремительно летел вперед упругими скачками. За ним, поднимая тучи брызг, грузно бежал волк.

Мои друзья схватились за ружья.

— Волка, волка бей, — нетерпеливо зашипели они друг на друга.

Хищник гнался за козленком, приближаясь к нам ближе и ближе. Козленок делал отчаянные двухметро-

вые прыжки, а волк, высунув язык, тяжело гнался за ним.

На берег козленок выскочил уже совсем обессиленным. Волк отстал от него всего метров на пять, но даже не запыхался. Почувствовав под лапами твердый грунт, он понесся быстрее. Расстояние между ним и козленком угрожающе сокращалось.

Козленок, видимо, заметил нас и шарахнулся в сторону, побежал по самому гребню песчаного холма. Волк уже разинул горячую пасть, рычал злобно и глухо, глаза его стали белесыми от ярости, казалось, стоит ему сделать еще один рывок или хотя бы клацнуть зубами, и не выдержит робкое сердчишко козленка.

Почти одновременно грохнули два выстрела. Козленок чуть споткнулся, перевернулся несколько раз через голову и застыл, зарывшись головой в песок.

Волк шарахнулся в сторону и скоро скрылся за бугром, словно его и не было.

Мы посмотрели друг на друга.

Термосы так и остались неоткрытыми. Каждый молча складывал свои вещи. Мы старательно отводили друг от друга глаза. Хмуρο поплелись к машине. Убитый детеныш косули лежал на песке, вытянув вперед шею, черные выпуклые глаза его медленно тускнели. Никто и не думал его забирать.

С того дня мы, трое охотников, больше не встречались.

ТИМКА

Рэту баню я начал ходить еще до войны. Она ютилась в темном тупике и не отличалась чистотой. Кроме того, чтобы помыться, приходилось выстаивать длинную очередь. И все-таки я привык к этой бане. В ней было жарко и уютно.

— Веник есть? — спрашивал я, когда в раздевалке дежурил русский банщик.

— Есть, — отвечал он и молча шел за веником.

Если дежурил старик-уйгур, то в ответ на вопрос, есть ли веник, он отвечал так же коротко: «баг». Не «бар» и не «бах», у него получалось какое-то странное слово, которое я не в силах произнести.

Когда же обращался к третьему банщику, старому казаху, он вообще не отвечал мне, просто молча протягивал мне веник.

Да и о чем было говорить? Каждый давно знал, сколько стоит веник.

Я так привык к этим немногословным разговорам, что считал: в бане и не может быть по-другому.

и по именам друг друга не знали. Уже четверть века мы были знакомые незнакомцы.

Как-то в этой же бане я встретился с одним из наших именитых писателей. Он мне потер спину, я — ему. Помяли, поскребли, потешили друг друга. Довольные, уселись рядом и только было собрались перейти к городским сплетням, как услышали донесшийся из раздевалки крик Тимки: «Назат! Назат!»

И наш разговор перешел на Тимку. Писателю тоже были известны кое-какие странности банщика. Он рассказал, как однажды дал Тимке лишний пятак, и тот молча вернул деньги обратно. Я в свою очередь рассказал, как Тимка взял у меня взаймы. Мы безобидно от души посмеялись.

Но вдруг писатель оборвал смех и подозрительно спросил:

— Ты почему мне об этом рассказываешь? Или пронюхал, что я тоже собираюсь просить у тебя взаймы?

— Да что ты! Тебе-то зачем занимать? У тебя же книга в тридцать листов выходит.

— Задерживают... Месяцев на пять.

— Ну что ж, пожалуйста. Сколько тебе надо?

— Двести.

— Хорошо, заезжай завтра.

— Только ты не подумай, что я, как этот банщик, — сказал он, — займу — и с концом, будто знать тебя не знаю. Как выйдет книга, тотчас верну.

Спустя несколько дней я уехал из города по делам и месяцев пять в этой бане не был.

А когда осенью пришел туда, старики-банщики, русский и уйгур, поглядывали на меня и загадочно посмеивались. Тимки не было. Я спросил, не случилось ли с ним чего.

— И не спрашивайте, смех один...

— Что такое?

— Тимка в начале месяца ушел в отпуск....

— И теперь каждый день моется в бане. Вот смех-то...

— А по субботам и понедельникам торчит в бане с утра до вечера, — смеясь рассказывали банщики.

— Зачем же он сюда приходит? — спросил я.

— Вас все хочет увидеть.

— Дело есть, говорит.

Видно, очень уж забавным казалось старикам, что у бессловесного Тимки может быть к кому-то дело.

— Сегодня ведь понедельник. Сейчас приплетется.

Не успели старики вдоволь посмеяться, как, действительно, волоча ноги, пришел Тимка. Старики мигом перестали смеяться и отвернулись. Но переглядывались. Очень уж им было интересно, какое у Тимки ко мне дело.

И на этот раз не поздоровался со мной Тимка. Подошел, сунул куда-то за пояс брюк три пальца, вытащил что-то круглое, твердое, свернутое точно пробка от пузырька для насыбая, и вложил это мне в руку. Я подумал, что это или заявление или письмо, развернул и увидел две склеившиеся липкие пятирублевки.

Должно быть, я покраснел, но Тимка даже не взглянул на меня. Отвернулся и пошел прочь.

— Тим... постой-ка! — окликнул я его.

— Сейчас, — ответил он и куда-то побежал.

Я опустил на лавку, продолжая держать в руке засаленные потные пятирублевки. Они все еще были теплые.

Ко мне подошли старики-банщики, русский и уйгур, и с любопытством поглядывали на меня.

Я сидел и не знал, что им ответить.

Скоро вернулся Тимка. Но уже радостный, счастливый, с широкой улыбкой на изможденном лице.

— Ну-ка, садись тут, со мной, — пригласил я его. Но Тимка сесть отказался. Он протягивал мне еще какую-то мелочь.

— Вот, агай, остальные...

Трудно было заставить Тимку разговориться. Еще труднее было уговорить его взять деньги обратно. Я долго объяснял ему, что дал эти деньги вовсе не взаймы,

а просто так, потому что они были ему нужны. Но он только качал отрицательно головой. Я старался силком всунуть эти злосчастные бумажки ему в руку, но он не разжимал ладоней. И бумажки упали на мокрый пол, а медяки, глухо позванивая, раскатились, разбежались по всем углам. Что я мог с ним поделаться? Я вскочил, обнял его за плечи.

— Родной мой, дружище! Если не возьмешь деньги, я на всю жизнь обижусь. И больше никогда не приду в эту баню. Ты просто не уважаешь меня...

Помню, я не жалел тогда слов, чтобы уговорить Тимку, этого робкого, тихого банщика.

Наконец он согласился и взял деньги.

Успокоенный я пошел мыться.

Ошпарив кипятком свой веник, я зашел в парную и тут увидел своего знакомого писателя. Распаренный, красный, он яростно стегал себя веником, удобно устроившись на верхней полке. Меня он сразу заметил. Заметил и отвернулся.

Я не стал его смущать. Даже не подошел к нему.

Иногда хорошо, если в бане темно... Хорошо, когда парную заволакивает густой пар. Мой должник «незаметно» прошмыгнул в предбанник. И пока я мылся, успел уйти. С тех пор, встречаясь со мной, он торопливо проходит мимо и не замечает меня. Видимо, не узнает...

АМИНА

Н

икто не знал, что происходило на горном озере Егиз-Куль.

Небо было ясным и безоблачным, солнце щедрым и горячим.

Лишь недавно спал поток машин с людьми, которые хотели провести воскресный день на высокогорном озере. Отдельные машины еще и сейчас поднимались по горной дороге.

Но было как-то беспокойно. Смутно угадывалось непонятное напряжение во всем. Сороки и вороны внезапно всполошились, подняли такой гвалт, будто не находили себе места. Они громко хлопали крыльями, стаями поднимались в воздух, тревожно носились по склонам гор.

Амина возилась с ребятами и ничего этого не замечала. Один малыш радовался, что подпрыгнул выше, чем другой, и вместе с ним надо было радоваться воспитательнице. Другой внезапно захныкал, потому то в сандалии ему попали камешки, и воспитательница хмурилась словно ей тоже было больно. А тут у какого-то неудачника

упорхнула бабочка, и надо было ему помочь снова поймать ее.

Быстро летели дни. Амина любила детей, придумывала для них интересные сказки, игры. Некогда было скучать ей, матери сорока детей.

День обещал быть светлым и радостным. Еще вчера малыши перед сном спрашивали:

— Амина-апай, а что завтра будет?

С веселой, доброй и чуткой Аминой малыши вовсе не вспоминают о своих родителях. Всем им она — ласковая, внимательная, заботливая мать. Она помнит, когда, где и кто из них занозил палец или ногу. И радостно, ох, как радостно малышам, когда Амина-апай улыбнется им, похлопает кого-нибудь по спине или скажет доброе слово.

Малыши эти — дошколята. Их детский сад далеко от районного центра. Голубое здание с открытыми верандами стоит вблизи водопада. Вокруг большой фруктовый сад. Сладким соком налились яркие вишни. А яблоки еще зеленые.

Все сорок два малыша играли сейчас в саду.

Откуда-то сверху, со стороны Егиз-Куля долетел смутный гул. Амина оглянулась. Ей показалось, что внезапно налетел порыв сильного ветра. Но ни один листок на деревьях не шелохнулся. А гул все нарастал, нарастал и вдруг перешел в оглушительный грохот. Земля мелко задрожала.

Дети бросили игры и сбились в кучу, словно испуганные ягнята. Некоторые заплакали. Все стали звать воспитательницу.

Амина поняла, что в горах творится что-то неладное, и кинулась к ребятишкам.

— Не бойтесь, не бойтесь, — успокоила она их. — Ничего страшного нет. — Над головами малышей мелко дрожали сережки вишен. В воздухе стоял невнятный напряженный гул. Казалось, кто-то пытался сдвинуть с места горы. Небольшое озеро, что находилось выше водопада, вдруг покачнулось, закипело и опрокинулось, словно каменная чаша. Вода хлынула вниз, поглотила водопад.

Камни величиной с дом нехотя тронулись с места и с грохотом покатались, увлекаемые водой.

Вода все быстрее разгоняла их, и они неслись впереди разъяренного потока, словно черные яки, обезумевшие от ужаса. Иногда вода захлестывала и перегоняла их. Но камни вскоре снова вырывались вперед и с гулким стуком перегоняли густо-коричневый пенный поток.

— Эй, что стоишь? Беги!— крикнул кто-то Амине.

Она обернулась и увидела, как от кухни побежали повара — две женщины и один мужчина. В руках у женщины был половик, один из поваров прихватил с собой дуршлаг, другой — баранью ляжку.

Кухня находилась на берегу реки. Яростный поток уже почти достигал ее. И люди бежали без оглядки, только развевались их белые халаты. Вот они уже скрылись за холмом.

Амина повела детей к дороге.

А вода уже вырвалась из берегов и неотвратимо потянулась к голубому домику.

Со стороны Егиз-Куля на большой скорости приближались две легковые машины. Амина стала у обочины и подняла руку. Машины, не сбавляя скорости, вихрем пронеслись мимо. В них не было никого, кроме шоферов.

«А где же хозяева этих машин?» — с тревогой подумала Амина.

Вот появился «газик». Она снова подняла руку.

Видать, в машине был сознательный человек, остановился. И сразу позвал:

— Мира! Беги сюда! Скорей! Мира!

Встряхивая кудряшками, побежала к отцу девочка. Он поднял ее и усадил в машину. И тут взмолилась Амина:

— У вас же свободно... Заберите хоть десяток малышей...

— Дом наш... дом затопляет. Спешу! Некогда! Сейчас будет проходить наша машина, грузовая, девятнадцать-сорок. Останови, скажи, что я разрешил. Поняла?

«Газик» рванулся с места.

Теперь машины проносились одна за другой. Амина уже не опускала руку. Но ни одна из машин не остановилась. Были и грузовики с детьми, со скарбом, стульями, столами. Легковые почти все были пусты. Но как их остановить? Люди обезумели. От страха у них лезли на лоб глаза.

А вода подходила все ближе и ближе. В низинах она уже перебралась через дорогу, и там, где был асфальт, кружились пенные воронки.

Амина повела детей на придорожный холмик. Они стояли там рядышком, словно куколки.

Теперь не только она, но и дети тянули руки, кричали, просили... Но ни одна машина не останавливалась. Люди словно обезумели.

Вот друг за другом мчатся три грузовика. Амина встала посреди дороги, подняла руки. Водители издали заметили ее и принялись сигналить. Но Амина не двигалась с места.

И когда машины были уже совсем близко, она легла на дорогу. Вот машины уже в двадцати метрах... Амина закрыла глаза.

И передняя машина, захлебываясь ревом, осела, вздыбилась, но колеса, пыльные, неподвижные, в бороздках и полосах, словно спины гигантских змей, угрожающе надвигались.

Резкий запах горелой резины ударил Амине в нос, но она не шелохнулась.

— Сволочь!

Она открыла глаза и увидела высунувшегося из кабины шофера.

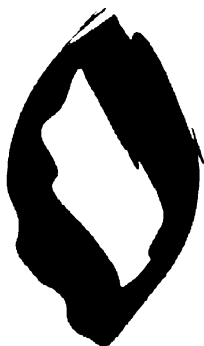
Малыши бросились к воспитательнице, окружили ее. У шофера нервно прыгали мускулы лица, а глаза были совершенно белыми.

— Ну, встань же, садись скорей!

По искаженному лицу шофера катились слезы, зубы звонко выстукивали мелкую дробь.

Малыши полезли в кузов. Скоро машина была в райцентре.

БРЮЗГАЕВ-МЛАДШИЙ

н вошел в мой кабинет этакой молодцеватой непринужденной походкой. Бросил увесистую папку на стол, а сам смаху бухнулся в кресло и вытянул ноги.

Минут десять назад он звонил мне по телефону и просил его принять. Меня сразу насторожил его голос, настойчивый и в то же время разболтанный с едва уловимой наглинкой. И все-таки я решил с ним поговорить.

Он увидел пачку сигарет на моем столе и сразу потянулся к ней.

— Разрешите?

— Пожалуйста. — Я подвинул к нему пачку.

— О, «Лайка»... Это, наверное, что-то особенное? Мы, простые смертные, курим в основном «Беломор».

— Да нет, ничего особенного.

— И все же... — Он двумя пальцами взял сигарету.

Я напомнил ему, что через полчаса у меня совещание и что я предупреждал его об этом.

— Что ж, — пожал он пле-

чами, — я уже дважды писал вам, но вы не изволили ответить.

Я действительно получил его письма, но не ответил на них так же, как и на многие другие... В день мне приходят десятки писем, и если бы я стал на все отвечать, то это грозило бы перерасти в мое основное занятие.

— По-видимому, не ответил, — сухо сказал я.

Он немедленно воспользовался моим признанием.

— Вот видите! Разве это правильно? На письма надо отвечать.

Я согласно кивнул:

— Вас, наверно, задело, что я раскритиковал ваш рассказ?

— Критиковали мой рассказ? Извините, но такого письма я что-то не припоминаю. А в чем выражалась ваша критика, позвольте спросить?

— В своем рассказе вы изобразили двух пьяниц... И что они у вас делают! Толкутся под деревом и непристойно себя ведут. Один из них даже имел наглость помочиться на дерево! Это так вы изображаете советских людей! — с пафосом воскликнул он.

— Таковую критику я припоминаю. И на нее-то, кстати, я ответил. Разве вы не получили моего письма?

— Нет, не получил.

— А как ваша фамилия?

— Брюзгаев.

— Брюзгаев? Ну тогда получили. Ваша фамилия мне хорошо запомнилась.

Он криво усмехнулся. Откинулся на спинку кресла. Пепел с его сигареты посыпался на ковер.

— У меня есть одни давние знакомые, — продолжал я, — тоже Брюзгаевы. Возможно, вы даже родственники. У вас такие же тусклые глаза, а в лице что-то телячье...

Я прямо взглянул на него, и он сразу сник.

Признаться, мне вначале даже понравилась его неза-

висимость, дерзость: человек молодой, что на него обижаться... Мне нравится горячность молодых людей, их уверенность в себе.

— Так, значит, вы критик? — уже мягче спросил я, возобновляя прерванный разговор.

— Нет, я фельетонист, — пробормотал он, — и хотел, чтобы вы прочитали мои фельетоны...

— Что ж, оставьте. Прочту.

— Видите ли, все это написано так — чирк-мырк, от руки...

— Тогда отпечатайте на машинке и принесите.

— Но... — он весь сгорбился и поник. — У меня сейчас с деньгами туговато...

Он вытер пот со лба. На лице его застыла беспомощная улыбка.

Мне стало жаль его. Редко можно увидеть такого жалкого беспомощного мужчину. Мне хотелось что-нибудь сделать, чтобы не дать ему так пасть.

— Так, значит, вы фельетонист, — снова повторил я. —

Напишете фельетон, если я вам дам материал?

— Напишу, — востепенулся он.

Я привел его в новую баню. Мне давно уже говорили про эту гордость столицы. Но при этом замечали, что там процветает бюрократизм. Мне было одинаково интересно и побывать в новой чудо-бане, и познакомиться с бюрократизмом совершенно нового типа — баннным бюрократизмом.

Баня и в самом деле была великолепна. Удобна, светла и просторна. И тем не менее материал для фельетона встретился нам уже у входа. В огромном зале было две кассы для двух отделений бани — мужского и женского. У каждого отделения по два контролера. Одни контролируют входящих, другие выходящих. И все изнывают от скуки.

Я подошел к «мужской» кассе. Стоявший передо мной мужчина попросил два билета в номер.

Сомлевшая от безделья кассирша потянулась, сонно подняла глаза, оторвала два билета, написала карандашом номер, записала что-то в большую книгу учета, потом протянула билеты в окошко.

— Два билета в общее отделение, — попросил я.

На этот раз билеты были выданы без регистрации.

В зале в ряд стояли автоматы газводы.

— Попьем водички, — предложил я и попросил Брюзгаева разменять в кассе десять копеек.

Он с готовностью кинулся к кассе, но кассирша отказалась разменять деньги.

— Не имею права. Меняют вон там, в углу.

Действительно, в углу зала за большим столом сидел широкоплечий парень, менявший мелочь. На столе были раскиданы, словно отара в степи, медяки. Разменщицы монет работали ежедневно в три смены.

Мы направились в общее отделение. Внизу нас остановила женщина-контролер. Она оторвала одну треть билета и предупредила:

— Вот до сих пор отдадите банщику, а остальное предъявите контролеру при выходе.

Мы поднялись на второй этаж.

— Ну как, — спросил я у молодого человека, — достаточно материала на фельетон?

— Предостаточно! — воскликнул он. На каждом этаже по несколько нелепостей.

— Значит, напишете?

— Напишу.

Когда мы спускались вниз, у входа нас остановил еще один контролер:

— Ваши билеты...

— Выкинули там... наверху.

— Как? — встревожилась женщина. — Что значит выкинули? Может быть, вы подниметесь и поищите...

— Нет. Мы выбросили их в мусорный ящик.

— Но вы должны были контроль предъявить мне.

— Мы уже показывали билет вон тому контролеру.

— Она сама по себе, а я сама по себе.

— Как же быть? — развел я руками. — Вы уж нас простите на первый раз.

Кое-как нас выпустили из бани.

— Что ж, — сказал я, — если у вас такое затруднение с деньгами, что не можете даже отпечатать свои фельетоны на машинке, я готов одолжить вам двадцать пять рублей. Как опубликуете свой фельетон, так и рассчитаетесь. Десять дней вам хватит?

— Ну, конечно, хватит! Хорошо, договорились!

С тех пор прошло четырнадцать месяцев, но нет ни фельетона, ни тем более двадцати пяти рублей.

А в бане в конце концов и без фельетона одумались и навели порядок.

**ЧЕРЕЗ
ДВАДЦАТЬ
ЛЕТ**

РАССКАЗ СПИНЫ

то был настоящий удар. Удар в спину... Такого толкового удара моя спина никогда не испытывала. Он меня в дугу согнул да пятками голову чесать заставил. Благодарение спорту: не быть бы мне живым, если бы не его закалка.

Раньше, в детстве, я тоже бивал в чужие спины и, не скрою, сам не раз оказывался битым. Но такого удара, столь неожиданного и сокрушительного... нет, такого мне не доводилось ни наносить, ни получать. Будь это не моя, а какая-нибудь другая спина, скажем, пожилая, женская или детская, убежден, — пришлось бы распротиться с головой, только бы и видеть, как она катится по мостовой.

В тот день немало голов покатилося...

В момент, когда моя голова нелепо запрокинулась, я успел осмотреться. Но ничего не увидел — за мной была одна пустота. Да, это случилось мгновенно. Но человеческий взгляд, по-видимому, не менее быстр.

Еще минуту назад здесь теснились высокие каменные дома. А теперь их нет, они исчезли. Осталась лишь пугающая черно-бурая дымящаяся гладкость. Помнится, большие пожары, сильные землетрясения, даже они оставляли после себя хоть что-нибудь: обгоревшие стены, одиноко торчащие дымоходы, запыленные деревья, руины. А тут ничего не осталось, ровно ничего, словно ничего и не было. Невидимые обычно из-за высоких зданий, горы теперь просматривались отлично: они были на своем месте. Еще я успел заметить, как с неба дождем падали удивительно широкие доски. То были крыши, спускавшиеся как бы после необычного, никогда им не снившегося полета. Среди сотен парящих крыш плавало нечто такое, что трудно было разглядеть. Но я узнал людей, вернее, их трупы. Взлетели они, видимо, одновременно с крышами. Но там, в воздухе, кто-то их рассортировал по тяжести: трупы спускались гораздо быстрее. Некоторые из них своим видом напоминали кресты.

Все это я увидел, будучи согнутым в дугу, когда мои ноги и голова спешили навстречу друг другу, оставляя меня внутри своих необычных траекторий. Увидел, когда мой разум и мои чувства стали плохо слушаться меня, когда белое начинало казаться черным, а черное — белым. Увидел, когда упавший недалеко от меня черный камень вспыхнул, словно вата, ярким пламенем. Потом... Потом беспмятство, обморок, столбняк, одурение...

Последнее, что мне запомнилось, — это место, где меня настиг коварный удар. То — одна из окраин города с узкими улицами одноэтажных домов. Такие окраины японских городов удобны для жизни и по-своему красивы. Это, как правило, самые обжитые уголки города, их обживали еще деды наших прадедов. Дома там обнесены стенами, выложенными мелкими камушками, а небольшие дворы будто списаны с японского ландшафта: микроскопические горки напоминают настоящие японские горы, крохотные бассейны похожи на настоящие японские озера, — те же реки, те же мосты. Низкие вишни, призе-

мистые сосны. Обязательно хризантемы. Не двор, а густой подстриженный зеленый ковер... Японки так любят и умеют ухаживать за двором. В этом отношении им даже война не помеха.

Я шел по узким улицам, прислушиваясь к тихой и грустной мелодии. Японцы тогда не играли никакой другой музыки, кроме грустной, потому что им было стыдно за войну, которую они вели не по своей воле. Было душно. Но я не замечал духоты — меня пленяли печальные звуки, доносившиеся из чьей-то усадьбы. Вот в таком состоянии и застал меня тот удар. Ошеломленный, я не успел увидеть, что стало с тем кварталом одноэтажных домов...

Когда и где я пришел в себя — это до сих пор остается для меня загадкой. Не знаю, долго ли я лежу в оковах этой гипсовой колодки. Иногда кажется, что был без сознания недолго: день, два. Но говорят, что в американском институте военврач целых два месяца злился на меня. Какой, мол, упрямый болван, так долго скрывает, как и на каком удалении от эпицентра взрыва поражена его спина! Неужели не понимает, как нужна для военной науки его информация! Нет, он хорошо понимает. Но не хочет, не желает говорить. Оскорблен?.. Обижен?.. Протестует?.. Но какой может быть протест, когда вся Япония покорно склонилась перед нами. Вся Япония лежит у наших ног, покорен император, покорилось твое солнце, глупый япошка!..

Нет, напрасно гневались на меня господин американский военврач и его коллеги из института, ибо я тогда вовсе не оскорблялся. Не до этого было. Возмущался я позже. После, когда боль от ожогов несколько затихла. Боль возмущения, горечь оскорбления, конечно, сильнее физической боли. Но пришла она позже, гораздо позже. Напрасно злился на меня американец... Совсем напрасно.

Нет, вовсе не упорствовал я, да и не мог упорствовать, потому что ничего я тогда не ведал, даже того, почему я,

замурованный, нахожусь в больнице. Мое слабое сознание ничего не могло восстановить, кроме одного видения, того, что связано с ударом в спину. А что, собственно, я видел? Даже это нелегко было осмыслить. Осмысление пришло позже, гораздо позже...

Когда вернулось сознание, я спросил, почему я лежу здесь.

— Ваша спина, точно копия географической карты Японии, — пошутил доктор. — На правой лопатке расположился Хоккайдо... Великий Хонсю занял, как это и следовало, весь правый бок... Он отделяется от соседнего Кюсю узенькой здоровой полоской — проливом Симоносеки. Благодарите бога, что они, эти острова, разместились не на левом боку!

Когда именно, через сколько месяцев после удара я задал этот вопрос доктору, — не помню. Помню только, что не раз порывался задать его, но почему-то не мог.

Другой раз шутки доктора еще больше польстили моему самолюбию. Он сказал: «Вы отлично выглядите, дружок. Японский ландшафт, верьте, и тот позавидует вам. Горы? Вот они: Фудзияма, Асахи. Хребты тоже есть: узнаю Тюоку, Кюсю. И даже Хиросима с Нагасаки изображены точно на своих местах, хотя их давно там нет. Нет, ни одна из географических рельефных карт военных лет не может соперничать с изображением на вас... Красивая, точная карта...

— Доктор, но как все это случилось?

Его глаза гневно сверкнули. Казалось, стекла очков не выдержат такого гнева. У японцев глаза небольшие, умные и немного грустные. Но, бог мой, сколько, оказывается, накопилось возмущения в глазах веселого доктора! Они смотрели грозно, очень грозно.

— Танека Урико! — резко повернулся доктор к женщине средних лет. — Почему вы до сих пор не объяснили ему?

— Я объясняла... Я пыталась объяснить...

Да, она права, она пыталась мне растолковать, но я

никак не мог понять, как это можно вмиг уничтожить два больших города, убить половину их населения.

Доктор подсел ко мне.

— Прошу вас, будьте мужчиной, выслушайте спокойно. На два наших города американцы бросили атомные бомбы.— Было заметно, что доктор едва справляется со своим волнением.— Зачем? Ведь просил же я вас быть мужчиной. Ставили опыты. Первый раз для пробы, второй — чтобы убедиться, что данные пробной бомбежки не случайные... Что? Об этом нет единого мнения. Возможно, для того, чтобы окончательно прибить Японию, хотя она и так признала свое поражение... Да и союзников припугнуть не лишне... Войны всегда предполагают какой-то дележ—все всегда хотят урвать побольше, утвердить свое превосходство... Не так ли? Вот для чего, говорят, бросили они свои бомбы. А теперь отдохните. Полнейший покой.

— У меня была мать, была сестра... Нельзя ли связаться с ними?

— Как ваша фамилия?.. И где вы жили?

— В квартале «Утренней зари»...

— Этого квартала теперь нет...

— Мать работала в центральном парке...

— От парка осталось пустое место... А теперь молчи, отдохни...

Доктор прав, надо молчать... Горе здесь не поможет: если завоеванный народ начнет сетовать, оплакивать, будет убиваться денно и нощно — этим он наживет лишь желтуху и ничего больше!

С тех пор прошло двадцать лет. За это время меня шестнадцать раз клали в больницу. Шестнадцать раз латали спину. Очень нелегко таскать на спине такую ношу, как география целой страны. Разумеется, поражена моя спина не вся, на ней уцелели узенькие полоски здоровой кожи, точь-в-точь напоминающие, как говорит доктор, голубые полоски вод между многочисленными японскими островами. Вот и отрезают от этих полосок и

кладут на пораженные места. И так без конца. А там, где отрезают, появляются новые раны...

Теперь я страдаю белокровием. Белые кровяные тельца, увеличиваясь, все больше вытесняют красную кровь. Чтобы прожить двадцать лет, пришлось бороться немало. Буду и дальше бороться.

Мне еще нет и сорока. Очень хочется иметь свою семью. Но кто пойдет за меня? Жениться на больной белокровием? Не хочу, не желаю умножать на свете уродов. Пожалуй, доктор был прав. Надо быть мужчиной, надо быть терпеливым, терпеливым по-мужски.

РАССКАЗ ГЛАЗ

Айко я узнала издали. Она меня тоже. Девушки уже давно сидели в машине, а Айко дожидалась меня. Японки не любят кричать, у нас не принято громко кричать, и она просто машет своей сеткой с термосом — торопит меня.

Торопит, потому что нам надо ехать в соседний поселок, помочь отремонтировать там школу. Я застряла на другой стороне улицы: помешали подъехавшие к остановке встречные трамваи.

Дождавшись, пока они разъехались, я заторопилась к нашему школьному саду, туда, откуда Айко призывно махала своей сеткой. Школу окружал густой сад, и шум трамваев до нее не доходил. Я мчусь, не жалея ног. Мне стыдно заставлять себя ждать. Но вот уже слышу, как запели девушки, вижу, как Айко все нетерпеливей машет сеткой, волнуется за меня. Никелированная крышка термоса описывает, отражаясь на солнце, серебряные круги.

Айко никогда не унывала. Она так умела смешить... И ей так шло ее милое кокетство...

Но вдруг случилось невообразимое, показалось, что лопнуло само небо. Но то, пожалуй, не небо, а мои уши лопнули. Ошеломленная, я посмотрела вверх. Там, над городом, стоял, упираясь в небо, столб, весь белый, будто из снега, стоял огненный столб, будто сделанный из огня и снега. Он сыпал огонь, он лил резкий до боли луч. Затем закипел, расширяясь сверху, раздался. Где покоилось его основание? Не разобрала. Говорите, какой толщины? Ну как бы вам сказать... В нашем городе, в самом его центре, был выставочный павильон, круглый такой дворец. Говорят, остов дворца сохранился. Мне кажется, столб тот будет потолще остова павильона...

В следующее мгновение я вспомнила школу.

— Айко! Айко!.. — кричу, но не слышу своего голоса.

Ничего не вижу. Не вижу Айко, не вижу машин, не вижу школы. Исчезло все. Перед глазами одна черная пустота. Черная пустота всюду: и там, где стояла школа, и там, далеко за школой. Всюду копоть, черная пустота...

С шумом и треском повалились деревья, загораживая путь. Они обдали меня жаром. Горячие пуговицы на платье впились в тело. Потом неведение, мрак, черная пустота...

В ней, этой черной пустоте, прошли мои последние двадцать лет. То, что я вам говорю здесь, не передает и сотой доли того, что я видела тогда. Я говорю огонь, пламя, белый снег... но разве это то, что было? Тому еще не придумано названия, тому еще нет сравнений. В нашем словаре нет таких слов, настолько точных и страшных, чтобы обозначить то. Смерть... гибель... катастрофа... нет, тоже не то!..

Мы говорим о железе, о камне, что они накаляются, плавятся. Но как сказать про железо и камень, если они мгновенно превращаются в пепел? Как, каким словом выразить это, когда на ваших глазах в одно мгновение исчезает целый город, превратившись в пыль?

Да, трудно выразить, но не это теперь меня заботит. Я двадцать лет пребываю в темноте. Говорят, что город отстроен, восстановлен. Говорят, что он стал краше и богаче, чем прежде. Мне так хочется посмотреть на него. Хоть одним глазом, хоть раз.

Этой надеждой — увидеть — я живу. Не могу и не хочу не надеяться. Первое, о чем я спросила доктора, когда пришла в себя, это о них, о моих глазах.

— Тетенька,— умоляла я,— скажите, что с моими глазами?

— Что же ты, милая, беспокоишься... Они очаровательны, как всегда.

— Ведь не ослепла же я?

— Нет, нет... Ты не видишь, это так. Но это пройдет, скоро пройдет.

— А как лицо, что с ним?

— Никаких серьезных изменений. Оно прекрасно, как белый мрамор. Красиво, как и прежде.

— А волосы?..

— Волосы пришлось сбрить. Но они быстро отрастут.

А где мои ноги, где руки? Есть ли они вообще, этого я не пытаюсь выяснить. Я беспокоюсь о лице, о глазах. Тщетно пытаюсь нащупать их, но руки не слушаются, будто они не мои. Может быть, их давно отрезали? Ноги тоже как не мои, тоже непослушны.

Но глаза... Я верю, что они уцелели. Вернется зрение, а лицо накрашу, я знаю, как это делается. А может, ничего и не надо делать, ведь говорила же доктор, что лицо белое, как мрамор. Нет, она ошибается, у меня не мраморная белизна, у меня белизна несколько иная. И не у меня одной. Айко всегда завидовала моим глазам, говорила, что они черные-черные, а ресницы длинные-длинные...

Но вот что удивительно. Никто никогда не назвал меня слепой. Никто из всех, кто приходил сюда в течение двадцати лет. Это утешает меня. Поэтому я не прячу глаз. Смело смотрю туда, откуда раздается голос. Здоровуюсь, улыбаюсь... Если бы я была безобразной, если

бы мое лицо было в шрамах, а в черепе зияли глазные впадины, нет сомнения, вы бы испугались.

Мне теперь тридцать пять. Когда я лишилась зрения, лишилась жизни, было пятнадцать. Но этих двадцати лет будто и нет: я не могу считать их жизнью. Мне все еще пятнадцать. Я все еще надеюсь, что прозрею. Мне пятнадцать, потому что надежда на прозрение не дает мне стареть.

Как только прозрею, пойду в школу. Говорят, что там вырос новый сад. Говорят, что школа теперь пятиэтажная. Говорят, что моя фотография висит на самом видном месте. А ведь оставалось всего год учиться. Как прозрею, первым делом окончу школу. А потом поступлю в университет, на новый факультет детского питания.

Говорят, что уже нет той пустыни, говорят, что вокруг все зазеленело и что город забыл былое горе. Горе, печаль... Ясно, они не украшают город. Город должен быть нарядным, веселым. Но люди... Люди не имеют права забывать. Если вернется зрение, я мечтаю описать тот день, — описать увиденное ценою потери зрения. Я помню все. В первые годы надежда воодушевляла меня, и я, бывало, воскрешала в памяти все новые подробности. Теперь не то: теперь чувствую, что некоторые детали начинают тускнеть, теряют ясность. Если зрение вернется не скоро, боюсь, забудется многое...

Говорят, что после катастрофы забеспокоился весь мир, запротестовал весь свет. Я не знаю и не могла знать — находилась при смерти — насколько решительным был этот протест. А как было у вас?

Не стало половины города, сгорела дотла. И это всего за две секунды. Мой город не был военным, в ту пору у нас жили одни женщины, дети да старики. Он никому не делал зла, никому не угрожал, в нем не было ничего особенного.

Не могу до сих пор понять, чем и перед кем он провинился. Чем провинились мои подруги, ведь они хотели только добра: помочь отремонтировать школу соседней, у которых не осталось ни одного мужчины. Двад-

цать две девушки превратились в пепел, в одно мгновение превратились в пыль. Уцелела лишь я, двадцать третья. Говорю «уцелела»... Но что это за жизнь...

Эх, Айко, Айко! Ты была опорой слабых, на тебе держались беспомощные старушки из трех хижин, ты поддерживала их лаской, своей всегдашней веселостью. А как ты умела готовить! Тебе было достаточно одного зернышка риса, одного пучка лука и кусочка рыбы, чтобы приготовить обед на целое семейство... Ты была ловкой, и в твоих умелых руках горело все, у тебя было не десять пальцев, а десять рук.

Оскорбленной душе порой хочется мщения. Хочется, чтобы буря людского гнева расплескала чай, который с таким аппетитом подносит к своим губам твой оскорбитель. Хочется, чтобы дом его покрылся пятнистой пылью, начиненной смертью. Хочется, чтобы и он испытал, что значит быть калеккой... Чтобы калекками родились его дети, дети его детей...

Нет, я не мстительная. Но не верьте мне, если я скажу, что ни разу не жаждала мести. Я жаждала мести — и не раз. Но сдерживала себя, сдерживала так, что, кажется, оно, это чувство мести, уже начинает презирать меня.

«Этого я не желаю даже врагу». Так говорят у нас. Так, пожалуй, говорят всюду. Мы — народ гостеприимный, добрый. И я не желаю этого никому. Не хочу беды ничьим домам. Не хочу, чтобы их жильцы жарились, подобно муравьям. Не хочу, чтобы вился пятнистый пепел над миром.

Ко мне приходит много людей. Все просят рассказать об этом. Возможно, мой рассказ покажется заученным, но ничего не могу поделать: мне приходится повторять его очень часто...

Я живу надеждой, я жива мечтами... Но осуществить их не в моих силах. О чем, интересно знать, мечтают другие?..

Эх, если бы ко мне вернулось зрение! Прозреть бы, прозреть!..

РАССКАЗ КАМНЯ

Я

— черный мрамор, я — черный камень. Я сверкаю после того, как побываю в руках человека. Я вижу все, решительно все. Человек не может смотреть на солнце, а я могу. Человек не всегда видит правильно — он любит тем, на что смотрит, радуется, негодует, испытывает страх, когда смотрит. Я же смотрю на все просто, я вижу ясно, потому что мне не мешают чувства. Мне видно все и всегда. Я не вижу лишь ночью.

— Я — черный мрамор, я — черный камень. Мне чужда радость, мне неведом страх. Мне чуждо волнение. Я передаю только то, что вижу. Мне нет дела, как будут использовать люди мои свидетельства.

То был не праздничный день. Тогда не было ничего, что напоминало бы о празднике. Тогда никто не улыбался, стыдно как-то было улыбаться, потому что над всеми тяготела война, все сознавали горечь поражения. В тот день мимо меня проходило много людей, много печальных людей. Прошли под-

ростки, школьники, женщины, старики. Невеселые, неопрятно одетые. А еще раньше, рано утром, прошли рабочие, мрачные, запачканные и какие-то отчужденные. Даже девушки не улыбались. Дети... те совсем забыли, что такое резвость. Женщины подавлены, дети поникли, вообще все люди стали невзрачными, стали ниже и меньше. Незаметно и тихо, без былого грохота, проехали военные машины.

Был ясный, жаркий день. Утомленный зноем, мирно дремал лес, стояли, будто прислушиваясь к чему-то, деревья на улицах. Дремал и я.

Вдруг что-то вспыхнуло и нависло огненным столбом. Одним концом столб упирался в город, другим сверкал на высоте полукилометра, образуя там бушующий колпак. Всюду хлынул поток небывалого огня, поток небывалого света. Город свернулся в трубочку, как бумага, брошенная в огонь, и исчез. Металл превратился в пепел. Камень — в пыль. Весь город превратился в пыль, которая исчезла мгновенно, будто ее проглотила какая-то чудовищная глотка. Осталось лишь место, где стоял город, — выжженное и неровное.

Огненный поток швырял в меня людей, швырял пачками и в одиночку. Ударяясь они отскакивали от меня. Отлетали ноги, руки. Вдребезги разбивались головы... Не приведи бог, чтобы человек бился головой о камень... Горел воздух.

На трамвайной остановке было людно. Не успев отъехать, вспыхнул переполненный трамвай. Вспыхнул и исчез, лишь на мгновение обнажив свой металлический каркас. Не стало и людей: и тех, кто успел пролезть в переполненный трамвай, и тех, кто не успел. Они сгорели, не ощущая того, что горят. Не приведи бог слышать, как семьдесят пять тысяч человек стонут, сгорая! Не приведи бог видеть, как пожирает пламя тысячи невинных детских глаз, как вспыхивает форма на тысячах школьников, как их обнажившиеся тела шипят и жарятся в огне! Слава богу, все кончилось быстро, так быстро, что даже змей не успел бы высунуть язык. Город превратился в

черную пустошь. На ближайшем склоне горы обнажились большие, как убитые слоны, камни; листья деревьев исчезли мгновенно, как исчезает всплунутая кем-то стая осенних птичек.

Потом подул сильный ветер. Подул завихренно, порывисто, желая, как казалось, прогнать злую силу, которая так внезапно развеяла город. Ветер был зол и решителен: попадись ему дом, даже дом бедняка, снес бы, не пожалел. Но ничто не препятствовало ему, и ветер, который всегда обнимал каждое дерево густых, как бор, парков, теперь одиноко неся по горячим кучам черной сажи, задыхаясь пепельной пылью.

Потом появились первые признаки жизни: выползли, удивленно озираясь, дети. И было чему удивляться: такую трагедию мир узнал впервые. Ее создали люди, чтобы губить друг друга, это их творчество.

Затем вышли женщины, вышли старики. Оглядываются. Где же город? Со смешанным чувством удивления и страха люди тщетно протирали глаза: их ли это город? Не ищите, люди, города, не утруждайте себя напрасно. Ищите лучше, откуда она, эта черная беда, нагрянула на вас? Ищите зло, найдите, где оно притаилось.

Раньше в центре города было круглое пятиэтажное здание. На его месте посреди гладкого черного поля остался одиноко торчать обгоревший каркас. Как он уцелел? Может, чудовищный огонь решил оставить хоть какой-то след от бывшего или оно оказалось более устойчивым благодаря своей обтекаемой форме?

Но вот люди задвигались — в пожарище началась жизнь. Люди жгли останки людей, дожигали обгоревшие трупы. Чистили свое подожженное гнездо. Я не слышал, как люди при этом рыдали — у меня нет ушей, но, пожалуй, это хорошо, что у меня нет ушей, я бы не стерпел, даже я, камень.

Вскоре рядом со мной появилось несколько досок, несколько объявлений с первыми сведениями о катастрофе: температура — триста тысяч градусов, в радиусе одного километра от эпицентра взрыва исчезло все живое и

неживое, а там, дальше этого круга, сила взрыва несколько ослабла — там уцелели, хотя и начинали плавиться, — камень, металл.

Я — черный мрамор, я — черный камень. Я не умею считать, и я не знаю, сколько прошло с тех пор месяцев, сколько минуло лет. Я знаю только вечность, для меня существует лишь одно измерение — вечность.

Теперь город восстановлен. Он выше и краше, чем прежде. Вновь ожили сады. И улицы шире. Ничто не напоминает о катастрофе. Решительно ничто, ибо хорошо поработали годы, хорошо потрудились люди. Они достойны самой высшей похвалы. Но я не собирался прославлять труд человека. И без меня знают, как трудолюбив простой японец. Я хотел поведать лишь о том страшном дне. О дне, когда плавился металл, когда плавился камень. Хотел, чтобы люди помнили тот день. И чтобы остерегались.

В центре города, пережившего тот ужасный день, теперь возвышается каменный человек. Его поднятая правая рука напоминает людям, где находится небо. Его левая рука простирается к людям — просит мира и спокойствия. Его глаза, прикрытые тяжелыми веками, умоляют, чтобы не повторилась беда.

Вот, собственно, все, что вам, людям, хотел я поведать. Надеюсь, вы не станете спрашивать у камня, что вам надо делать, чтобы не испытать этого еще раз.

Нагасаки-Хиросима
1965

ВОЛЧИЙ БРОД

ень и ночь, день и ночь — время в старой степи двигалось медленно, как отары. И снова солнце застало в пути Айгуль и ее овец.

Долгие часы суток вовсе не казались унылыми Айгуль, привыкшей с детства к приволью, неповторимому разнообразию и непостоянству своей степи. Вот уже двадцать лет с той поры, как война перестала разграничивать работу на мужскую и женскую, — жизнь Айгуль под скрип седла кочевала с пастбища на пастбище, от колодца к колодцу. В этом заведенном движении был свой порядок, и она уже знала, что холодный ветреный октябрь застанет ее верхом на коне, а весной, с первыми ручьями таявшего в песках необильного снега, придется возвращаться ненадолго в поселок — отчитываться, как прошла зимовка, был ли падеж, сколько овец в отаре и какой получен приплод...

Но если Айгуль привыкла к неторопливому шествию отары, то

не мог и не хотел привыкнуть к этому ее молодой золотисто-рыжий конь. На длинном ремне он следовал за своей хозяйкой, небрежно переставляя сильные стройные ноги. Иногда он догонял ее, опускал морду на плечо, словно поторапливал. Утешить бы его куском сахара, но сахара у Айгуль не было. Тогда он переставал просяще шевелить пухлыми губами и с отчаянной решимостью, на свой страх и риск, рвался вперед. Сильным и ловким движением Айгуль сдерживала его, и конь на какое-то время покорно примеривался к овечьему ходу.

Уже довольно долго впереди блестела на солнце водная поверхность, и наконец отара достигла ее. Овцы вошли в воду. По воде предстояло брести целый день, всю ночь и еще день — в это время года не удавалось миновать безбрежные разливы Сыр-Дарьи. И только завтра к вечеру появится песчаный холм, похожий на сидящего волка, а там теплые кошары, жилье для чабанов, одним словом, — все, что обещал председатель колхоза.

Этому разливу, как морю, не было видно конца. Летом тут пыль. По обеим сторонам дороги сверкают твердые, как камень, солончаки. А сейчас над разливом, словно островки, торчали древние мазары. На одном из них чернела точка — огромный коршун, который тоже хорошо усвоил время перекочевок, сидел и терпеливо ждал, не отстанет ли от матери ослабевший ягненок.

Когда-то в далекой древности здесь было не так пустынно. Долина полноводной Сыр-Дарьи привлекала земледельцев, не было конца их полям и садам — возделывали рис, пшеницу, ячмень, цвели вишня и хурма, наливались тяжестью арбузы и дыни. Так было, и Айгуль знала об этом по старым преданиям, которые сохранились у казахов с тех времен, когда они еще и не знали письменности.

По тем же преданиям она знала и о другом. Субудайбагадур, главный военачальник у Чингис-хана, глубоко презирал людей, которые, как кроты, как свиньи, копаются в земле. Кони монгольских всадников вытоптали посевы, а потом набегу саранчи, ветер и песок доделали начатое: пустыня подошла вплотную к берегам реки. Арыки,

сохранившиеся с древности, ничего, кроме вреда, не приносили: из глубин земли они вытягивали соль, и она белой накипью выступала на поверхности, уничтожая все живое. Арыки были еще пристанищем злых малярийных комаров.

В наше время понадобилась не одна пятилетка, чтобы установить какое-то равновесие между полями и пастбищами, чтобы рис и пшеница не враждовали с овцой и конем. Но вот бесноватую реку никак не удавалось обуздать.

Чего только не выдывала Сыр-Дарья! Порой ее щедрость невозможно было отличить от злобного коварства. Стоило начальству в области на минуту упустить из виду ее нрав, и река спешила напомнить о себе: топила ягнят, а подчас и взрослых овец, размывала рисовые поля, широким мутным потоком захлестывала аулы и села. Ветер рябил воду на их улицах, а когда он ненадолго унимался, в разлив, как в зеркало, смотрелись проплывающие мимо облака.

У Айгуль были опасения, что так может случиться и в нынешнем году. Река не станет ждать, пока в обкоме и облисполкоме примут решение, пока его разошлют на места... Она возьмет и прорвется! И тогда пойдй попробуй с ней справиться!

Айгуль с завистью думала, что соседи — таджики, узбеки, — находятся в лучшем положении. В своем течении на их землях Сыр-Дарья почти никогда не замерзает. Если лед даже и остановит ее постоянный бег, все равно река вскрывается на добрые две недели раньше, чем в низовьях. Там не приходится, как здесь, пробивать заторы, чтобы избежать наводнения.

За все эти годы одиночества у Айгуль выработалась привычка разговаривать вслух. Вот и сейчас она обратилась к самой себе:

— Сколько же нам еще терпеть от нее!.. Нет, так больше нельзя. Сколько всего у нас сделано, а вот что касается скотоводства, то мы, казахи, как были кочевниками, так и остались! Я, помню, читала, — в Казахстане семь

тысяч, семь с половиной даже тысяч рек. И ни одну еще мы не усмирили. Что хотят, то и делают!

Очень давно уже приходили эти мысли в голову Айгуль, и она все собиралась высказать их на каком-нибудь ответственном совещании или собрании — хотя бы на сессии Верховного Совета, куда она ездила много лет как несменный почти депутат своих земляков. Она много раз принималась обдумывать свое будущее выступление, фактов, доводов и предложений у нее было хоть отбавляй, и они теснились, мешали друг другу не хуже, чем овцы, когда их пригоняешь на водопой к колодцу.

Овцы брели по воде, и с их длинной неостриженной шерсти сыпались сверкающие капли.

Во время своих депутатских поездок по области Айгуль встречала многих людей, таких же чабанов, как она сама, рисоводов, строителей оросительных систем. Она хорошо представляла себе их нелегкую работу и знала, в чем кто из них нуждается. Она не расставалась с ними и в долгие ночи зимнего одиночества — припоминала поездки, разговоры с этими людьми, и ей становилось легче переносить стужу и ветер и разные неожиданности, которые всегда поджидают человека, идущего с отарой в степи.

От Сыр-Дарьи до их отгонов строился канал. Когда она приезжала туда, то постоянно слышала: «Пусть автолавка почаще заглядывает...», «Кино сколько уже времени не показывали», «Может, кто-нибудь покажет сюда дорогу артистам из города». Но главное: «Воды!.. Воду пусть возят без перебоев». Про воду ей можно было и не объяснять, она и так добилась двух лишних автоцистерн. Но в пустынной степи воды не всегда хватало для питья, ее распределяли на участках литровыми банками. Что уж тут говорить про умывание! А попробуй — поторчи весь день в душной кабине бульдозера или скрепера, в жаре и в пыли...

От этих мыслей ее вернуло к отаре жалобное бляенье ягнят, самым старшим из которых едва исполнилась неделя, Один из них — лопухий, угольно-черный, весь в мокрых завитках, как все, хотел было лечь от усталости, но крутом

по-прежнему была вода, и ягненок судорожно зашепшил вслед за матерью, которая беспокойно озиралась и подзывала его коротким бляньем.

Айгуль взяла ягненка на руки. Но тут ее конь, в который уже раз потеряв терпение, снова ткнулся в плечо. Она едва сохранила равновесие, а ягненок упал и изрядно хлебнул воды, успевшей осолониться. Он долго чихал и облизывал губы. Айгуль подхватила его, вытерла мордочку. Она зашагала по воде, не разбирая, где глубоко, а где мелко, и скоро ее резиновые сапоги наполнились, подошвы увязали в раскисшем солончаке.

Стоя, как аист, на одной ноге, Айгуль разулась и понесла ягненка к телеге. Эту самодельную телегу, куда они устраивали обессилевших, тащил верблюд.

Он со своей высоты презрительно щурился на старика, который вел его. Он решительно не одобрял этой затеи — тащиться по воде за сто верст, как будто нельзя было обождать, пока здесь все подсохнет.

Старик — помощник Айгуль — сердито хмыкнул, когда она подошла к телеге и положила ягненка.

— Там уже набралось до полсотни, — сказал он, не останавливаясь, продолжая вести верблюда в поводу. — А до вечера еще далеко, моя дорогая Айгуль! Овцы вот-вот начнут котиться, они же не станут терпеть. Придется резать...

— Вы одно знаете, — за нож хвататься! Как будто не слышали, что в нашей отаре решено приплод оставить на выращивание.

— Я могу даже выбросить нож, если он тебе так мешает, — продолжал старик. — А ты вернись к овцам и уговори их подождать. Как будто не знали! Зоотехник не знал, что ли, когда начнется массовый окот? Или ты не знала? А еще депутат!

Айгуль трудно было что-нибудь возразить, но были у нее и смягчающие доводы.

— А что я могла сделать? Или что мог зоотехник? Как назло, ни один из ветряков на колодцах не качал воду. Понятно, что мы дождались бы окота на зимних

пастбищах. Да что я вам объясняю, как будто вы сами не знаете! — внезапно рассердилась она.

— Ладно, — примирительно сказал старик. — Я дольше тебя живу на свете... И помню, один только раз было, чтобы так сразу наступило тепло, чтобы снег сошел чуть ли не за один день и одну ночь. Вот и пришлось нам бежать от безводья.

— Не знаешь, что и выбрать, — вздохнула Айгуль. — Чтобы овцы и ягнята подошли от жажды или чтобы они захлебнулись в воде...

— А что же, Айгуль, мы ветряки для украшения у себя поставили? Чтобы они просто махали своими крыльями?

— Зачем... Они воду должны качать.

— Да, воду... А вот что такое ветряк? Одно колесо крутит другое, зуб за зуб цепляется, вода идет вверх. А почему трубы в свое время не подвезли, чтобы заменить негодные? Зоотехник, перма, баскарма¹ — они должны работать, как хорошо пригнанные шестерни. А у нас что?.. Колодцы есть, ветряки поставлены, а воды — нет.

Айгуль и на этот упрек нечего было ответить, и она предпочла промолчать. Она ушла, но пришлось вернуться, еще один ягненок свалился в воду. И как только она опустила его в крытую телегу, весь этот детский сад начал жаловаться ей на разные голоса.

— Голодные, — сказал старик.

Айгуль, продолжая идти рядом с телегой, поглаживала мордочки ягнят, которые беспомощно тыкались между деревянными боковыми ребрами.

— Придется потерпеть, — утешала она их. — Придется вам до захода солнца потерпеть, и завтра весь день. А там уж насосетесь досыта!

— Смотри! Смотри! Унесет!.. — прервал ее уговоры старик, показывая рукой в сторону отары, которая растянулась по воде.

¹ Перма — искаж. заведующий фермой; баскарма — председатель.

Тишину весеннего дня прорезал свист огромных крыльев, потом раздался глухой шум падающего тела — степной орел свалился с неба.

Айгуль сперва испугалась, а потом захохотала:

— Ну и пусть! — крикнула она. — Такого обеда ему еще никогда не доставалось!

Не разобрав, орел кинулся на сапоги, которые оставила позади Айгуль, — на голенища, торчавшие из воды. Уже готовый вцепиться выпущенными когтями, орел сообразил, какую он допустил непростительную оплошность, и метнулся в сторону. Больше он ни на кого не нацеливался, а постарался убраться подальше от такого позора.

Орлиный промах развеселил Айгуль, но ненадолго. Позади от горизонта отделился всадник. Он гнал коня, и конь разбрызгивал воду. Заметив, что возле отары Айгуль нет, всадник свернул к телеге. Он еще издали начал размахивать шапкой, давая понять, что дело у него очень важное и очень срочное.

Это был Берден, чабан из седьмой бригады, и то, что он, не успев подъехать, окликнул ее: «Товарищ депутат!..», тоже не предвещало ничего доброго.

Возле телеги Берден осадил коня.

— Товарищ депутат! — повторил он.

— Ты, Берден, хоть бы слез с коня, — сказала Айгуль, конь под ним дрожал и тяжело дышал.

— Некогда... Я догнал вас, потому что дело у меня плохо... Через час, самое большее, все ягнята у меня захлебнутся. Волчий Брод впереди...

Старик, не расслышав, о чем он, крикнул:

— Волков испугался? А что же твои собаки?

— Волков, а кто их боится?.. — отозвался Берден. — Я про Волчий Брод говорю. Овцы с помощью алаха перейдут. А ягнята? Мне их спасать надо!

Айгуль не надо было объяснять про Волчий Брод. Этот овраг, длиной в добрые два десятка километров, в дни весенних разливов Сыр-Дарьи заполнялся водой. Миновать его стороной никак было нельзя. Айгуль на

этот раз повезло: ее отара прошла Волчий Брод накануне вечером, когда вода до него еще не дошла. А так Волчий Брод, оправдывая свое название, ни в одну весну не упустил случая поживиться овцами. Каждый новый председатель колхоза обещал поставить там мост, но моста до сих пор не было.

— Если бы я один... — продолжал Берден. — А то следом за моей еще две отары подходят к Волчьему Броду.

— Еще две, говоришь?

— Да, только я издали не мог разглядеть — чьи. А к вечеру или ночью и другие, должно быть, подойдут.

— Что же вы, бедняги, не догадались хоть какую-нибудь телегу оборудовать? — повернулся к ним старик.

— Телега!.. — проворчал Берден. — Это шайтан знает, что такое, а не телега!

Да, телегой его сооружение можно было назвать только условно: два старых колеса от мотоцикла, два передних от плуга, по бокам — решетка юрты. И все это сверху покрыто кошмой.

Айгуль взяло зло на Бердена. Что за беспомощный! Недаром же говорят, что у себя дома он без разрешения жены шагу ступить не может. А еще штаны носит!.. Не мог сам все сообразить и сделать, к ней кинулся, как будто она может на руках перетаскать его ягнят через Волчий Брод.

Но она сдержалась, не выдала раздражения, овладевшего ею.

И спокойно сказала:

— Хорошо... Езжай к себе. Я догоню. — Она подошла вплотную к старику. — Вот... Такое дело... Придется мне наведаться, посмотреть, что там у них. Возможно, к ночи я вернусь. А если нет, отара пусть идет, как шла. Вы только последите, чтобы собаки за мной не увязались.

Старик поднял на нее бесцветные глаза.

— В мои времена, — сказал он, — мужчины приходили на помощь женщинам. Может быть, теперь
16 – 1547

делают иначе? А Берден этот! У-у, ахмак!..¹ Была бы у него своя отара, разве он пустился бы в путь, не наладив телегу? Про мою сказал «это шайтан знает, что такое». Да как хочешь ее назови, лишь бы ягням помочь. А сейчас перепугался сам и решил депутата взять в свидетели, что ничего не мог поделывать, не мог предотвратить беду... Тьфу! — сплюнул старик и зашагал дальше со своим верблюдом.

Айгуль вернулась к сапогам, голенища по-прежнему торчали над зеркальной поверхностью, вылила из них воду и обулась. Легко вскочила на своего рыжего красавца и повернула его назад.

Но застоявшемуся коню было все равно куда — лишь бы не плестись в хвосте отары, и он с места пошел вскачь.

Айгуль перевела его на рысь.

Позади раздались хриплые возгласы:

— Кях!.. Кях, кях! Кях...

Это старик подзывал собак.

Айгуль со своей отарой отошла от Волчьего Брода не так уж далеко, и резвый конь вскоре доставил ее туда.

На противоположном берегу неизвестно чего ждали отары. Не только отара Бердена, а еще две. Над овцами возвышались верблюды, они были навьючены разобранными юртами и домашним скарбом. Два молодых чабана, завидев Айгуль, поспешили к ней на своих конях.

Айгуль сухо ответила на их преувеличенно почтительные приветствия и спросила:

— Вы помните, может быть, о чем мы договаривались перед тем как расстаться?

Они смущенно переглянулись.

— Помним... — начал один.

Другой пришел на помощь товарищу:

— А разве самое главное, чтобы мы помнили? Завфермой вчера приказал: трогайтесь, говорит, хватит торчать на месте...

¹ Ахмак — болван.

Айгуль тронула коня. Он нерешительно вступил в мутный поток. Вода подходила ему под самое брюхо, и ноги Айгуль тоже погрузились в воду. Она и сама сейчас, не хуже, чем этот поток, бурлила от возмущения! Как это из-за глупости из-за безалаберности одного человека люди с отарами попали в беду...

Чабаны продолжали объяснять и оправдываться:

— Мы-то спокойно могли переждать. У нас, не как у других, ветряк работал, вода была.

— И кормов бы там хватило. Но завфермой приказал...

Айгуль слушала их, стиснув зубы. «Завфермой приказал...» О, как хорошо она знала эту покорность, доставшуюся в наследство от старого аула! Покорность вошла в привычку. Покорность избавляла от необходимости думать самому и принимать решения, — и кое-кому была очень удобна. Но сейчас некогда предаваться горьким размышлениям.

Она, которой хотелось кричать от неразберихи, постаралась взять себя в руки.

— Хорошо, — сказала она, хотя все было далеко не «хорошо». — Ваша жизнь на пастбищах только начинается... Вы хотите прожить ее чужим умом? Но это на будущее. А сейчас — снимайте с верблюдов решетки от юрты. Соединим их по три, по четыре. Поняли? Получатся плоты. Каждый из них поднимет по двадцать, пускай по пятнадцать ягнят. А взрослые овцы и сами пройдут, ничего с ними не случится.

В наш век удивительных технических чудес это предложение отдавало первобытной простотой. Казалось, куда созвучнее эпохе пригнать сюда экскаватор, сделать насыпь, настелить доски, — и хоть сто отар смогут переправиться через Волчий Брод, не потеряв ни одного ягненка. Но бывают такие обстоятельства, когда не приходится задумываться — по старинке действуешь или не по старинке.

Переправа заняла много времени.

Чабаны суетились, кричали, спорили: ягнята еще не были помечены, и пастухи боялись, что они перемешаются, разберись потом, где чей. Кажется, они скорей были готовы потерять ягнят, лишь бы те не попали в чужую отару.

Айгуль наконец выдержала и закричала на них:

— Хватит! Хватит! Выйдем на сухое место, там и разберемся. А если что, я буду отвечать!

Возможность переложить ответственность на чьи-то плечи устроила и двух молодых чабанов и особенно Бердена. Они подчинились и начали действовать. Вскоре страшный Волчий Брод остался позади.

Отары всю ночь шли по воде, по той дороге, которую накануне уже проделала Айгуль. Каждый верблюд и каждый конь тащил за собой решетку, на которой вповалку лежали ягнята. Измученные не меньше овец собаки все же не забывали про службу. Их лай слышался то справа, то слева, то позади. Чабаны спешили на их голос и подбирали обессиленных ягнят.

Наступило утро, и повеселевшие чабаны подъехали к Айгуль.

В надежде, что ее помощник-старик сделает все, как сделала бы она сама, она всю ночь не отлучалась от трех отар.

Первым заговорил Берден:

— Слава аллаху, ночь прошла благополучно. Я думаю, теперь все обойдется. А ваш старик, наверное, совсем измучился в одиночку. Не бойтесь за нас, езжайте к своей отаре. Мы все сделаем, товарищ депутат, как вы приказывали.

Усталая Айгуль улыбнулась:

— А почему я должна приказывать? Вы — чабаны, и я чабан...

— Нет, Айгульджан, я хотел сказать, как ты советовала... — Когда Берден называл ее «товарищ депутат», он всегда обращался к ней на «вы», а когда говорил Айгуль, то это напоминало, что они выросли в одном ауле и уже много лет идут по одной чабанской тропе.

Берден собрался было ехать дальше, но неожиданно воскликнул:

— Ой-бай!.. Что это с моим верблюдом?

Но ничего особенного с верблюдом не случилось. Верблюд просто стал. Он дернул веревки один раз, другой и, почувствовав бессцельность своих усилий, замер на месте. Решетчатый плот за что-то зацепился. Ягнята, очутившись в воде, вскочили на ноги и подняли жалобный писк.

— Ничего не понимаю, — растерянно обернулся Берден к Айгуль. — Вода поднимается. Тонут ягнята...

— Да не может вода подниматься, — отозвалась Айгуль. — Я же знаю это место.

— Как не может? Смотри, затопляет плот. Не уезжайте, товарищ депутат...

Он то понукал верблюда, который отвечал недовольным ревом, то вытирал шапкой вспотевшую от волнения шею. Замахнувшись на верблюда, он выронил шапку и потянулся за ней, но она поплыла по воде.

— Куда же ты? — крикнул Берден и вдруг остановился. — Ничего не понимаю! Почему шапка плывет в ту сторону? К Сыр-Дарье, что ли, собралась?

Айгуль в недоумении смотрела: а ведь берденовскую шапку в самом деле понесло против обычного тока воды, по направлению к реке. Что-то непонятное творится...

— Стой! Стой! — крикнула она Вердену, который уже догнал шапку и наклонился, чтобы схватить ее. Верден выпрямился.

— Ты хочешь, чтобы шапка пропала? Чтобы Сыр-Дарья подарила ее Аралу?

— Ты не понимаешь!

Айгуль прыгнула с коня, сорвала с шеи шарф и, не раздумывая, бросила в воду.

Шарф тоже понесло в сторону Сыр-Дарьи. Он догнал шапку Вердена. Та в свою очередь ткнулась в пузатую овцу, которая испуганно шарахнулась в сторону.

— Остановите отары! — громко закричала Айгуль. — Пусть отдохнут овцы! День переждем, а завтра можно

будет уже по сухому добираться! А вы знаете, кто нам помог? Строители! Строители, которые копали канал от Сыр-Дарьи на отгоны!

Айгуль бывала там не раз. Она помогала строительномонтажному управлению получить недостающую землеройную технику. В областном центре добилась того, чтобы ускорили отправку рабочих. Строители торопились, но были скупы на обещания. Считалось, что канал будет закончен где-то в середине лета. А раз вода сейчас убывает, значит, они сумели опередить время. На два месяца раньше закончили. Новый канал жадно впитывал разлившуюся воду, чтобы вести ее в пески, на далекие отгонные пастбища.

Она не дослушала чабанов, которые шумно радовались такому исходу. Она, словно шестнадцатилетняя девушка, взлетела в седло и помчалась догонять свою отару.

Айгуль могла бы и не торопиться так, но ей трудно было оставаться на месте, и рыжий конь, словно понимая ее настроение, птицей стлался над водой.

А воды становилось все меньше.

1961

ЖИТЬ КНИГАМ МАСТЕРА

Есть писатели, при жизни становящиеся легендой. Великий казахский писатель Габит Мусрепов из их числа. Он стал истинным Мастером и Учителем.

Габит Мусрепов — художник особой палитры, многокрасочного, необычайно богатого колорита. Почувствовав однажды изумительные тона его нежнейших красок, услышав мелодию пронизывающих душу напевов, уже невозможно забыть их.

С поразительным мастерством он повествует о жизни необъятной казахской степи.

Утонченный аромат прозы Мусрепова напитал всю казахскую литературу.

Духовное здоровье, мощь народа определяются уровнем его культуры. Не может быть слабым народ, который любит литературу, создает бессмертные произведения искусства.

Сегодня, говоря о будущем развитии страны, нужно обращать внимание не столько на количество выпускаемых товаров, сколько на качество культурных ценностей, создаваемых народом, в том числе и литературных произведений.

Задача писателя — воздействовать на чувства, вызвать душевный отклик, а уж потом взволновать разум.

«Однажды — и на всю жизнь», «Улпан», десятки повестей и рассказов писателя являются шедеврами казахской прозы.

Читая и перечитывая книги Мастера, мы не скрываем своего восхищения гением художника.

Он страстно воспел любовь к своей Отчизне.

Поистине, Габит Мусрепов являет собой гордость казахской литературы.

Роллан СЕЙСЕНБАЕВ.

СОДЕРЖАНИЕ

Из созвездия талантов. К. Нагманов	12
Однажды — и на всю жизнь	
Перевод А. Беянинова	15
Слово о матери	
Мать. Перевод А. Соболева	86
Мужество матери. Перевод А. Беянинова	96
Материнский гнев. Перевод И. Саввина	112
Аклима. Перевод И. Саввина	120
Степные легенды	
Этнографический рассказ. Перевод А. Беянинова	133
Пятый вид. Перевод А. Беянинова	151
Легенда о Ер-Каптагас. Перевод А. Беянинова	166
Сказание об орлах. Перевод С. Куспанова	176
Зов жизни. Перевод В. Мироглова	188
Рассказы с натуры	
Кто стрелял в волка?	199
Тимка.	203
Амина.	208
Брюзгаев-младший.	212
Через двадцать лет	
Рассказ спины. Перевод С. Куспанова	218
Рассказ глаз. Перевод С. Куспанова	224
Рассказ камня. Перевод С. Куспанова	229
Волчий брод	
Перевод А. Беянинова	234
Жить книгам мастера. Р. Сейсенбаев	247

**БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
“АМАНАТ”**

Литература, искусство, история,
философия, образование и религия
народов мира

№10

Проза XX века

Габит МУСРЕПОВ

ОДНАЖДЫ – И НА ВСЮ ЖИЗНЬ

3007

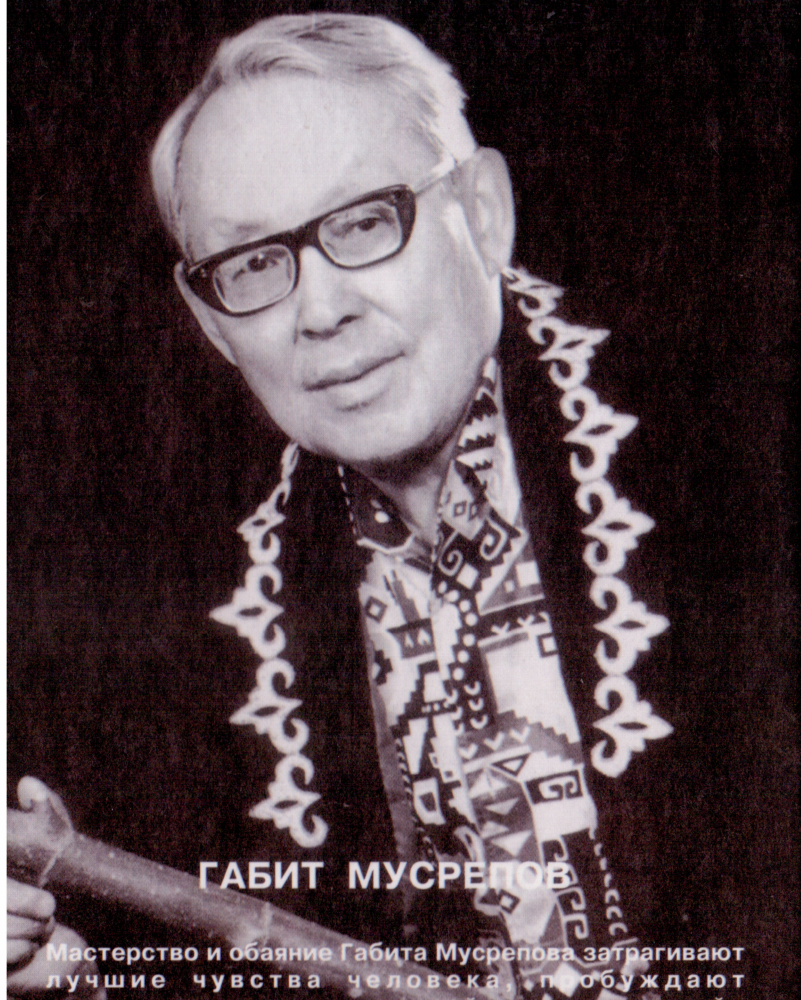
Редактор *Клара Серикбаева*
Художественный редактор *Дархан*
Технический редактор *Калима Жолдошова*
Корректор *Назым Каракулова*
Верстка *Назигуль Садвакасова,*
Шолпан Наурызбаева

Международный клуб Абая
490050, Семипалатинск, ул. Уранхаева, 73

Подписано в печать 6.06.2002. Формат издания 84х100 1/32.
Офсетная печать. Гарнитура “Академическая”. Тираж 1000 экз.
Усл.печ.л. 15,99. Уч.изд. 14,3. Заказ 1547. Цена договорная.

«Издательский дом Kitap», 480009, Алматы, пр.Гагарина, 93.
Тел. 42-36-31, 42-07-90. too_kitap@mail.ru

ГАБИТ МУСРЕПОВ

Мастерство и обаяние Габита Мусрепова затрагивают лучшие чувства человека, пробуждают красоту его мыслей и желаний. Гуманизм писателя, пристальное внимание к человеческим судьбам насыщают его рассказы живим душевным теплом. Он был художником широкого диапазона, отобразившим социально - психологическую жизнь казахского общества, обнажившим ее до самых корней.

Однотомник "Однажды - и на всю жизнь" - подарок Международного Клуба Абая (г. Семипалатинск) к 100 - летию великого казахского писателя Габита Мусрепова